С. А. Чибиряев

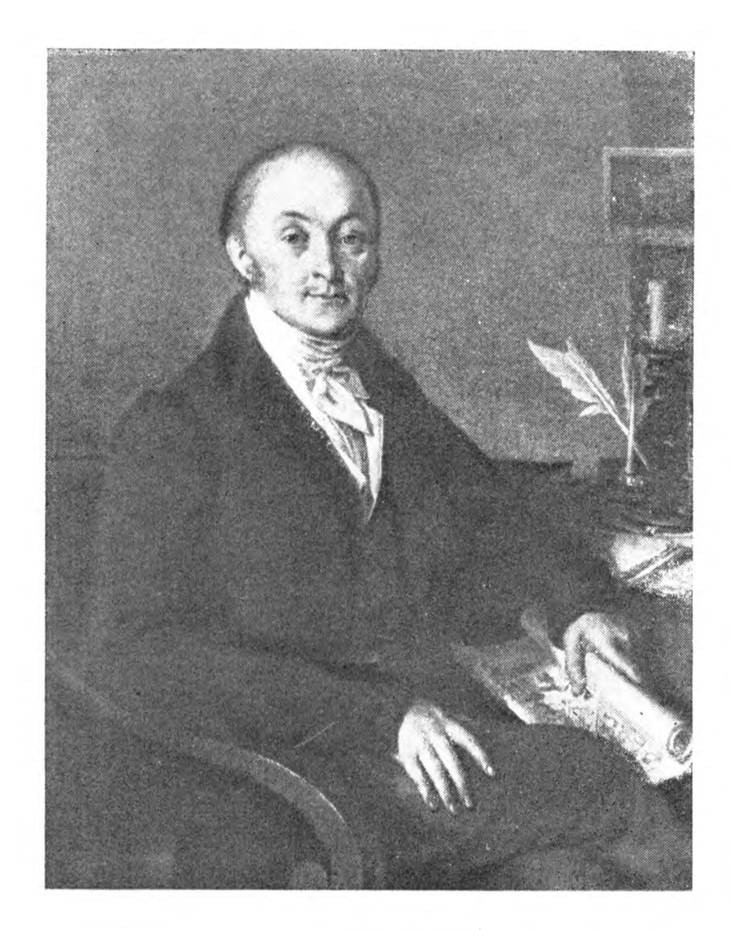
ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ РЕФОРМАТОР

Жизнь, деятельность, политические взгляды

М. М. СПЕРАНСКОГО

С.А.Чибиряев * ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ РЕФОРМАТОР *

М. М. СПЕРАНСКИЙ
Портрет работы В. А. Тропинина

Зак. 1204

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Серия «Исторические портреты»

С. А. Чибиряев

*

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ РЕФОРМАТОР

Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. СПЕРАНСКОГО

МОСКВА «НАУКА»
1989

ББК 63.3(0)52
Ч58

Рецензент

кандидат юридических наук
Н. М. ЗОЛОТУХИНА

Чибиряев С. А.

Ч58 Великий русский реформатор: Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. — М.: Наука, 1989. — 216 с.
ISBN 5—02—008491—3

Историко-юридическая наука часто говорит о М. М. Сперанском, часто касается круга вопросов, им выдвинутых. Книга эта о крупнейшем государственном деятеле России первой четверти XIX в. Детство, юность и сама служебная карьера его сложились необычным образом для государственных людей того времени. Ему представилась возможность изучить русскую действительность, материальную и духовную стороны жизни разных классов — от хижины до престола. Автор проводит историко-правовой анализ государственной реформы, предложенной М. М. Сперанским.

Для юристов, историков, всех, кто интересуется прошлым нашей Родины.

Ч $\frac{0503020200—171}{054(02)—89}$ Без объявл. ББК 63.3(0)52

ISBN 5—02—008491—3

От автора

По-разному складываются творческие судьбы общественных и государственных деятелей, имена которых вошли в историю. Один, прожив короткую блистательную жизнь, навсегда оставляет след в памяти народной. Другой остается автором либо одного произведения, написанного в молодости, либо создателем чего-то исключительного. Третий становится представителем и выразителем тех начал, которые, даже не осуществленные до конца, оказывают благотворное влияние на последующую общественную жизнь.

Последнее целиком относится к судьбе Михаила Михайловича Сперанского.

Жизнь и деятельность Сперанского протекала в конце XVIII и в первой половине XIX в. Государственная система, заложенная Петром Великим, была настолько крепкой и жизнеспособной, что ни бездумно-жестокая вакханалия бироновщины, ни елизаветинское легкомыслие, ни фаворитизм, ни всевластие «истинных детей отечества» — дворян, ни нашествие Наполеона, ни аракчеевщина не остановили развитие России. К 1780 г. по выплавке чугуна страна чуть ли не втрое превосходила экономического лидера западного мира — Англию. Россия блестяще выдержала испытания на прочность в противоборстве с военной машиной Фридриха II — лучшего полководца того времени. Успешно завершилась русско-турецкая война. В грозную пору 1812 г. под водительством М. И. Кутузова русская армия не только положила предел захватническим устремлениям Наполеона, остановив вражеское нашествие, но и нанесла сокрушительное поражение агрессору. Это предопределило конец государственной и военной карьеры Наполеона и крушение его империи.

То было время больших перемен в общественно-политической жизни, в сфере государственного устройства.

Русская наука вышла на мировой уровень. Здесь достаточно назвать М. В. Ломоносова и его ближайших сподвижников Н. Н. Половского, Н. Г. Курганова, Я. П. Козельского, А. П. Протасова, А. Д. Красильникова и др. В литературе появились такие имена, как В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, А. Н. Радищев. В Петербурге функционировали университет, Академия художеств, в крупных городах — гимназии.

Экстенсивный путь развития за счет ужесточения эксплуатации крепостных крестьян, с одной стороны, еще обеспечивал экономический рост страны, с другой — приближал предел, закладывал основы грозных потрясений. В эту пору уже родились те, кто позже составил пугачевскую вольницу, кто вышел на Сенатскую площадь, и те, кто своим умом и делами приблизил отмену крепостного права.

Обаятельно красноречивый, неутомимо деятельный с широкими и разносторонними познаниями, с большим служебным и жизненным опытом, проникнутый убеждением в необходимости перемен, М. М. Сперанский вполне отвечал тем стремлениям, которые в первые годы своего правления высказывал Александр I. В 1808 г. Сперанским начата разработка всеобщей реформы государственного устройства и всего законодательства. Он желал скорейшего завершения начатого дела и предлагал определить срок для полного преобразования — 1811 г. Вот что он писал в то время: «...итак, время есть первое начало и источник политических обновлений. Никакое правительство, с духом времени не сообразное, против всемощного его действия устоять не может. Теперь, т. е. в конце первого десятилетия прошлого века, время созрело для реформы. Чины и почести потеряли свое очарование; основание сему очевидно: когда разум начинает распознавать цену свободы, он отмечает с пренебрежением все детские, так сказать, игрушки, которыми забавлялся он в своем младенчестве... Образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления...»[1] Как же близки эти мысли сегодняшнему поколению советских людей, вступивших в эпоху

перестройки и становления подлинных демократических начал в деятельности органов государственной власти и управления.

М. М. Сперанский, человек просвещенный, интеллектуал и философ, тщетно уговаривал Александра I ввести новую систему государственного правления, «фундаментальные и непременные законы», гарантирующие прогрессивное развитие страны. Его план государственного преобразования так и не был приведен в жизнь полностью. На политическую арену явился Аракчеев.

Пользовавшийся огромным авторитетом в либерально настроенных кругах русского общества, Сперанский в то же время попал в немилость царского окружения. И как результат — ссылка. Бедный семинарист, поднявшийся на первую ступень в государстве, не мог не вызвать недоброжелательность и зависть. Возвышение лиц низкого происхождения само по себе не было в России исключительной редкостью, но в данном случае была та особенность, что возвышение основывалось только на даровании и заслугах бывшего семинариста, который и не думал искать себе поддержки в личных связях со знатью.

Его взгляды и высказывания по коренным вопросам государства и права, политики как внутренней, так и внешней изложены в многочисленных законопроектах, записках, нечто вроде мемуаров, официальной и частной переписке, в актах государственной власти.

В деловых бумагах отражается вся многосторонняя государственная деятельность Сперанского, а в частной переписке он является нам таким, каким был, или, по крайней мере... каким иногда хотел казаться. Литература о М. М. Сперанском скудна. Однако сохранилась огромная масса преданий о нем, в которых трудно отличить правду от домыслов и вымыслов. Чем объяснить все это? Прежде всего тем, что его сельское происхождение, исключительная карьера, внезапное падение, причины разрыва с императором и вообще романтические повороты его судьбы давали обильный материал для всевозможных прикрас. Еще мало известные читателю источники, собранные воедино, отражают поступательное движение русской правовой мысли.

Проект реформы государственного устройства, «Свод законов Российской империи», «Полное собрание законов», составленные Сперанским, поражают своей полнотой и систематичностью. Он тесно связал память о себе с развитием русского законодательства, государственно-правовых институтов. О нем сказано: «История не может не вписать этого имени на свои страницы»[2]. Это человек жизни в одно и то же время трагической и счастливой, так как он не бегал от трудностей и неустанно, смолоду, воспитывал сам себя.

Прослужив верой и правдой трем русским императорам, Сперанский много сделал для России. Его работа в области государственного управления и законотворчества по своей силе и глубине мысли должна быть прямо названа талантливой. Вместе с тем это был человек высоконравственной жизни, освещавший и облегчавший трудный жизненный путь многим людям, соприкасавшимся с ним, и столь же высоконравственного творчества, во всей красоте этого понятия, ставшего традицией для русской патриотически настроенной интеллигенции. Классовая ограниченность дворянских и буржуазных источников неизбежно приводила к умалению государственной деятельности Сперанского, а нередко и к извращению, затушевыванию его роли в развитии отечественной и политической мысли.

Перед юридической и исторической наукой стоит задача восстановить образ Сперанского — талантливого политического мыслителя и государственного деятеля.

В настоящем издании сделана попытка обобщить результаты работы, проделанной дореволюционными и советскими историками и юристами, отобразить жизнь и деятельность великого русского реформатора, его политические взгляды.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Начало пути

*

Родительский дом

Биография Михаила Михайловича Сперанского не только в высшей степени интересна, но и весьма поучительна. Родился М. М. Сперанский 1 января 1772 г. в семье бедного сельского священника в селе Черкутине Владимирской губ. Его отец — приходский священник, служивший сначала дьяконом и только за год до рождения сына получивший сан священника. Это был совершенно заурядный человек. Отец до конца своих дней выполнял всю необходимую для деревенского жителя работу. Плата за богослужение была такая ничтожная, что приходилось вести обычное крестьянское хозяйство. Таких священнослужителей называли «священниками-земледельцами». Мать же Сперанского, Прасковья Федоровна, отличалась энергией и живостью ума, была почитаема в деревне за свою благочестивую жизнь. Зять ее, протоиерей Третьяков, потом напишет: «В течение 27 лет, что мы жили вместе, не видал я в ней ничего кроме благословенных трудов и неутомимого занятия в хозяйстве, а паче всего хождения в церковь Божию, не пропуская ни одного дня, какая бы ни была погода» [1].

Все, что мы знаем о родителях Сперанского, их домашнем быте и обстановке, говорит о довольно темной, забитой нуждой жизни сельского духовенства в царской России. Родителям, малообразованным, постоянно занятым думой о хлебе насущном, было не до воспитания сына, и только слепой дед Василий положил начало развитию у мальчика тех духовных задатков, которыми так щедро наградила его природа. Слепой дед научил его читать. Шестилетний ребенок водил деда ежедневно в церковь и там за обедней читал часослов и апостол. С тем чтобы он мог видеть текст, под ноги ему ставили скамейку. Все свободное время мальчик проводил за книгами на чердаке

или где-нибудь в укромном уголке. Читал все, что попадалось.

Когда ребенку минуло семь лет, отец отвез его во Владимир для определения в семинарию. Михайло Васильев сдал сына своему зятю протодьякону Матвею Богословскому, когда-то выдающемуся по способностям студенту Владимирской семинарии. Он более всех способствовал нравственному и умственному развитию мальчика, часто помогал в занятиях племяннику и своему сыну, одновременно с ним записанному в семинарию. Но особое влияние на формирование Сперанского как личности оказала дочь Матвея Богословского — Татьяна Матвеевна Смирнова, у которой в дальнейшем и жил мальчик. Это была умная, владевшая замечательным даром слова женщина. Признательность свою к этой воспитательнице он сохранил до конца дней своих.

Читатель вправе усомниться в достоверности фамилии Сперанского. Отец его не имел родовой фамилии. Ревизские сказки, исповедные росписи и другие документы постоянно означают священников Василия (деда) и Михаила (отца) только по отчеству, не указывая фамилии. По крайней мере, достоверно то, что фамилию Сперанский мальчик начал носить в семинарии с первых же дней пребывания в ней. Еще в 1782 г., когда ему, следовательно, шел всего одиннадцатый год, в ревизской сказке говорится: «Покровский округ, село Черкутино, попов сын Михайло Сперанский». На эту фамилию записал его дядя Матвей Богословский при поступлении во Владимирскую семинарию (от латинского слова «сперанта» — надежда). Однако до этого у Сперанского была фамилия Третьяков, что установлено журналистом А. Г. Никитиным при изучении переписки Сперанского с родственниками, хранящейся в архиве филиала Государственной публичной библиотеки (Дом Плеханова).

Годы учебы

Итак, Сперанский во Владимирской семинарии, где изучает латинский и греческий языки, обучается риторике, математике, физике, а также философии и богослужению. Все предметы преподавались формально, по устаревшим схоластическим учебникам. Семинаристы должны были заучивать наизусть целые главы. И только огромное стремление к знаниям и большая любовь к труду, которые отличали Сперанского до последних дней жизни, способст-

вовали глубине и объему познаний юного семинариста. Рос его интерес к «светским» наукам. Учился Сперанский отлично, особенно проявлял себя там, где следовало мыслить самостоятельно. Любимыми предметами для него были философия и риторика. В последнем классе семинарии ему было уже позволено читать проповеди. Дома на каникулах он много читал. Сохранившийся дневник Сперанского красноречиво говорит о полуголодной жизни семинариста, о скудном его хозяйстве.

Уже в те годы в трудолюбивом и даровитом юноше наблюдаются черты ловкой вкрадчивости, умение показать себя перед старшими и сверстниками, которые он пронес через всю жизнь.

Отличная успеваемость и примерное поведение не прошли незамеченными. Сначала Сперанский был определен в архиерейский хор, что тогда считалось особым отличием. Ректор семинарии, а впоследствии епископ Костромской и Галицкий, Евгений взял его к себе в келейники. В обязанности келейника входило прислуживание ректору как дома, так и при церковном богослужении.

В ректорском доме с его богатой библиотекой Сперанский получил прекрасные возможности для образования.

В 1788 г. произошло объединение владимирской, суздальской и переяславской семинарий в одну с размещением семинарии в Суздале. В том же году по высочайшему повелению была основана в Петербурге главная семинария в Александро-Невском монастыре. Было приказано прислать из всех семинарий России учеников, «надежнейших в благонравии, поведении и учении, и лучшего перед другими понятия, для образования их к учительской в высших классах должности» [2]. В Суздале выбор пал на Сперанского и двух его товарищей. Восемнадцати лет от роду трое юношей были зачислены в новую семинарию на казенное содержание.

Курс Александро-Невской семинарии включал красноречие, философию, богословие, математику, физику и французский язык. Здесь были и прогрессивно настроенные преподаватели. Сперанский вспоминал позже, что один из учителей проповедовал учащимся идеи Дидро и Вольтера. Что же касается основной массы семинаристов, то они думали больше о кутежах, картежных играх, пьянстве.

Сперанский и в семинарии продолжал быть первым учеником, где вновь проявилась его сила воли, которая

помогла ему спастись от влияния разгульной жизни однокашников.

Прислуживая ректору, молодой и пытливый семинарист находился как бы в центре духовной и светской жизни и, видимо, мог составить представление о социально-экономическом положении России в целом, интересах отдельных классов. Отчетливо выявлялись противоречия между дворянством и купечеством, стремление первых узаконить их исключительное право на владение землей и крестьянами и требование вторых о предоставлении им льгот для развития промышленности и торговли. Сперанскому все чаще приходилось слышать гневные слова о бесправном бедственном положении крепостного крестьянства. Да он и сам видел деспотизм и произвол помещиков у себя в деревне.

Он все усиленнее занимается философией, читает Декарта, Руссо, Локка, Лейбница. С книгами Канта он познакомится позже, так как не знает немецкого языка, а перевод первых произведений Канта на латинский язык был осуществлен в 1796 г., на французский — в 1801 г. В своих первых философских сочинениях «О силе, основе и естестве» (напечатано в первом номере «Москвитянина» за 1842 г.), «Досуги за сентябрь 1795 года» (опубликовано в «Сыне Отечества» 1844 г.) Сперанский обличал деспотизм и произвол, высмеивал утверждение, будто только дворянин в своих поступках руководствуется честью и долгом, призывал уважать гражданские права и достоинство русского человека.

После окончания обучения Сперанский должен был вернуться в Суздальскую семинарию в качестве преподавателя. Однако Святейший Синод оставил его в Петербурге преподавать физику и красноречие, а затем и философию в этой же семинарии. В лекциях молодого профессора обнаруживались обширная начитанность, хорошее знание творчества классических писателей. К этому периоду относится подготовленный им труд «Правила высшего красноречия», занявший видное место в литературе того времени.

Начало карьеры

Занятия философией и его знакомство с передовыми идеями своего времени не прошли для Сперанского бесследно. Он лучше узнал русскую действительность, экономическую и политическую жизнь страны. Это было

чрезвычайно важно для расширения кругозора будущего государственного деятеля.

А. Б. КУРАКИН

Многого достиг М. М. Сперанский в свои двадцать с небольшим лет. Отказавшись от монашества, в 23 года он становится префектом семинарии.

Однако затем его судьба круто изменилась.

Князю А. Б. Куракину, богатому вельможе, управляющему в последние годы царствования Екатерины II третьей экспедицией, для свидетельства государственных счетов понадобился еще один домашний секретарь для ведения переписки внутри страны. Выбор пал на Сперанского. Митрополит Гавриил разрешил Сперанскому поступить на частную службу к князю Куракину и переехать к нему в дом, но при условии, что он будет исправно вести курс лекций.

Решиться на этот шаг Михаила Михайловича заставила нужда. За первый предмет ему было положено жалованье 150 руб. в год, за два других (физику и красноречие) как за дополнительные — 50 руб. На иждивении Сперанского находился его друг студент Дилекторский, вместе с которым он был направлен из Суздаля в Петербург на учебу и учившийся после окончания Александро-Невской семинарии в Московском университете. Сперанский вынужден был помогать и своим родителям.

Прежде чем допустить Сперанского к работе Куракин устроил ему своеобразный экзамен. Князь как-то в 8 часов вечера призвал молодого учителя и поручил ему написать одиннадцать писем к разным лицам, потратив на объяснение их содержания не более часа. В шесть часов утра все письма лежали на столе Куракина. Тот не хотел верить, что работа исполнена, когда же ознакомился с их содержанием, пришел в совершеннейший восторг от мастерского изложения.

С той минуты, когда Сперанский вступил в дом Куракина, судьба его, можно сказать, была уже в собствен-

ных его руках. Стоит прочесть любую канцелярскую бумагу лучших сочинителей этого времени, чтобы понять, какое блестящее исключение являл собой Сперанский. Не только официальная переписка 90-х годов, но даже манифесты Екатерины и Павла написаны языком далеко не изящным и чаще не всегда правильным. Щеголеватая и трезвая фраза юного секретаря многим казалась образцом слога.

Сближение с Куракиным вывело Сперанского на широкую дорогу государственной службы.

Большая нагрузка как в семинарии, так и на частной службе не помешала ему продолжать свое образование, и прежде всего в области философии. У Куракина Сперанский близко познакомился с Брюкнером, гувернером из Пруссии, человеком, обладавшим большими знаниями и увлекавшимся учением Вольтера. Свои убеждения Брюкнер тщательно скрывал от хозяина дома, заклятого врага прогрессивных идей. Комната гувернера превратилась в дискуссионный клуб. Основной темой, как правило, были идеи просвещения, русская литература и наука.

Со смертью Екатерины II резко изменилось положение Куракина. Павел I сразу же пожаловал его в сенаторы, а через несколько месяцев — в генерал-прокуроры, в руках которого в то время находились все важнейшие государственные дела. Естественно, перемены в судьбе покровителя сказались и на участи секретаря. В течение двух недель Куракин улаживает с митрополитом вопрос об увольнении Сперанского из духовной академии. Ему было выдано следующее свидетельство: «Объявитель сего, магистр Михайло Сперанский в С.-Петербургской Александро-Невской семинарии, в продолжение десяти лет обучал разным наукам, как-то: математике, красноречию, физике и философии, был семинарии префектом и исполнял должность свою со всею возможною ревностью и успехом, ведя себя наилучшим образом» [3].

Поступив в канцелярию генерал-прокурора 2 января 1797 г. в чине титулярного советника, Сперанский через полтора года делается уже коллежским советником и правителем канцелярии. Но Куракин был смещен через год. На его место был назначен князь Лопухин, на место Лопухина — Беклешов, на место Беклешова — Обольянинов, человек грубый, резкий, исключительно капризный и безграмотный.

Генерал-прокуроры менялись, а Сперанский оставался на своем месте. Сперанский знал крутой, необузданный

нрав своего нового повелителя. Но как показать ему свои достоинства и расположить к себе нового генерал-прокурора? И вот состоялся первый визит к Обольянинову. Сперанский вошел. Вельможа сидел к нему спиной. Обернувшись, он увидел вместо неуклюжего, трепещущего от страха подьячего, какого он надеялся увидеть, молодого, приятной внешности человека, одетого не в обычный мундир, а во французский кафтан, с жабо и манжетами, в чулках и башмаках, — словом в самый модный костюм того времени. Генерал-прокурор тотчас предложил ему стул и обошелся с ним вежливо, как только умел.

П. А. ШУВАЛОВ

Отставляя Беклешова, кстати человека весьма образованного по тому времени, любившего науку и ученых, Павел I приказал в раздражении новому генерал-губернатору тотчас же уволить всех прежних чиновников канцелярии. Один лишь Сперанский, как человек исключительно грамотный, был оставлен на своем месте. Более того, 31 декабря 1800 г. восприемник Беклешова Обольянинов выпросил Сперанскому две милости: землю в Саратовской губернии в 2000 десятин и орден св. Иоанна Иерусалимского.

В марте 1801 г. был убит император Павел. Петербург и Москва почти открыто праздновали это событие. Указы, отменявшие всякие нововведения Павла, сыпались ежедневно. Но обманчиво оказалось утро нового царствования. Как ни добра была «ангельская» улыбка молодого царя, как ни пытался он казаться либералом, но начал он с насилия, будучи соучастником убийства своего отца Павла I. И об этом сразу же узнала вся страна.

Сперанский часто бывал в доме Самборского, законоучителя великих князей. В бытность свою в Англии последний познакомился с Плантом, семья которого со-

стояла из двух сыновей и четырех дочерей. Расскажем о судьбе лишь одной из дочерей — Елизавете. Влюбившись в сельского священника Генри Стивенса, она бежала из дома и обвенчалась с ним против желания всей родни. Муж имел весьма скромные доходы от сельского прихода. Материальное положение стало еще более сложным, когда неожиданно в 1789 г. Стивенс умер, оставив Елизавету с тремя малолетними детьми: Елизаветой, Марианной и Френсисом. Не получив в Англии ни от кого помощи, она решилась наконец обратиться в Петербург к Самборскому с просьбой поспособствовать получить работу при каком-нибудь казенном учреждении в России. Самборский порекомендовал Е. Стивенс в качестве гувернантки влиятельному графу П. А. Шувалову, другу Вольтера.

Оказавшись таким образом в России, Стивенс вызвала из Англии своих детей, находившихся на полном попечении няни. Старшая дочь Елизавета отличалась красотой. Мечтательный взгляд, кроткая улыбка, прекрасные светло-русые кудри и, наконец, ее душевная чистота и скромность очаровали молодого Сперанского. «Не имея понятия ни о состоянии и положении девушки, ни даже о том, как ее зовут, — рассказывал впоследствии Сперанский, — я тут же в душе с нею обручился. После по расспросам мне стало известно, что моя тайно обрученная бедна, что у нее ничего нет». Через год (3 ноября 1798 г.) состоялось уже настоящее обручение.

Супруги сняли небольшую квартиру на Большой Морской, возле дома Куракина. Жалованья едва хватало, и поэтому хозяйство велось весьма экономно. Из сострадания к одной многодетной вдове супруги взяли на воспитание ее тринадцатилетнюю дочь.

Семейное счастье длилось недолго. В день помолвки жених подарил своей невесте карманные часы, какие в ту пору были модны. Спустя несколько дней она поехала за город со своей матерью. На переезде лошади понесли, карета опрокинулась. Девушка упала на ту сторону, где висели у нее часы, и их вдавило с такой силой в грудь, что часы остановились. С этого времени здоровье Елизаветы ухудшалось с каждым днем, однако свое болезненное состояние она скрывала от всех.

5 сентября 1799 г. у Сперанских родилась дочь. Но сразу же после родов у матери началась скоротечная чахотка. Бедная женщина, как обычно бывает при этой болезни, почти не чувствовала своего безнадежного поло-

жения. О ее тяжелой болезни не догадывался и супруг. Через одиннадцать месяцев после супружества Елизаветы не стало. Когда Сперанский возвратился со службы, он нашел ее мертвой. Исключительно тяжело пережил Сперанский эту утрату. Он лишился способности работать, ушел из дому и только через несколько недель его отыскали на одном из островов Невы. Даже последний долг покойной (она погребена на Смоленском кладбище) был отдан без него.

М. Л. МАГНИЦКИЙ

Любовь к дочери заставила его возвратиться к прежней жизни. Сперанский полностью ушел в работу, которая в какой-то мере помогала ему забыться. Ребенка ему пришлось отдать старой няне Стивенсов, которая в свое время приехала с ними из Англии и спустя некоторое время вышла замуж за работавшего в Петербурге англичанина Скота. Фабрика, при которой эта женщина жила со своим мужем, была на Выборгской стороне. Несмотря на значительную отдаленность, отец почти каждый вечер бывал там. Свою любовь к жене Сперанский всецело перенес на дочь и на все ей принадлежавшее, на все ей близкое.

Сперанский не жил затворником. Он высоко ценил дружбу а друзей у него было много. Среди них: Василий Каразин, положивший начало Харьковскому университету, Михаил Магницкий, попечитель Казанского учебного корпуса, Петр Масальский из Ярославля, преподаватель Александро-Невской академии и др.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Александр I и его время

*

Русское самодержавие во второй половине XVIII в.

Заканчивался XVIII век. В мире происходили крупные события. Во Франции победила буржуазная революция. Король Людовик XVI был свергнут и казнен. Власть перешла к Национальному конвенту. Франция стала республикой. Против республиканской Франции выступила коалиция европейских государств в составе Англии, Австрии, Пруссии, Голландии, Испании. Реакция пыталась восстановить старые порядки и не допустить распространения в Европе революционных идей. Начался период революционных войн французского народа с внешней и внутренней контрреволюцией. В этот революционный период на исторической сцене появилась фигура Наполеона Бонапарта, тогда еще молодого артиллерийского офицера, имя которого вскоре будет известно всему миру.

Время жизни и деятельности Сперанского — одно из интереснейших, сложных и противоречивых периодов в истории России. К этому времени очистительные грозы буржуазных революций, покончившие со средневековьем, пронеслись в большинстве стран Запада. В передовых странах мира победил капитализм, либо они были накануне буржуазных революций. Что же касается России, то экономическое и политическое развитие страны проходило на базе феодального способа производства; капиталистические производственные отношения в форме уклада возникали при господстве крепостничества. В России в этот период крепостничество достигло своего зенита в «золотом веке» русского дворянства. Положение крестьян, по выражению В. И. Ленина, «на практике мало отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве» [1].

Процессы, происходившие в социально-экономической области, естественно отражались на положении классов феодального общества России и находили опосредственное выражение в правовой сфере. Основными классами в

стране оставались феодалы и крестьяне, промежуточное положение между ними занимали купечество и мещанство. Однако последние еще не сформировались в новый класс буржуазии.

Права дворянства нашли свое закрепление в Жалованной грамоте, изданной Екатериной II в 1785 г. Все 92 статьи этого государственного акта — не что иное как неповторимый памятник дворянских привилегий. Освобождение от обязательной службы, от уплаты податей, постоянной повинности, телесного наказания, подсудность лишь дворянскому суду, лишение дворянского звания лишь волею самодержца — вот некоторые права дворян. Но самым важным правом, на котором и строилось экономическое и политическое господство дворян, являлось монопольное владение землей и крепостными.

В течение всего XVIII в. шел процесс усиления крепостного права. Крепостные крестьяне были, по сути дела, лишены юридической правоспособности. 36 процентов от всего населения (13 млн.) составляли казенные крестьяне. Они в свою очередь делились на государственных, экономических, дворцовых. Государственные крестьяне (а это была наиболее крупная категория казенного крестьянства) были фактически владельцами земли, которая формально принадлежала казне, и несли повинность в пользу государства. Казенные крестьяне подчинялись губернским учреждениям. На местах действовало крестьянское самоуправление. И что характерно, казенные крестьяне при выполнении определенных условий имели право переходить при новой ревизии в другое податное сословие. В отличие от помещичьих казенные крестьяне являлись носителями публичного права. В то время как интенсивно развивался процесс дальнейшего закабаления помещичьих крестьян, в казенной деревне наблюдается постепенная отмена феодально-сословных ограничений. Наблюдаются частноправовые сделки на казенную землю.

Права купцов и мещан были зафиксированы в Жалованной грамоте городам и Городовом положении 1785 г. Эти акты предоставили купцам право участвовать в городском самоуправлении. Мещане имели право заводить свое дело, могли совершать любые сделки. В законе был закреплен принцип неприкосновенности движимого и недвижимого имущества купцов и мещан. Они имели право выйти из своего сословия, переменить место жительства. Закон разрешал свободный переход из мещанского состояния в купеческое и приобретение соответствующих при-

вилегий. Представитель городского сословия не мог быть обращен в крепостную зависимость.

Россия по-прежнему оставалась монархией с могущественным административным аппаратом. Однако в России началась эпоха небывалой активности вопреки сословным законам, табели о рангах и косности давно устаревшего аппарата. По всей стране задымились заводские трубы. В конце XVIII в. в России действовали 167 горных заводов (около 80 тыс. рабочих) и 2094 предприятия обрабатывающей промышленности (82 тыс. рабочих). Горнозаводская промышленность уже в середине века обеспечивала внутренние потребности и работала на экспорт. Россия занимала первое место в мире по выплавке чугуна и экспорту железа. Мелкое товарное производство послужило хорошей основой становления мануфактур. Этот процесс особенно интенсивно проходил в полотняной, суконной, шелковой, хлопчатобумажной, а также в фарфоро-фаянсовой и сахарорафинадной промышленности. Все активнее применяется вольнонаемный труд крестьян-отходников. Таких рабочих в 1799 г. насчитывалось 33,6 тыс. человек.

В России интенсивно шел необратимый процесс становления новых капиталистических отношений.

Самодержавие послушно выполняло волю крепостников, которые и не думали ни о каких конституционных преобразованиях.

Крепостнические отношения не только сохранялись, но и распространялись вширь (на новые территории и на новые категории населения) и вглубь (за счет усиления феодальной эксплуатации). Одним из способов сохранения власти дворян было укрепление и насаждение сословного строя. В то время когда в Европе господствовал лозунг «Свобода, равенство и братство», в России за каждым сословием закреплялись в законодательном порядке только ему присущие права и привилегии, посему существовала только степень свободы, а ни какая не полная свобода.

Недостаток гражданских законов, ясных и доступных каждому, ощущался все острее. «Все, что прежде таилось за личными распоряжениями воевод, за слабостью сенатского надзора, за безгласностью тайной канцелярии и самовластным произволом вельмож, выходило теперь на свет и требовало от правительства новых мер новой деятельности. Целые отрасли государственного управления, оставленные после Петра или не существовавшие прежде,

ПЕТЕРБУРГ. ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

требовали правильной организации»,— писал более века тому назад Ф. М. Дмитриев[2].

Еще во времена Екатерины II внутренние дела приходили в упадок. Администрация как высшая, так и местная была развращена. Расстройство финансовое, взяточничество государственных чиновников, снисходительность императрицы к фаворитам ни для кого не были тайной. В письме Александра I графу Кочубею охарактеризовано состояние России: «Наши дела — в неимоверном беспорядке. Грабеж со всех сторон; порядок, кажется, изгнан отовсюду: а империя стремится только к расширению своих пределов»[3].

Особенности социально-экономического развития России во многом определили характер развития государственно-правового устройства. Для сохранения своего классового господства внутри страны, для отражения внешней угрозы царь и его окружение вынуждены были провести ряд преобразований. В государственном управлении вместо принципа знатности был положен принцип выслуги и заслуг.

Дальнейшее развитие страны потребовало образованных государственных деятелей, чиновников, военных, учителей, инженеров и т. д. Деятельность Сперанского является хорошим тому примером.

Русское самодержавие в первой половине XIX в. «свое высшее назначение видело в том, чтобы, с одной стороны, отстоять во что бы то ни стало всевластие и безответственность придворной камарильи и армии чиновных пиявок, а с другой стороны, в том, чтобы поддерживать худших представителей эксплуататорских классов...»[4]. И эту цель можно было достичь или путем откровенной реакции, или приспособлением развивающихся капиталистических отношений к нуждам и запросам господствующего класса. Как известно, русское самодержавие пошло вторым путем. Оно вынуждено было учитывать уроки только что свершившейся французской буржуазной революции, стремилось укрепить устои абсолютной монархии устранением наиболее отживших институтов прошлого и тем самым предотвратить революционное крушение старого режима. «Так складывалась система „просвещенного абсолютизма“, которая заимствовала у идеологов французского Просвещения их абстрактные принципы, облекала политику власти в нарядные одежды современных идей, но, тая в себе глубокое внутреннее противоречие, заранее обрекала на неудачу свои ос-

повные цели. Крестьянские восстания в период правления Екатерины II нанесли сокрушительный удар политике „просвещенного абсолютизма“ и превратили его венценосных и титулованных представителей в активных противников всего прогрессивного. Александр I вплоть до 1820 года не менее остро, чем Екатерина II, чувствовал всюду влияние французской революции. В условиях более развитой экономической жизни и более сложных общественных отношений России начала XIX в. он хорошо сознавал опасность внутреннего положения страны», — справедливо замечал академик Н. М. Дружинин [5]. Царь искал выхода из создавшегося положения, чреватого близким социально-политическим кризисом. В своих замыслах Александр I вынужден был пойти дальше воззрений своей «августейшей бабки».

АЛЕКСАНДР I

Политика либерализма

Большую роль в становлении мировоззрения вел. кн. Александра сыграл Фридрих-Цезарь Лапарг, по образованию юрист, по происхождению швейцарец. Он был воспитателем великих князей и пытался привить своим ученикам идею просвещенной монархии, ограниченной конституционными законами. Однако общественно-политические теории эпохи Просвещения не получили, по всей видимости, конкретного разбора. Ранняя женитьба Александра прервала и эти занятия.

Обстоятельства заставляли его отвергнуть режим своего отца Павла I, при котором попытка ввести в стране осадное положение и подавить «дух революции» не только в бунтующей крепостной деревне, но и в дворянском фрондирующем салоне, не имели успеха. Методами голой диктатуры нельзя было спасти разлагающегося режима. Павловский режим не имел успеха, не оправдал

себя в глазах господствующего класса. Заговор 11 марта и убийство Павла I естественно не был «революцией», но явился предупреждением по адресу собственной, дворянской власти о необходимости искать иные пути, более гибкие и результативные. Наученный горьким опытом недавнего заговора, Александр I лавирует между различными социальными группами.

При нем сложился кружок «молодых друзей», состоящий из прогрессивно мыслящих людей, получивший название «Негласного комитета». Этот Комитет за свои взгляды и деятельность в чиновных кругах гневно именовался «якобинской шайкой». На своих заседаниях его члены рассматривали широкий круг проблем, связанных с социально-политическими преобразованиями в стране. В частности они неоднократно обсуждали вопрос о даровании «Жалованной Грамоты» (Конституции) русскому народу и даже рассматривали в этой связи конституционные проекты А. Н. Радищева.

Кто же входил в этот «Негласный комитет»? Это прежде всего В. П. Кочубей, двадцатитрехлетний племянник А. А. Безбородко, видного государственного деятеля екатерининской эпохи. Кочубей побывал в революционной Франции и был наэлектризован событиями Великой французской революции. В Англии он изучал государственный строй этой страны. Недолго пришлось общаться Александру I с этим просвещенным и исключительно образованным человеком. Кочубей был назначен послом в Турцию.

Вторым членом Комитета был Адам Чарторыский, человек с богатой биографией. В свои двадцать пять лет он уже был маршалом Подольского сеймика, посетил Англию и изучал ее государственное устройство, сражался против России в период второго раздела Речи Посполитой вместе с Костюшко.

Еще одним ближайшим другом Александра I был двадцатидвухлетний П. А. Строганов, сын знатного екатерининского вельможи. Его воспитывал Ж. Ромм, французский математик, ставший гувернером сына русского барина. В свои 15 лет Строганов оказался в водовороте французской революции в Париже. Под именем Поля Очера он был секретарем патриотического общества «Друзья закона», а 7 августа 1790 г. стал членом клуба якобинцев. Общество «Друзья закона» было основано Роммом, но Строганову вскоре пришлось расстаться с Парижем. Его отец А. С. Строганов отправил в Париж за

своим сыном родственника и друга семьи Н. Н. Новосильцева. Что же касается Жильбера Ромма, то он стал членом Конвента, подписал смертный приговор Людовику XVI, а после падения якобинской диктатуры был приговорен к смертной казни и в тюрьме покончил жизнь самоубийством.

«Молодые друзья» — Чарторыский, Строганов, Новосильцев установили тесное сотрудничество. Как справедливо заметил М. М. Сафонов, перед «молодыми друзьями» Александр «щеголял радикализмом своих политических убеждений» [1]. В июне 1798 г. возвратился из Константинополя В. П. Кочубей. Концепция истинной монархии нашла еще одного соратника. «Молодые друзья» убеждали Александра в необходимости ослабить элементы рабовладения, регламентировать крестьянские повинности, преобразовать государственный аппарат, удалить из крепостного права наиболее опасные черты, другими словами, ослабить гнет крепостников.

Александр со своими друзьями осуждал крепостное право с морально-этических позиций, но он не был сторонником решительных мер, а надеялся, что цель будет достигнута путем медленных и осторожных шагов.

Совместно с «Негласным комитетом» царь Александр принял ряд либеральных законов. Так, в 1801 г. вышел указ, позволяющий купцам, мещанам и крестьянам покупать незаселенные земли; в 1803 г. — указ «О вольных хлебопашцах», предоставлявший помещикам право освобождать своих крестьян с землей за выкуп по договоренности сторон. Вышедшие из крепостного состояния крестьяне записывались в разряд вольных хлебопашцев.

В 1816—1819 гг. Александр I провел в качестве опыта освобождение за выкуп крестьян прибалтийских губерний (Эстляндии, Лифляндии, Курляндии), фактически ликвидировав в этих землях крепостное право.

Все эти мероприятия русскими помещиками воспринимались крайне враждебно. Царь в своих либеральных начинаниях практически не встречал ни сочувствия, ни понимания у опоры трона — дворянства.

Немало было сделано и в области просвещения. В числе преобразовательных реформ следует отметить Школьные уставы 1804 г., согласно которым в школы всех ступеней от низших до высших принимались дети всех сословий.

Высшему образованию также широко раскрывались двери. Учреждались новые университеты: Казанский,

Харьковский, Вильнюсский, Дерптский, а также лицеи: Нежинский, Ярославский и Царскосельский. В Петербурге был основан Главный педагогический институт, ставший впоследствии Петербургским университетом.

Мысль об образовании Царскосельского лицея принадлежала М. М. Сперанскому. Лицей в его понимании должен был стать одним из звеньев разработанного им плана коренного преобразования страны, в основе которого лежало ограничение самодержавия выборными учреждениями. Для претворения в жизнь задуманного требовались широко образованные чиновники, убежденные в необходимости реформы. Нужны были люди, которые с молодых лет усвоили бы передовые идеи своего времени. «Постановление о Лицее», утвержденное Александром I 12 августа 1810 года, рассматривало его как высшее учебное заведение для «образования юношества, особенно предназначенного к важным частям государственной службы». Первый набор, к которому принадлежал и Пушкин, состоял из 30 мальчиков. Открытие Лицея состоялось 19 октября 1811 года. Директором его был назначен видный просветитель — демократ В. Ф. Малиновский, автор «Записки об освобождении рабов» (1802) и трактата «Рассуждение о войне и мире» (1803), где он представил проект установления вечного мира как «условия нераздельного с истинными успехами человечества». Все его творчество было пронизано идеями патриотизма, равенства всех людей и народов. Профессор А. П. Куницын, читавший в Лицее курс политических и нравственных наук, внушал лицеистам, что в области правления в России предстоит еще сделать многое для благосостояния народа. В первоначальной редакции стихотворения «19 октября» Пушкин писал:

Куницыну дань сердца и вина!
Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...

Лицей, как новое учебное заведение, поражал публику своим названием, т. к. не все тогда имели понятие о колоннадах и ротондах в афинских садах, где греческие философы вели научные беседы со своими учениками в гимназии, основанной возле храма Аполлона в 335 г. до н. э. Аристотелем и названной Ликеем.

Были значительно расширены права печати. Цензурный Устав 1804 г. освобождал литературу от администра-

ПЕТЕРБУРГ. АКАДЕМИЯ НАУК

тивного произвола с утверждением «предварительной цензуры», права которой четко определялись.

В 1815 г. Польша получила «Конституционную Хартию» и при ее принятии Александр I в обращении к сейму (которому он присягал) сказал, что традиционное сеймовое устройство Польши должно показать пример России, подчеркнув этими словами свою приверженность к конституционным формам правления.

К числу наиболее существенных политических реформ следует отнести учреждение Комитета министров (1812), Государственного совета (1810) и Сената (высший административный и судебный орган — «хранитель правосудия»), а также проведение замены устаревшей формы коллегиального управления системой отраслевых министерств, в том числе и министерств просвещения и юстиции.

Александр I обладал и незаурядными дипломатическими способностями. Его деятельность на этом поприще выразилась в заключении ряда удачных мирных договоров и присоединении к России Грузии (1801), Финляндии (1809), Бессарабии (1812) и Азербайджана (1813).

В целом обстановка в стране в это время способствовала появлению конституционных настроений у передовой части русской интеллигенции. Подобная ситуация сделала возможной не только работу «якобинской шайки», но и отдельных прогрессивно настроенных мыслителей, побуждая их к составлению радикальных планов.

При Александре I образовались тайные вольнодумные общества. Именно в этот период П. И. Пестель написал свою «Русскую правду», а Н. М. Муравьев — проект конституции.

Действительно, первая половина царствования Александра I отмечена либерализацией общего социально-политического курса в стране.

Политика либерализма продолжалась до тех пор, пока в 1815 г. Александр I не создал Священный союз и не обеспечил себе роль реакционной гегемонии в Европе. Его борьба с революционной опасностью протекала под флагом идей «народного представительства». В 1801—1820 гг. российское самодержавие пыталось создать своеобразную монархию, периодически ограничивающую абсолютизм, но фактически не затрагивающую единоличную власть царя. Александр I спасал положение российского дворянства, но спасал его более тонкими и гибкими методами. Понимая сложность обстановки как внутри

страны, так и вне, он пошел дорогой компромисса и реформ. Хотя о реформах царь больше говорил, чем реформировал, больше обещал, чем выполнял обещания.

Впрочем, как отмечает американский историк А. Палмер, Александр I не был заинтересован в скорых решениях. Его больше привлекала складывающаяся структура принятия решений, при которой он оказывался стоящим над фракциями, ведущими борьбу за влияние. Так, он отклонил немало предложений Негласного комитета и, напротив, одобрил ряд идей, выдвинутых «сенаторской партией Румянцева». Кроме того, он избрал тактику засылать тот или иной проект его противникам на рассмотрение и заключение.

Правительственная реформа 20 сентября 1802 г. носила исключительно ограниченный характер. Реформа сохранила в неприкосновенности серьезные административные пороки. Так, военное министерство с его застывшей иерархией раздиралось враждующими между собой генералами. Все упорядочение этого ведомства свелось к разработке детальных уставов, что создавало видимость упорядоченности, и не более того [6].

Наиболее наглядным примером неэффективности нововведений Александра I явилось создание Комитета министров — органа, лишенного даже элементарных прав, несмотря на то что председательствовал в нем сам царь. Комитет во главе с престарелым генералом Салтыковым был способен заниматься мелкими вопросами и не брал на себя ответственность за нововведения в сфере внутренней политики.

Александр I в силу своей мнительности опасался постоянно какого-либо «вызова» по отношению к его прерогативам, особенно если этот «вызов» мог исходить от способного министра. Интерес царя к деятельности им же созданного комитета пропал, и он перестал посещать его заседания.

Все иллюзии о «царе-либерале», о «его искреннем чистом стремлении совершенствовать государственный строй России» разбились вдребезги с возвышением Аракчеева. Этот человек, вызывавший ненависть у «молодых друзей» императора, стал «единственной надеждой и опорой Александра I».

Естественно, Александру I невозможно было примирить прокламированную веру в конституционализм и реформу с политикой Аракчеева, этого временщика. Идея военных поселений, выдвинутая Аракчеевым накануне

войны с Наполеоном, встретила полное одобрение царя. Последний усмотрел в ней воплощение собственных убеждений. Подкупили Александра I и экономические соображения (армия переходила на полное самообеспечение), так как казна была пустой и все финансовые реформы не давали результатов. Несмотря на довольно сильную оппозицию во главе с Барклаем де Толли, численность населения военных поселений достигла в 1816—1821 гг. 750 тыс. человек. Такой деспотический и ненавистный институт лег дополнительным бременем на крестьянство [7].

Чарторыский, один из членов Негласного комитета и бывший друг царя, в своих записках дает, пожалуй, самую объективную и емкую характеристику Александру I: «Великие помыслы об общем благе, великодушные чувства, желание принести им в жертву собственные удобства и часть своей власти, отказаться, наконец, от неограниченного могущества, чтобы тем вернее обеспечить в будущем счастье людей, подчиненных его воле, все это некогда искренне занимало императора, но это было скорее юношескими мечтами, чем твердым решением зрелого человека.

Император любил лишь формы свободы, как любят зрелища. Ему нравилась внешняя сторона народного представительства, и это составляло предмет его тщеславия; но он желал только формы и внешнего вида, а не действительного его осуществления; одним словом, он охотно согласился бы на то, чтобы весь мир был свободен при том условии, чтобы все добровольно подчинились исключительно его воле» [8].

Чарторыский нелицеприятно отчитал Александра за допущенный внешнеполитический промах и вышел из состава Негласного комитета.

Чехарда в управлении страной продолжалась. Александр I на первых порах приблизил к себе довольно одаренных относительно молодых людей. Это были В. П. Кочубей, А. А. Чарторыский, П. А. Строганов и Н. Н. Новосильцев. Не прошло и нескольких лет, как Кочубей был отстранен от дел, и на должность министра внутренних дел назначен известный нам князь А. Б. Куракин, прежний патрон и хозяин бедного семинариста. Чарторыского сменил барон Будберг. Строганов поменял перо на меч. Новосильцев был пожалован в сенаторы, но отстранен от всех докладов царю. Высшая бюрократия, чиновничество, да и дворянское сословие в массе

своей боялись радикальных перемен, всеми средствами охраняя свои привилегии, чины и звания.

А для России наступал сложный и напряженный период. На западе существовала угроза вторжения войск наполеоновской Франции. Победа в кампании 1805 г. укрепила власть Наполеона над Австрией, создание Рейнского союза поставило в полную зависимость от Франции 16 немецких государств. Пруссия потерпела жестокое поражение в октябре 1806 г., французы взяли Берлин. Прусский король Фридрих Вильгельм III бежал к границам России.

В. П. КОЧУБЕЙ

Русские войска более полугода вели борьбу с наполеоновской армией. Наполеон, выиграв 14 июня 1807 г. при Фридланде сражение, оттеснил русские части за Неман. 7 июля между Россией и Францией был подписан Тильзитский мир. Но это было не что иное, как временная передышка. Всем было очевидно, что Наполеон готовился нанести очередной удар по России.

Русско-турецкие войны второй половины XVIII в. не разрешили острых противоречий между двумя странами. Оттоманская Порта не желала мириться с утратой своего былого могущества. Она стремилась вернуть себе Крым и Кавказ.

Лавры Наполеона не давали покоя Александру I. Он хотел быть не только императором, но и полководцем. Пример Наполеона для него был весьма заманчивым. Пора пристрастия ко всему английскому, господствовавшая при прежнем его окружении, окончательно миновала. Если Тильзитский мир произвел совершенную перемену в политике царского кабинета и в личных чувствах Александра I к императору французов, то эрфуртская встреча двух императоров довершила ее окончательно. Александр вернулся в Петербург очарованный Наполеоном.

В свите Александра находился и Сперанский. Если

первый очаровывался блестящим французским двором, то второй был обеспокоен тем, что Россия отстает от Франции в вопросах социально-экономического развития и политического устройства. Нужны безотлагательные перемены. С такими мыслями он вернулся домой.

В то тревожное для России время, когда одна война сменялась другой, когда в самой стране наблюдалось отставание в экономике от стран Запада, покончивших в основном с крепостничеством, царю все же приходилось обращаться к Сперанскому с просьбами разработать «проекты преобразования устройства своей державы». Организующий и быстрый ум Сперанского заметил и Наполеон. Однажды в Эрфурте после разговора со Сперанским Наполеон, подведя его к Александру I, сказал в шутку: «Не угодно ли Вам, государь, променять мне этого человека на какое-нибудь королевство». С эрфуртской встречи императоров начинается для Сперанского время высшего значения и величия.

Почему же Александр I, знавший происхождение его, решался вновь и вновь доверять Сперанскому столь ответственные задания? Это объясняется тем, что человека, равного Сперанскому, в окружении императора не было. Сперанский, широко образованный, полный желания создавать новое, честолюбиво стремящийся к славе, был именно тем человеком, который был нужен Александру I при тогдашних его устремлениях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Политико-правовые взгляды М. М. Сперанского

Призыв к свободе, единению разума и закона

Как мыслитель Сперанский сформировался в начале XIX в. Широкая образованность позволила ему познакомиться с основными направлениями политической мысли в западноевропейских странах. Он безусловно испытал влияние французских просветителей, немецкой политической школы. Довольно значительным оказалось и влияние английских политических писателей — А. Смита, Дж. Стюарта, Д. Юма и др. У них Сперанский нашел и критику «естественного состояния», и развернутую этическую теорию.

Однако его собственная политическая теория была оригинальной. Глубокая религиозность мыслителя обусловила его философские позиции. Бог выступал у него как верховный создатель и законодатель природы и общества. «Право верховное, — писал Сперанский, — не есть право в обыкновенном смысле: оно есть право божьей милостью, право священное, свыше устроенное и одно, которое можно назвать правом естественным. Оно состоит в том единственно, чтобы давать законы, основанные на правде, и управлять по оным без всякого своего корыстия» [1].

Для Сперанского человек есть инструмент, с помощью которого происходит одухотворение мира природы. Вместе с тем человек является существом социальным. А общество есть арена, на которой люди сообща идут к высшей цели — единению с Богом и личному спасению. Законы, данные Богом, Сперанский разделил на три категории: законы природы, разума и нравственные законы.

Мыслитель отрицал атомистические и механистические концепции возникновения общества. Для него общество несет в себе высокие моральные и объединяющие функции, противостоящие жестокости и эгоизму индивидуу-

мов, предоставленных самим себе. В одной из первых своих работ «О коренных законах государства» Сперанский писал: «Если бы государство могло быть одно на свете и составлено из людей равно мощных или равно справедливых, тогда не было бы никакой нужды в правительстве, тогда каждый наслаждался бы в совершенной независимости личными своими силами»[2]. Указанное неравенство он обосновывает «божественной правдой». Итак, наука о праве стремится к постижению государства как некой разумной субстанции: она не ставит своей целью указать, каким должно быть государство, ее задача — исследовать, каким образом государство, этот нравственный универсум, должно и может быть познано.

Философия права у Сперанского распадается на три части: абстрактное право, мораль, нравственность. Исходным пунктом права выступает свободная воля. Воплощение воли в вещах — сфера формального и абстрактного права, отношений собственности. По существу, речь идет об экономических общественных отношениях, зафиксированных в социальных институтах и юридических нормах. Первая заповедь права по Сперанскому — будь юридическим лицом и уважай других в качестве таковых. Его формула такова: «Не делай другому того, чего не хотел бы себе». Вкладывая свою волю во внешний предмет, любой человек тем самым приобретает право на присвоение вещей. Исходным импульсом присвоения является потребность, именно она и побуждает к обладанию вещами. А так как воля индивидуума реализует свои потребности в собственности, то последняя получает характер частной собственности.

Воля личности должна проявляться не только в чем-то внешнем, но и во внутреннем мире. Внутренний мир личности есть мораль. Воля человека проявляется не в мыслях, а в делах и намерениях.

Сперанский подчеркивал деятельный характер намерения: оно приобретает значение, лишь воплотившись в поступок. Мы должны не просто хотеть чего-то великого, но и уметь добиться его, в противном случае наше желание ничтожно. Известно, что великие поступки в качестве одного из результатов дают деятельному человеку власть, честь или славу, и часто возникает мнение, что лишь внешний результат деятельности и является единственной целью. Но таково воззрение лакеев в силу своей психологии, для которых вообще не существует героев, и не потому, что последние не герои, а потому, что

первые лакеи. Человек имеет право свои потребности делать своими целями.

Никакое доброе намерение не может служить оправданием дурного поступка, тем более правонарушения. Основное понятие морального сознания — добро, абсолютная конечная цель народа. Творить добро, заботясь не только о своем благе, но и о благе других, велит нам долг.

Выше всего Сперанский ставит нравственность. В ней проявляются органические формы общности людей — семья, гражданское общество, государство. «Силы нравственных существ, — писал он, — распределены им от Бога по его правде. Тщетно было бы испытывать сие распределение в недре премудрости сокровенной; утверждать, что оно произведено сообразно природе каждого существа или тем вечным понятием, как творец имел о сущности каждого творения, утверждать, что природа существ определяется их природою: ибо силы их суть их природа». Итак, Сперанский категорически отрицает естественноправовую теорию. Для него «нет права естественного, но есть положение естественное».

Политические идеалы Сперанского не явились плодом случайного изучения наследия отечественных и зарубежных мыслителей. Он еще в юные годы размышлял о государственном устройстве, о чем доказывает проповедь, произнесенная им 8 октября 1791 г., будучи девятнадцатилетним юношей. Уже тогда он интересовался основными вопросами государственной жизни, социально-политическими проблемами общества. «Премудрый государь» может высоко поднять в глазах света свое правление, «ему может удивляться свет», — провозглашал он в проповеди в Александро-Невской лавре. — Но если ты не будешь на троне человек... не низойдешь с престола для отрения слез последнего из твоих подданных; если твои знания будут только пролагать пути твоему властолюбию, если ты употребишь их только к тому, чтобы искуснее позлатить цепи рабства, чтобы неприметнее наложить их на человеков и чтобы уметь казать любовь к народу и из-под занавеси великодушия, искуснее похищать его стяжания на прихоти твоего сластолюбия и твоих любимцев, чтобы поддержать всеобщее заблуждение, чтоб изгладить совершенно понятие свободы, чтоб сокровеннейшими путями провести к себе все собственности твоих подданных, дать чувствовать им тяжесть твоей десницы и страхом уверить их, что ты более, нежели человек: тогда, со всеми твоими дарованиями, со

всем сим блеском, ты будешь только счастливый злодей; твои ласкатели внесут имя твое золотыми буквами в список умов величайших, но поздняя история черною кистью прибавит, что ты был тиран твоего отечества» [3]. Это был первый проблеск политической мысли Сперанского.

Проповедь эта значительна и интересна, так как характеризует мировоззрение будущего выдающегося юриста России. Молодой проповедник касается жизни целых человеческих обществ. Действительно, в проповедях Сперанского, в его записках сказывается не только понимание настоящего положения вещей, но и глубокое знание исторического прошлого, свое весьма оригинальное понимание его. Основная идея проповеди: «Разум даст наилучший чертеж для образования общества, напишет наилучшие законы, предусмотрит неудобства, ограничит силу властей, но при развращенном сердце он сам же поведет к безначалию и замешательству». И здесь, кажется, мы видим прозрачную характеристику последних лет правления Екатерины II.

В своих проповедях юный семинарист столь же резко говорит о судье, знающем закон, но не имеющем доброго чувства и сердечности. Достижение общих целей справедливости, по Сперанскому, возможно только сообща, всем миром, а отдельный человек не может быть носителем таковой.

Сперанский считал, что социальный порядок возникает лишь тогда, когда индивиды добровольно признают свою свободу и моральные права. Отсюда следует, что права и свободы являются важнейшим условием существования любого общества.

В трактате «О силе общего мнения» (1802) он писал: «Давно уже примечено, что законы без нравов не могут иметь полного действия, в самом деле, законы не могут подчинить себе как только действия явные и, так сказать, публичные. Законы, коих сила простиралась бы на внутренние движения людей, были бы законы жестокие и собственному своему установлению противоречащие, ибо законы должны покровительствовать свободу, а не уловлять ее подозрениями... В самом деле, отчего наилучшие законы часто не производят своего действия или исполняются медленно? Оттого, что не находят они в сердцах соответствующего им расположения, оттого, что сие внутреннее и сильное начало убеждения и доверия, оживотворяющее все движения людей, им не содейст-

вует... Они идут, так сказать, без силы, без внимания, едва приметны для самих тех, коим исполнение их поручено. Подобно мертвым силам физическим они нудятся, но не действуют» [4].

Весьма характерно замечание Сперанского относительно духа народного: «Дух народный, если не рождается, по крайней мере сильно ускоряется действиями и податливыми началами правительства... Нужно изъяснить пользу общего мнения и необходимости управлять им. Легко приметить можно, что чем народ и правительство просвещеннее, тем менее таинств политических. В деспотических государствах все таинственно. Чем больше государства приближаются к началам свободы, тем число тайн уменьшается... В государствах, где существует общее мнение о предметах управления, суждения могут быть в видах своих весьма различны, но все они идут к одной цели, к общему добру. Там добрый закон не скользит по поверхности, но укореняется в сердцах, и исполнение его делается общественною потребностью» [5].

Мы видим, как автор этих строк заботится о том, чтобы привлечь к участию в делах государственных «народное мнение». Отсюда понятно, почему общество в проектах Сперанского играет столь важную роль. По его проектам деятельность всех государственных органов должна совершаться публично: заседания Государственной думы, Исполнительного сената, судов.

О социальных взглядах мыслителя наиболее полное представление дает работа «Еще нечто о свободе и рабстве» (1802). В ней Сперанский рассмотрел вопрос о необходимой степени свободы индивида в государстве.

Сперанский еще ранее в своих религиозных трактатах выступал против каких-либо стеснений человеческой свободы и за предоставление самому человеку права свободного выбора между добрым и худым действием, поступком или решением. В сфере частной или общественной жизни и даже обычных житейских интересов свобода человеческая также не терпит стеснений: «Человек поступает всегда так, как он хочет, и поэтому не имеет никакого права винить кого-либо в тех или других последствиях своих поступков». Однако Сперанский допускал и определенные ограничения свободы индивидуума. Он писал, что «господствующие во всяком обществе понятия, ограничивающие свободу его отдельных членов и известные под именем законов, преданий, обычаев, пред-

ставляют собой продукт той же человеческой свободы, путем опыта доведенного до сознания, что так лучше».

В том случае, замечает Сперанский, когда человеческие понятия сходятся с требованиями закона, получается действие нравственно доброе. Ответственность человека за свои поступки является, таким образом, прямым следствием предоставленной ему свободы выбора и была бы совершенно незаконна при других условиях. В те далекие годы Сперанский писал, что свобода «есть признание моральной необходимости, ее торжество над потребностями физическими». А человеку дана не просто свобода, но свобода признания и выбора обязательств, ограничений, долга [6]. Он отвергал либеральное толкование прав и гарантий человека. Они явно недостаточны, чтобы стать основой социальной жизни и политических действий.

Такой философский подход к обществу и лег в основу плана преобразования государственной и социальной структуры, политико-правовой доктрины Сперанского. Политические и философские размышления юного Сперанского важны для историка-юриста, потому как отчетливо говорят, что его серьезно волновали многие вопросы значительно раньше того, как судьба уготовила ему быть государственным секретарем Российской империи, человеком, призванным составить план преобразований. И мысли его не были почерпнуты из книжек иностранных философов и юристов (хотя его противники старались представить дело именно таким образом), а были плодом собственных размышлений, наблюдений и глубокого осмысления всего научного наследия мыслителей прошлого и идей своих современников.

От современников молодой Сперанский отличался четкостью, стройностью и исключительной ясностью государственно-правовых идеалов. Все его идеи с первых шагов имели выход в жизнь, его проекты и теоретическое их развитие носят на себе печать разностороннего изучения русской действительности.

Формирование политических взглядов Сперанского проходило в условиях напряженной политической борьбы. Позднее менялся лишь способ выражения взглядов.

В связи с этим большой интерес представляют его политические устремления, послужившие теоретическим фундаментом всех его реформ. Изучение политической теории Сперанского дает возможность не только понять направление развития политико-правовой мысли в первой

половине XIX в., но и получить представление об общем состоянии общественной жизни со всей сложностью ее социальных и политических проблем.

Свобода политическая и свобода гражданская

Только что переведенный из ссылки в Перми губернатором в Пензу (об этом см. главу 5), Сперанский узнает от Столыпина о стремлении создать в Петербурге комитет по реформам и тотчас пишет в столицу: «Много можно сделать добра, начав вещи не с того конца, с коего ныне, по общим слухам, они начинаются. Кто метет лестницу снизу? Очистите часть административную. Потом введите установительные законы, т. е. свободу политическую, и затем приступите постепенно к вопросу о свободе гражданской, т. е. к свободе крестьян. Вот настоящий ход дела» [7].

Мы привели выдержку из письма для того, чтобы показать, какое место Сперанский отводил двум видам свободы в обществе. Политическая свобода в понятии Сперанского означает возможность «участия всех государственных классов... в действии законодательной и исполнительной власти», которая к тому же реализуется на основании закона, принятого «общей волей».

Политическую свободу Сперанский связывал с недвижимой собственностью. Имеющий недвижимость или капитал «в известном размере более способен, в силу собственных интересов, заботиться о доброте закона». Об интересах прав личности он тут забывает. Есть и моральные основания, по его мнению, для различия в правах политических: известные категории населения, как домашние слуги, ремесленники, поденщики и «народ рабочий», едва ли обладают достаточным «разумом» и «любочестием», чтобы быть допущенными к законодательству. Раз не все слои общества могут быть допущены к праву выбора, то тем более нельзя допустить, рассуждает Сперанский, всеобщего права представительства. Следует заметить, что в рассуждениях Сперанского, в его сочинениях много противоречий, которые возникают не из-за путаницы в мыслях, тем более не из-за свойств характера и темперамента, а вызваны как бы внутренним цензором, с которым невозможно не считаться.

Нация, отмечал реформатор, должна претерпевать постепенные изменения. Следует избегать такого подхода,

при котором стремятся снести то колоссальное здание, каковым является Россия, и заменить его другим. И все за год-другой. Это невозможно «без резких изменений и разрушений». Реформатору следует вместо этого так проводить свои перемены, чтобы «незаметно и даже обычному глазу невидимо новое здание, основанное на столпах разума и законности, воздвигалось за завесой существующего правления».

Предполагаемая им отмена крепостничества и возможность перехода из одного сословия в другое говорят в пользу прогрессивных взглядов Сперанского. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что открытое предложение об отмене крепостного права встретило бы резкое сопротивление могущественного класса землевладельцев. Он не связывал реформу государственного устройства с отменой крепостного права. Нельзя не согласиться с М. В. Довнар-Запольским, который в своем исследовании пишет: «Сперанский же предлагал прежде всего провести реформу государственного строя, желательную и для большинства дворянства, в уверенности, что одним из следствий ее будет неизбежное падение крепостного права. Но, с другой стороны, привлечение к политической деятельности свободного крестьянства (казенных) и всех собственников придает проекту Сперанского демократическую окраску — такую, до которой не доходили современные ему государственные люди даже весьма либерального направления» [8].

Гражданские права, т. е. «безопасность лиц и имущества, составляют первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в состав общества».

Гражданскую свободу Сперанский определил как независимое друг от друга существование всех сословных групп в обществе. В соответствии с этими исходными положениями он сформулировал и противостоящие им понятия: политическое и гражданское рабство. Первое из них он определил как состояние, при котором воля одного — закон для всех; а второе рассматривал как социальный порядок, позволяющий одному классу «в повинностях личных или вещественных зависеть от воли другого» [9]. Между свободой политической и свободой гражданской существует прямая зависимость. Понятию политической свободы он придает бо́льший объем по содержанию и ставит понятие гражданской свободы в зависимость от него. «Никакая сила не может родить в государстве свободы гражданской, не установив свободы

политической», и, напротив, если в государстве «утверждена свобода политическая, гражданское рабство уменьшается само собой». «Права гражданские должны быть основаны на правах политических, точно так же, как и закон гражданский не может быть тверд без закона политического» [10].

Рабство (крепостничество) Сперанский осуждал всегда, считая его несовместимым с цивилизованной государственностью. Прежде всего, полагал он, в государстве должно быть учреждено такое состояние, «в котором никто не может быть принуждаем к труду единым произволом другого и в коем труд составляет неотъемлемую часть каждого». Это и есть, по мнению мыслителя, «величайшая степень свободы и равенства, какую только можно желать в обществе».

Вполне естественно, что из этих общих теоретических положений вытекали и конкретные оценки Сперанским современного ему крепостного права. «Нет никакого основания полагать, — заключает он, — чтобы в России не могло оно (крепостное право. — *С. Ч.*) уничтожиться, если будут приняты к этому действительные меры». Для ликвидации крепостного права Сперанский предложил немедленное введение «без всякой постепенности и отлагательства свободы личные, затем установление четкого законодательного определения размера крестьянских повинностей и объявления крестьянам разрешения на приобретение недвижимой собственности».

Для немедленной реализации этих мероприятий необходимо «в коренном законе... нынче же установить общим правилом равенство гражданских прав как личных, так и вещественных для всех подданных и, следовательно, не допускать никакого в сем разделения состояний. Он требовал, чтобы гражданские права принадлежали всем без исключения подданным Российской империи. Политические права он считал необходимым распределять «по состояниям». Сперанский усматривал «необходимость во введении в России трех состояний (сословий): дворянство; люди среднего достатка и народ рабочий» [11]. Юридическое положение состояний определяется соответствующими законами, предусматривающими совокупность прав и обязанностей каждого слоя и правилами перехода из одного состояния в другое.

Первое сословие Сперанский предполагал наделить всей совокупностью политических и гражданских прав, а также еще и особым правом владения населенными не-

движимыми имениями с возложением на него обязанности законного правления ими. Кроме того, членам этого состояния предоставлял еще ряд дополнительных привилегий, вытекавших из дворянского звания.

Люди среднего достатка обладают всеми гражданскими правами, а политическими — соразмерно имущественному состоянию (цензовый принцип). Видно, что автор стремился наделить всеми правами и буржуазию. Со всей определенностью можно заявить, что реформатор поднял руку на «Жалованную грамоту дворянству» Екатерины II.

А сейчас обратимся к народу рабочему. К нему причислялись все поместные крестьяне, мастеровые, их работники, домашние слуги [12]. Безусловно, распространение общих гражданских прав на помещичьих крестьян было предложением исключительно прогрессивным. Однако о проекте раскрепощения крестьянского населения говорить, к сожалению, не приходится. У Сперанского такой проект отсутствует. Вместе с тем реформатор указывал пути освобождения от помещичьей кабалы: ограничить повинности крестьян «сельским уложением», разрешать приобретать земли в собственность, что, в свою очередь, давало бы право крестьянину переходить в среднее сословие, «поставить известную меру повинностей, коих помещик законно может требовать от земледельца, и вместе с тем, в успокоение самих дворян, учредить некоторую расправу (наказание) между ими и крестьянами» [13].

Ясно, что предлагаемый вариант освобождения от крепостной зависимости был мало вероятен. Отношение автора реформ к крестьянству было весьма определенным. Он считал, что «участь крестьянина, отправляющего повинности по закону и имеющего в возмездие свой участок земли, несравненно выгоднее, нежели положение бобылей, каковы суть все рабочие люди в Англии, во Франции и в Соединенных Штатах» [14]. Вот что он писал по этому поводу: «Часть сия требует, конечно, особенных сноровок, и сие не потому только, что предуверение сие слишком глубоко врезано, но и потому, что неосторожным к нему прикосновением можно нанести чувствительный удар самому земледелию, ибо известно, что раздробительное обрабатывание полей в нашем краю, по бедности наших крестьян, никогда не может иметь того успеха, какой имеет соединенное и в большом виде» [15].

На этом основании можно было бы заключить, что Сперанский являлся противником освобождения кре-

стьян. Такой вывод был бы неверен, так как в своих проектах он последовательно проводит мысль о предоставлении крепостным крестьянам личных прав и об определении отношения их к помещику путем закона. А это не что иное, как первый шаг к ликвидации крепостничества. Освобождение крестьянства для Сперанского — естественное дело будущего. «Человеческой природе противно, — писал Сперанский, — когда жизнь и имущество человека ничем не обеспечены. Отсюда рабство немыслимо в правильно устроенном государстве. Оно должно быть искоренено и в России» [16].

Гражданскую свободу он разделял на два вида: свобода личная и свобода вещественная, другими словами, имущественные права. Для обеспечения личной свободы Сперанский определил следующие гарантии: 1) никто не может быть без суда наказываем; 2) никто не обязан личную службу отправлять иначе как по закону, а не по произволу другого.

Гарантию прав имущественных можно достичь двумя обязательными и неизменными условиями: 1) всякому принадлежит свободное владение и распоряжение своей собственностью на основании общего закона; 2) никто не обязан отправлять работы по принуждению и платить подати иначе как по закону.

Сперанский делит все гражданские права на общие и особенные. К первым он относит все личные и вещественные права с определенным изъятием (ограничением) — владение населенными имениями принадлежит только дворянству.

Ко второй категории, т. е. особенным гражданским правам, он относит право владения населенными имениями и право быть освобожденным от воинской повинности, но с обязательным несением «особенной» службы. Здесь Сперанский имел в виду государственных чиновников высшего ранга, так как их служба «требует специальной подготовки общеобразовательной и профессиональной».

Взгляды Сперанского на права личности вряд ли требуют пространных толкований. И подвергать их критическому анализу нецелесообразно. Лишь одно можно заметить, что реформатор как бы приноравливал существующий социальный строй к проектируемой им новой форме политической власти — «истинной монархии».

От взора мыслителя не укрывался и тот факт, что экономические отношения лежат в основе социальной дифференциации. Речь идет, правда, о сословном деле-

нии, но фактически Сперанский приближается к осознанию существования в российском обществе классов. Неравенство людей установлено природой и усугублено крепостническим обществом, поднято до уровня различия в имуществе и культуре.

«Начертать план конституции...»

Рассматривая всемирную историю, и прежде всего европейскую, Сперанский пытался отыскать в ней закономерности, которые приводят к смене одного образа правления другим. Все развитие политической жизни Европы являло, по мнению Сперанского, «переход от феодального правления к республиканскому», и никакая сила не смогла противостоять этому неумолимому процессу. «Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение; сопротивление ее воспалило только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома». «Тот же самый ряд происшествий, — писал он, — представляет нам история нашего отечества». Так, Сперанский пришел к выводу, что Россия не может стоять в стороне от экономических и политических преобразований Европы, что для нее нет иного пути развития. Он не сомневался в неизбежности и своевременности реформ в России, в ограничении на первых порах самодержавия, в принятии конституции страны.

Сперанский написал целый ряд произведений, посвященных изложению различных преобразовательных планов. Наиболее подробно его государственно-правовые взгляды изложены во «Введении к Уложению государственных законов» (1809), над которым он работал с особой тщательностью. Политический идеал реформатора нашел здесь наиболее полное раскрытие. Сперанский попытался представить ту Россию, к которой стремился всю свою жизнь. Во «Введении» есть указание на изучение всех существующих в мире конституций. В архиве Сперанского найден немецкий перевод шведской конституции 1809 г. План преобразований 1809 г. обнаруживает следы пристального изучения трудов Монтескье. Нельзя согласиться с С. М. Середониным, который заметил, что план Сперанского «сшит из лоскутков».

В Сперанском видели или готовы были видеть человека, увлекшегося и наполеоновским режимом, и английским конституционным правом и стремившегося перенести все это в Россию. Необходимо категорически зая-

вить, что конституционный проект мыслителя не был заимствован, даже не являлся отражением ни одной из действовавших конституций. Так, «Введение» основательно продумано, логично построено, оно замечательно для своего времени, особенно если учесть условия, в которых оно создавалось. Не следует забывать, что политические взгляды Сперанского оказались весьма радикальными для их восприятия в правящих кругах.

Автор видит «начало и источник сил» законодательной, исполнительной и судебной власти в народе. Он доказывает, что уже недостаточно (как это отмечалось им ранее) «облечь правление самодержавное внутреннею и существенною силою установлений» (т. е. учреждений). Он пошел в своих рассуждениях дальше.

В основу реформы государственного устройства и правления М. М. Сперанский предлагал положить традиционный принцип разделения властей. «Нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять закон, и исполнять его. Поэтому следовало прежде всего отделить друг от друга законодательную, исполнительную и судебную части, сосредоточив их в разных независимых одно от другого государственных органах». Во «Введении к Уложению государственных законов»[17] говорилось: «1) Законодательное сословие должно быть устроено, чтоб оно не могло совершать своих положений без державной власти, но чтоб мнения его были свободны и выражали бы собой мнение народное. 2) Сословие судебное должно быть так образовано, чтоб в бытии своем оно зависело от свободного выбора и один только надзор форм судебных и охранение общей безопасности принадлежало правительству. 3) Власть исполнительная должна быть вся исключительно вверена правительству; но поелику власть сия распоряжениями своими под видом исполнения законов не только могла бы обезобразить их, но и совсем уничтожить, то и должно ее поставить в соответственность власти законодательной»[18].

Подлинную ответственность министров при существующем государственном строе Сперанский считает невозможной: «Ответственность сия не учреждается одним словом или велением; она переменяет конституцию государства и, следовательно, не может быть нигде без важных превращений. Она предполагает закон, утвержденный печатью общего принятия и известную гарантию сего закона в вещественных установлениях. Без сего все

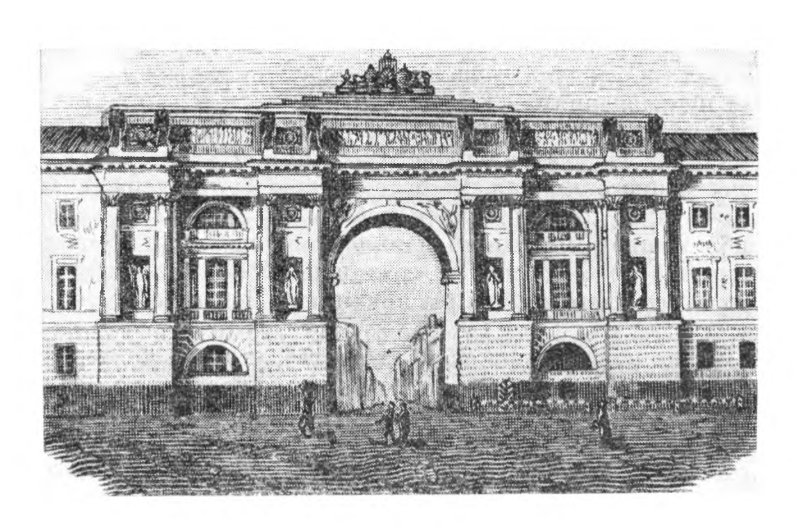
будет состоять только в словах»[19]. Здесь ясно проявилось отношение автора к бесконечным разговорам о либеральных реформах, которыми так много занималось молодое окружение Александра I.

М. М. Сперанский шаг за шагом подводит царя к необходимости безотлагательных реформ. Он предлагает сконцентрировать законодательную власть в новом органе — Государственной думе, исполнительную передать министрам, а судебную — Сенату.

Вывод, к которому приходит Сперанский, состоит в том, что выработку полного плана государственных преобразований нужно поручить «сословию умов» под покровом «непроницаемой тайны», т. е. он повторяет мысль, высказанную им в «Отрывке о Комиссии Уложения» относительно предварительной подготовки втайне общего начертания государственного постановления (т. е. конституции). Он утверждает, что это необходимо и для законодательства вообще, и высказывает мысль, что даже дарование «дворянской грамоты и городового положения не могло бы иметь места, если бы государственное положение имело свое начертание». Соответственно своему политическому трактату 1802 г. Сперанский признает: «В государстве монархическом должен быть известный класс людей», предназначенных «к охранению закона», но он убежден, что «этот класс никак не может быть установлен на тех деспотических началах», на которых основана грамота дворянская[20],

В рукописи «Отрывок о Комиссии Уложения»[21], написанной между августом 1801 г. и 12 сентября 1802 г., читаем: «Из общего плана внутреннего государственного управления видно, что Уложение есть часть государственного постановления или конституции, содержащая в себе законы, в которых устанавливаются взаимные права граждан в отношении к лицу или имуществу... А посему всякое Уложение должно быть основано на существующих правах народа или по крайней мере должно предполагать их существующими»[22]. И тут же Сперанский вынужден заметить, что «в России должно их предполагать, ибо в самом деле они еще не существуют, хотя и много писано о них в грамотах и манифестах».

Основные правила будущего «государственного постановления», с духом которого должно сообразовываться Уложение, писал Сперанский, «должны быть известны только тем», кто будет его составлять, причем он полагал, что от «зарождения его (государственного постановле-

ПЕТЕРБУРГ. ЗДАНИЕ СЕНАТА И СИНОДА

ния. — *С. Ч.*) в правительстве до обнародования, вероятно, пройдет еще полвека, ибо путь до народа еще не близок и не приготовлен». Обе эти мысли — о необходимости выработки основ конституции втайне и о нескором ее осуществлении — соответствуют идеям, высказанным в Негласном комитете Александром I и его друзьями. Выработанный комиссией проект государственного постановления Сперанский предлагал передать на рассмотрение представителей различных сословий, не всех сразу, а одного сословия за другим.

В «Отрывке о Комиссии Уложения» Сперанский упоминает об уже написанной им в 1802 г. записке о конституции, которой предшествовала огромная исследовательская работа автора. Это видно из множества цитат из произведений Ш. Монтескье, Г. Филанджиери, Дж. Стюарта, И. Бентама и Д. Юма.

Сперанский, имея богатый жизненный и административно-управленческий опыт, пришел к глубокому убеждению, что политические реформы в России необходимо начать с реорганизации центрального аппарата. Он видел бессистемность создания государственных органов и писал, что «фасад кажущегося их единства служит лишь для того, чтобы скрыть хаос и путаницу» [23].

Характерный недостаток российского управления — отсутствие гармонии и четкого функционального разделения между государственными органами.

Вся реорганизация центрального управления, как предполагал Сперанский, должна проходить по четырем основным направлениям:

1) новая система управления должна базироваться на принципах конституционной монархии; 2) усиление роли общественного мнения, которое должно быть сдерживающим началом для тирании и произвола; 3) максимальное приближение к модели «подлинно монархической администрации»; 4) создание и сохранение таких институтов, которые соответствовали бы принципам подлинной монархии [24].

И еще одно важное обстоятельство, которое подчеркивал всюду Сперанский: «Нормальное функционирование органов управления возможно только в том случае, если они несут ответственность за свои действия. И никакие частные реформы не дадут результатов, так как на данном этапе развития России необходима новая система управления. А начать надо с выработки конституции, основного уложения государства».

Возникает вопрос: почему Сперанский, разрабатывая проект русской конституции, не взял за основу английскую или французскую конституции? Ответ на этот вопрос можно найти у автора проекта, который писал, что все английские учреждения покоятся на высокоразвитом правосознании целой нации. В Англии многие годы господствует принцип личной неприкосновенности, относительная свобода слова и публичных собраний, имеется хорошо организованное местное самоуправление, осуществляется выборность судебного института.

Сперанский во всех своих проектах и пояснительных записках проводит принципы английского конституционного права, считая их краеугольным камнем «истинной монархии». Но все эти принципы надо умело ввести в народную жизнь, замечал Сперанский, народ и правительство еще должны понять их и сделать неотъемлемыми для своего бытия.

Проект Сперанского гораздо шире и по сравнению с республиканской французской конституцией, не говоря уже о конституции VIII года с дополнениями времен консульства и империи. Это была конституция, предоставившая всю власть консулам, при которых государственные институты служили лишь декорацией. Публичность действий властей или была совсем устранена, или ограничена. Нация была лишена права выборов, ибо она только составляла списки лиц, рекомендуемых правительству, из кото-

рых последнее должно было назначить членов законодательного корпуса, администраторов, судей.

Нельзя сказать, что Сперанский полностью игнорировал все конституционные принципы Франции. Он по достоинству оценил место и роль министерств, назначаемых правительством, и Государственного совета — «прекрасное создание революционной Франции», — который играл важную роль во всех реформах Наполеона и был сдерживающим его абсолютизм началом.

Сперанский дал исполнительной власти широкие полномочия, в ее руках, по его представлению, должна быть сосредоточена почти вся законодательная инициатива и область применения закона (кроме суда). Носитель верховной власти, председательствуя в Государственном совете и Правительствующем сенате, как предполагалось, удален от влияния отдельных лиц. Проявление его воли, преломляясь через Государственную думу, находит поддержку страны.

«Истинная монархия» и разделение властей

Сперанский неоднократно подчеркивал, что история нации и ее традиции являются одним из определяющих факторов жизнедеятельности государства. История и традиции, замечал он, отчетливо показывают состояние моральных, этических и религиозных представлений населения. Они «есть наиболее полное отражение органической эволюции» [25]. Новая политическая система должна вводиться только тогда, когда в обществе поменялись духовные запросы. Но даже в подобной ситуации, писал Сперанский, лучше всего попытаться приспособить действующие институты и законы к новым условиям, создав соответствующую преемственность поколений. Однако без новых законов не обойтись, когда: а) необходимой нормы не существует или она не отвечает создавшимся условиям; б) обычай забыт или извращен; в) неприменима иностранная норма.

Политико-правовая доктрина Сперанского основывалась на таких категориях, как социальная гармония и социальная солидарность, органическое развитие и единство общественных институтов социальной гармонии. Вся политическая власть должна отправляться на базе закона. Ни триумфальное царствование, ни победоносные войны и эффективное управление не будут иметь глубокого смыс-

ла, если правитель игнорирует свою главную обязанность — духовное руководство народом — и если сам правитель не является абсолютным образцом этического поведения.

Подробно рассмотрел Сперанский проблему политической организации общества. В исторической ретроспективе он видел три возможных варианта ее устройства: «система республик, феодальная система и система деспотическая». Первая отличается участием в управлении граждан и господством законности; вторая характеризуется наличием самодержавной абсолютной власти, неограниченной законом, третья — «ни меры, ни границ» в своей реализации не допускает. В этих рассуждениях Сперанский, как и Монтескье (на которого он часто ссылался), проводит границу между абсолютной монархией и деспотией якобы по существующему между ними различию в целях. Мыслитель неоднократно подчеркивал выгоды республиканской формы правления и даже высказывал предположение о возможности дальнейшего всеобщего перехода всех стран к республиканскому устройству.

Из других его размышлений можно сделать предположение, что Сперанский, как и И. Кант, называл республиканской любую форму правления, организованную на основе принципа разделения властей. Для России же он считал традиционной формой монархию, добавляя при этом, что для русской политической культуры столь же традиционной является и тенденция к ограничению монархии Советом, в котором должны быть «представлены элементы политической свободы». «Однако, — развивал он эту мысль, — в действительности в России со времени царствования Петра I политические свободы начали исчезать. Екатерина II пожелала дать России „бытие политическое“, но предприятие это было преждевременным и посему не смогло осуществиться. В настоящем же царствовании (Александра I. — *С. Ч.*) сделано много в этом направлении, в результате чего стало очевидно, что государство наше, находясь еще в эпохе самодержавия... имеет прямое направление к свободе». Сперанский обратил внимание на развитие России, которое, по его мнению, «в общем темпе времени... несравненно быстрее, чем в других государствах» [26].

Отмечая резкое падение авторитета самодержавной власти, очевидную невозможность ограничиться «частными исправлениями», прямо заявляя о «всеобщем неудовольствии», «сильном желании другого порядка ве-

щей», Сперанский делал вывод: «Настоящая система правления не свойственна более состоянию общественного духа и настало время переменить ее и основать новый вещей порядок» [27]. Этот новый порядок вещей был, по существу, не чем иным, как ограничением самодержавия и созданием в России монархии буржуазного типа.

Сущность необходимых преобразований состоит в том, чтобы «правление доселе самодержавное постановить и учредить на непременном законе», а для этого прежде всего необходимо разделение властей, ибо «нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет составлять и исполнять закон». Разделение властей требует такой их организации, при которой «одна будет действовать в образовании закона, а другая — в исполнение, третья — в части судной» [28].

Таким образом Сперанский развивал схему, предложенную Ш. Монтескье. Порядок, подчеркивает он, должен охраняться прежде всего законом, одним просвещением достичь положительных результатов в управлении страной невозможно. Как бы ни были полезны различные «установления», но если они будут основаны «единственно на качествах исполнителей», то они «ни силы, ни твердости иметь не могут».

Идеал Платона о правлении философов Сперанский отвергал. Государство следует организовать на принципе разделения властей, а все власти реализовать только на основании законов и твердого правового порядка. Но только на одни изменения в законодательстве Сперанский также не полагался. Он отлично понимал, что даже самое «хорошее» законодательство не может служить достаточным гарантом против произвола. «К чему гражданские законы, — вопрошал он, — когда скрижали их могут быть разбиты о камень самовластия?» [29] Никакие частные перемены не приведут к изменению целого. Для установления в государстве демократических свобод нужны серьезные гарантии, наличие которых он усматривал во введении соответствующего образа правления, а именно конституционной монархии с разделением властей.

Реформатор рассматривал два возможных варианта ограничения монархии в России: согласно первому, «самодержавное правление» облекается «внешними формами закона, оставив в существе его ту же силу и то же пространство самодержавия»; второй вариант предполагает внутреннее ограничение самодержавия «силой установлений», законами и «самим делом». Первый вариант создает

только видимость законных установлений, а второй устраивает законное правление, способное «ограничить и умерить самодержавие» [30]. Естественно мыслитель склоняется к необходимости предпочтения второго варианта. Он предлагает организовать законодательную власть таким образом, чтобы она, используя представительный принцип, могла выражать волю народа; исполнительная власть должна быть вручена правительству и поставлена под контроль законодательной, а судебная — выборному суду присяжных. Державная (исполнительная) власть вручается монарху и препровождается рядом прерогатив. Так, законодательная власть при всей дозволенной ей свободе «не может совершать своих положений без державной», т. е. каждый законопроект должен быть утвержден монархом. Монарх возглавляет исполнительную власть и является к тому же «верховным охранителем правосудия». Власть монарха наследственна и «принадлежит единственно детям законным»[31].

Принцип разделения властей реализуется всей продуманной политической системой. Представительным законодательным органом является Государственная дума. Кроме того, Сперанский предложил создать Государственный совет, который, по его мысли, должен соединить все формы власти с предоставлением государю общего руководства.

Непосредственное управление страной поручается министерствам. Властно-распорядительные функции на местах осуществляются также выборными советными органами — волостной думой (выбирается только владельцами недвижимости); окружной думой (из числа депутатов от волостных дум); губернской думой (из числа депутатов от окружных дум).

Государственная дума — высший законодательный орган страны. «Никакой новый закон не может быть принят без уважения (одобрения) думы. Установление новых податей, налогов и повинностей уважаются (рассматриваются и одобряются) в думе». В том случае, если большинство в думе отвергает законопроект, то он «оставляется без действия».

Судебная власть реализуется системой судов, состоящих из назначаемых чиновников и выборных присяжных заседателей. Однако следует отметить, что проект судебной реформы был начертан Сперанским вчерне и специально не разработан. Он лишь в принципе наметил систему судов (волостной, окружной, Верховный, уголов-

ный суд и Сенат как высшая инстанция, решения которой являются окончательными и не подлежащими обжалованию). Принцип назначения судей сочетался у него с требованием наличия и присяжных заседателей. «Закон определяет случаи, в коих председатель... обязан требовать депутатов из окружного совета для составления суда присяжных».

Осуществляя судебную реформу 1864 г., правящие круги России реализовали именно этот принцип составления суда: коронные судьи (чиновники) и выборные присяжные заседатели.

В «правильной монархии» или «в совершенном правлении монархическом» «государственный закон» (что означает, по терминологии Сперанского, конституцию) рисуется ему в следующих чертах: 1) все состояния (т. е. сословия) государства, «быв свободны, участвуют в известной мере во власти законодательной»; 2) власть исполнительная вся принадлежит одному лицу, участвующему во всяком законодательном действии и утверждающему его; 3) есть общее (т. е. общественное) мнение, оберегающее закон и исполнение его; 4) есть независимое «сословие народа» (т. е. законодательное учреждение, перед которым «исполнители» ответственны); 5) существует система законов гражданских и уголовных, принятая народом; 6) суд не лицом государя отправляется, но избранными от народа и им утвержденными исполнителями, кои сами быть могут подвержены суду; 7) все деяния управления (в числе которых Сперанский в этой записке разумеет и суд) публичны, исключая некоторых случаев определенных; 8) существует свобода печати «в известных, с точностью определенных границах».

Но все это место в черновой рукописи зачеркнуто и, вероятно, не вошло в окончательную редакцию. Правда, некоторые черты «государственного закона» изложены Сперанским выше: указано и на силу «общего мнения», и на независимость «сословия», «установленного» для охранения закона от власти исполнительной, которая перед ним ответственна, и на то, что суд должен отправляться не от лица государя, а лицами, избранными народом (присяжными), вместе с президентами, комиссарами и судьями, назначенными государем, и на публичность деяний управления, исключая немногих определенных случаев, подлежащих тайне, и на свободу печати «с исключениями, кои бы не стесняли действия общего мнения». Но в зачеркнутом месте записки Сперанского были и но-

вые, весьма важные черты: было сказано, что 1) «все состояния государства, быв свободны, участвуют в известной мере во власти законодательной», следовательно, отсутствие крепостного права считалось одним из необходимых условий «правильной монархии» или «совершенного монархического правления»; 2) власть исполнительная, принадлежащая вся одному лицу, участвует во «всяком законодательном действии и утверждает его»; 3) «существует система законов гражданских и уголовных, принятая народом».

Исключив изложенное выше чрезвычайно важное место своей записки, Сперанский вынужден был заметить, что Россия не скоро придет к «конституции и правильной монархии». «Надобно только сравнить, — писал он, — образ управления монархического с управлением, ныне в России существующим, чтобы удостовериться, что никакая сила человеческая не может сего последнего превратить в первое, не признав к содействию время и постепенное всех вещей движение к совершенству» [32]. Он объясняет этот тезис тем, что в России половина населения находится в совершенном рабстве; нет «государственного закона» (т. е. конституции) и уложения (уголовного и гражданского), нет и других признаков истинной монархии. Поэтому, предлагая (видимо, до поры до времени) сохранить существующую самодержавную власть, Сперанский считал необходимым ввести по крайней мере «разные установления, которые бы, постепенно раскрываясь, приготовляли истинное монархическое управление и приспособляли бы к нему дух народный». И такими учреждениями, по его мнению, должны были быть сенат законодательный и сенат исполнительный. Первый должен был состоять из сенаторов по назначению государя, а второй в свое время должен разделиться на две части — судную и управления, причем вторая должна состоять из министров.

Сперанский допускал мысль, что наследственная аристократия может быть сдерживающим началом самодержавия, его самовластия. К такому выводу он вынужден был прийти в силу обстоятельств собственной жизни. Истинные убеждения реформатора выдают зачеркнутые места записки. Первоначально было написано: «Призывать в высший класс достойнейших по избранию народа было бы, может быть, всего справедливее». Наследственное дворянство Сперанский называл «нелепым учреждением» [33].

Сперанский считал необходимым «учреждение сословия» (комитета), известного только одному государю, которое было бы призвано разрабатывать «коренные законы» и постепенно приводить их в исполнение «без крутости, без переломов, нечувствительно». Стремление Сперанского осуществлять работу по выработке государственного устройства и законодательства «за семью замками» объясняется, по-видимому, тем, что вряд ли все нововведения нашли бы понимание у дворян. Что же касается основных народных масс, то, по выражению реформатора, они пребывали в темноте и рабстве.

Проекты М. М. Сперанского отличались смелостью, крупными масштабами и конкретностью. Они разрабатывались с учетом задач, стоявших перед страной, и практически на сто лет предвосхитили мероприятия, о которых в условиях революционной ситуации был вынужден заявить Николай II в Манифесте «Об усовершенствовании государственного порядка» 17 октября 1905 г.

Судьба самого Сперанского была переменчивой: он знал нищету, ссылку, блеск императорского двора, генерал-губернаторство над всей Сибирью и переменчивое счастье полудержавного властелина (см. подробнее главу 5). Однако при всех превратностях судьбы идеи мыслителя были неизменными: он требовал введения в социальную и политическую жизнь принципа законности и утверждал положение «о правовом государстве», призванном заменить власть человека над человеком господством закона и гарантирующем права каждой личности независимо от ее сословного состояния.

Отстаиванию этих идей Сперанский отдал свою жизнь, за них претерпел гонения и ссылку. Его стойкость и последовательность справедливо оцениваются как «выдающийся национальный подвиг» [34].

При жизни реформатора его идеи почти не получили практического воплощения, но их выработка и обсуждение работ стали возможными только в результате либерализации норм общественной жизни. Идеи Сперанского утвердили в общественном мнении представления о конституционном образе правления, показали передовым русским людям всю презренность состояния, при котором подданные государства являются не гражданами его, а рабами. В России, утверждал мыслитель, «действительно свободных людей нет, кроме нищих и философов». Нужна была недюжинная смелость для того, чтобы произносить и писать подобное. Своими трудами Сперанский призывал прогрес-

сивную русскую общественность перейти от критических мыслей к позитивному решению проблем. «Ни в каком государстве, — подчеркивал он, — политические слова не противоречат столько вещам, как в России» [35].

Если бы господствующий класс во главе с царем сумел проявить политическую дальновидность и пойти по пути, начертанному реформатором, вполне вероятно, что им удалось бы повернуть Россию на буржуазный путь развития. Но русское дворянство прочно держалось за свои привилегии и проявило полную глухоту к провидческим предсказаниям мыслителя.

Идеи Сперанского были усвоены передовыми умами второй половины XIX в. и безусловно сыграли свою роль при подготовке социальных и политико-юридических реформ 60-х годов этого века. Они нашли свою частичную реализацию в реформах Александра II, особенно в судебных уставах 1864 г., воплотивших ряд конституционных принципов в организации системы правосудия. Политические же предложения мыслителя получили осуществление только в Манифесте 17 октября 1905 г., но тогда уже было поздно направлять Россию по либеральному пути, выбор был сделан окончательно в сторону революционных преобразований.

Краткий обзор политических взглядов реформатора России позволяет яснее понять все последующие шаги и практические соображения, которыми руководствовался этот государственный деятель при составлении своих проектов. Сперанский не писал монографий и специальных трактатов, его теоретические взгляды можно найти в разновременных записках и проектах, которые ему приходилось представлять императору, Государственному совету.

Теоретические рассуждения великого реформатора находят яркое воплощение в его проектах, к описанию и анализу которых мы переходим.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Великий реформатор
или «дерзкий попович»

*

Время перемен

Спустя некоторое время после цареубийства (11 марта 1801 г.) в манифесте, написанном приближенным царя Д. П. Трощинским, было объявлено, что новый государь Александр I принимает на себя «обязанность управлять Богом ему врученный народ по законам и по сердцу своей бабки императрицы Екатерины». Соответственно этому были восстановлены дарованные ею грамоты дворянству и городовое положение. Окружение нового царя понимало, что необходимо сделать что-либо для устранения возможности повтора произвола, который творил отправленный в мир иной Павел I. Сановная аристократия поспешила создать орган, который хотя бы как-то ограничивал самодержавие. Таким органом должен был стать Непременный совет. Этот поспешно созданный институт, просуществовав формально до 1810 г., не сыграл совершенно никакой роли и вообще был скорее на бумаге, чем в действительности. С этим советом никто не советовался.

Российская история унаследовала от предыдущего периода не только форму правления, но и всю социальную организацию. На вершине Олимпа стояло первое сословие — дворянство, выросшее из класса «военных служивых людей». В отличие от времен Петра Великого, когда дворяне являлись как бы царскими слугами и должны были отдавать все свои силы служению Отечеству, во времена Екатерины II они стали привилегированным слоем, особые экономические и социальные права которого уже не были обусловлены службой, а закреплены юридически указом 1785 г. (Жалованная грамота дворянству). Дворяне освобождались от налогов, обязательной военной службы, от телесных наказаний. Им было предоставлено право создавать свои корпорации (губернские и уездные дворянские собрания во главе с предводителями).

Однако права, дарованные одним самодержцем, могли быть отобраны другим. Как это и случилось с Павлом I, хотя эти права, будучи социальными и экономическими, но не политическими, никоим образом не ограничивали самодержавную власть. Все эти привилегии Александр I, как уже говорилось выше несколько подробнее, вернул дворянству.

Дворянское сословие оказывало огромное влияние на государственные дела. Этого нельзя не учитывать при рассмотрении всей реформаторской деятельности Сперанского.

Следует заметить, что мечты об «истинном» управлении, о законности с конца XVIII столетия занимали русское общество, прогрессивно настроенных представителей дворянского сословия. Власть дворян, деятельность всех высших государственных органов оспаривались с точки зрения гражданского равенства и необходимости отмены крепостного права. По мере роста этих настроений предметом острой критики стала вся политическая система общества. С годами все острее проявлялись различного рода противоречия. Скорее инстинктивно чувствовалась необходимость кардинальных изменений в политической системе империи.

Россия вступила в XIX в. с сохранившимся в неприкосновенности самодержавием, с такой организацией власти, которая совершенно не отвечала социально-экономическому развитию страны.

«Первое начало власти в России весьма кажется просто, — читаем мы в записке М. М. Сперанского „Об устройстве судебных и правительственных учреждений в России“ (1803). — Государь, соединяющий в особе своей все роды сил, единый законодатель, судия и исполнитель своих законов — вот в чем состоит на первый взгляд вся конституция сего государства. Но когда рассматривают образ, коим верховное сие начало действует, и средства, коими оно силы свои распределяет и приводит в упражнение, сия простота первого понятия исчезает и на месте ее являются разные системы управления, к разным началам принадлежащие и никакой между собой вещественной связи не имеющие»[1].

В самом деле, каким образом можно было определить прерогативы и полномочия Государственного совета, Сената, Комитета министров и их взаимоотношения? Все они работали вслепую, не имея ни положений, ни уставов.

В чем состояло их существенное различие? Какова степень власти, принадлежащей каждому из них? Каким делом каждое ведомство занимается? Все эти вопросы стояли перед Сперанским, да и перед всеми образованными людьми России, которые все отчетливее понимали, что принцип самодержавия противоречит идеалу конституционного правления. «Разрешение всех сих вопросов одно может обнаружить истинный разум настоящего правления в России. И, во-первых, очевидно, что ни одно из сих мест собственной политической силы не имеет: все они зависят и вначале, и в конце, и в бытии, и в действии их от единой воли и мановения силы самодержавной. Следовательно, второе: ни одно из них телом политическим, а тем менее законодательным признано быть не может; третье: ни прав, ни преимуществ, свойственных государственным установлениям, в отношении к первому их началу иметь они не могут; четвертое: различия существенного между собою они не имеют, ибо различие сие может быть только двояко: 1) в предметах и 2) в правиле действия. Но предметы во всех сих местах одинаковы. Сенат занимается теми же ветвями помощи, экономии и суда, какие вносятся в Совет и к министрам. Правило действия в них также одинаково: все они или соображают дело с законом, или когда закона нет, или по обстоятельствам кажется он неудобен, представляют мнение свое о новом установлении. Все различие состоит только в разности канцелярского обряда, но нет нужды доказывать, сколь различие сие маловажно» [2]. В приведенной цитате из указанного выше произведения Сперанского дается глубокий анализ состояния высшего государственного управления России начала XIX в.

Д. П. ТРОЩИНСКИЙ

Правящие круги пытались принимать меры, направленные на изменение создавшегося положения. Молодые друзья императора П. А. Строганов, А. А. Чарто-

А. А. ЧАРТОРЫСКИЙ

рыский, В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцев, являвшиеся членами Негласного комитета, не выдвигали каких-либо определенных и разумных предложений. Сенат нового типа сделался «idée fixe» для многих. В нем видели средство, основание и источник «всех безопасных улучшений». Существующий же Сенат был предметом резкой критики. П. В. Завадовский, один из приближенных императора, публично заявлял, что «в нашем Сенате молчать тяжко, а говорить бедственно». В «истинном» Сенате видели панацею от всех бед.

5 июля 1801 г. был издан указ, в котором высказывалось желание «восстановить Сенат на прежнюю степень ему приличную» и представить доклад о его правах и обязанностях. Намерения Александра I простирались до планов «поставить права и преимущества Сената на незыблемом основании, как государственный закон... и подкреплять, сохранять и сделать его навеки непоколебимым». Скоро мы узнаем, какова цена подобным заявлениям царя. Указ обнаруживал противоречивые начала в отношении Сената, который был назван «верховным местом правосудия и одновременно исполнения законов».

В «Положении о правах Сената», подготовленном графом П. В. Завадовским, сказалось стремление обеспечить самостоятельность Сената и авторитет его решений. Он «управляет всеми гражданскими местами в империи» и «высшей власти над собой не имеет, кроме единой — самодержавного государя», повеления его исполняются как именные указы царя, Сенату дается право избирать кандидатов в президенты коллегий, в губернаторы, на другие должности и представлять на утверждение императору. Однако предложения П. В. Завадовского остались на бумаге, показавшись царю слишком радикальными.

Александр I делает еще одну попытку реорганизации:

поручает разработать проект устройства Сената Постоянному совету для рассмотрения важных государственных дел. Заведование канцелярией этого Совета было поручено Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому, человеку простого происхождения, выучившемуся русской грамоте у дьячка, не знавшему ни одного иностранного языка. Тем не менее Александр I сделал его одновременно начальником уделов, директором почт и, что было важнее всего, составителем своих докладов и главным их редактором.

П. А. СТРОГАНОВ

9 декабря 1801 г. проект был представлен на рассмотрение. Сенату предоставлялась власть административная и судебная. Особое внимание привлекло мнение Г. Р. Державина, который предлагал выбирать дворянам первых восьми классов кандидатов в Сенат в каждом уезде из лиц первых четырех классов. Совет решил, что вопрос о выборах преждевремен, и Александр I согласился с ним. Очевидно, боялись, что настроенные консервативно высшие круги дворянства избрали бы кандидатов в Сенат, которые своей косностью и невежеством помешали осуществлению крайне необходимых государственных преобразований.

Спустя несколько дней Александр I выразил опасение, что его обращение к Сенату не приведет к желанным результатам и что «эта кампания» (т. е. Сенат), о которой он был, видимо, невысокого мнения, «может получить правильную организацию лишь посредством данного им самим указа». Главная причина заключалась в неподготовленности окружения Александра I, да и его самого к государственным реформам. «По свойственной ему лености, — писал П. А. Строганов, характеризуя царя, — он естественно должен предпочитать тех, которые, легко схватывая его мысли, способны выразиться так, как он сам хотел бы это сделать и, избавляя его от труда старательно отыскивать желательное выражение, изла-

гать его мысль ясно и, если возможно, даже изящно. Это условие избавления от труда существенно необходимо»[3].

Выбор в разработке огромной важности для России документов пал на М. М. Сперанского. Указом от 19 марта 1801 г. он был пожалован в действительные статские советники, а 9 июля того же года ему присваивается титул государева статс-секретаря. Таким образом, за четыре года бывший семинарист, бывший секретарь князя Куракина достигает важной должности в составе государственного управления, генеральского чина. В беседе с французским посланником Лористоном Александр I, характеризуя Сперанского, заметил, что «он легко работает».

Читателю, вероятно, небезынтересен процесс работы Сперанского, его отношения с Александром I. Вот что писал Сперанский из Перми Александру I: «В конце 1808 года, после различных частных дел Ваше Величество начали занимать меня постоянными предметами высшего управления, теснее знакомить с образом ваших мыслей, доставляя мне бумаги, прежде к вам вошедшие, и нередко удостаивая провождать со мною целые вечера в чтении разных сочинений, к сему относящихся. Из всех сих упражнений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало, наконец, составить одно целое. Отсюда произошел план всеобщего государственного образования».

Вряд ли в те времена без санкции царя могли быть обнародованы радикальные предложения, вносимые Сперанским. Поэтому есть все основания утверждать, что «Введение к Уложению государственных законов» является в какой-то мере произведением двух авторов — Сперанского и Александра I.

Известно, что Александр I неоднократно обращался к идее принятия в стране писаной конституции, но не решался ее реализовать. Причина колебаний царя крылась в огромной силе дворянства и относительной слабости средних классов (с точки зрения численности и влияния). Высшие слои купечества обладали некоторыми привилегиями, принадлежащими дворянству, тем не менее их социальный статус был значительно ниже: они имели незначительное влияние на царя. То же самое можно сказать о духовенстве. Нельзя сбрасывать со счетов и противоречивый, непоследовательный характер самого Александра I, отсутствие у него юридической подготовки. Известно, что он прослушал всего несколько лекций В. П. Кочубея по вопросам государства и права. Вот по-

чему все предложения Сперанского император постигал с большим трудом.

Сперанскому приходилось даже читать с Александром I разные сочинения по праву. Одним из таких уроков послужила неизданная записка, озаглавленная «Размышления неизвестного о государственном управлении вообще», сохранившаяся в архиве Государственного совета. Автор говорит императору, что если он, забыв о возлагаемых на него надеждах и страшась перемен, сочтет существующий образ правления достойным для России, то его царствование протечет мирно, народы заснут в приятном мечтании, однако этот сон не будет продолжительным и естественным.

Сперанский предупреждал Александра I о возможной революции: «Тогда бешенство страстей народных, неминуемое следствие слабости, заступит место силы и благоразумия, необузданная вольность представится единым средством к свободе; последствия сего расположения мыслей столь же будут ужасны, как и неисчислимы, но таковы всегда были превращения царств деспотических, когда народ их начинал» [4]. Наше несогласие с этой мыслью Сперанского не нуждается в доказательствах, однако при этом нужно учесть время и обстоятельства жизни реформатора.

Далее Сперанский продолжал, что если даже народ «не захочет» или «не будет в силах» разорвать свои цепи и государь будет справедлив, то министры всегда будут пристрастны и корыстны, поэтому следует передать «великую часть дел» местам и безотлагательно начать реформу высших государственных органов, находящихся в хаотическом состоянии. Главная задача, по мнению Сперанского, заключалась в создании эффективной и упорядоченной администрации.

Неразбериха и неурядицы наблюдались не только в Сенате, но и в других высших государственных органах.

Еще в начале своего царствования Екатерина II отмечала разбросанность и раздробленность дел в высшей администрации. Особенно это касалось финансового ведомства, которое делилось на каммер-коллегию, штатс-коллегию и ревизион-коллегию. Каждая из них была независимым учреждением и отчеты представляла самой императрице. В 1773 г. была предпринята попытка объединить их в одну экспедицию и подчинить генерал-прокурору. А через год-другой финансовая экспедиция вновь дробится на четыре. Первая заведовала доходами, вто-

рая расходами, третьей был поручен контроль, четвертая имела исполнительный характер, занималась взысканием недоимок и недоборов. Другие отрасли управления, под стать финансовой, имели такое же устройство. Коллегиальный характер в деятельности экспедиций отсутствовал.

Согласно «Учреждению о губерниях», принятому в годы правления Екатерины II, существенно выросла роль и генерал-прокурора в центре, и генерал-губернаторов на местах. Начался антагонизм между Сенатом и генерал-прокурором. Все государственное управление было сосредоточено в руках президентов иностранной, военной и адмиралтейств-коллегий, генерал-прокурора, генерал-почт-директора.

По вступлении на престол Павла I, как уже было сказано, первым его актом была отмена всех изменений в государственном правлении, введенных Екатериной II. Велено было открыть берг-мануфактур и коммерц-коллегии. Все внутренние дела были переданы генерал-прокурору и экспедиции государственного хозяйства, опекунства иностранных лиц и сельского домоводства. Этой экспедиции было предписано, чтобы она «между упражнениями своими» занялась каждой губернией, учла ее преимущества и особенности, которые удобнее могли бы быть приводимы в лучшее час от часу состояние и совершенство» [5].

Следующим актом Павла стало назначение государственного казначея. Разбросанные части финансового управления соединились и составили отдельное ведомство. Вскоре появилось еще одно управление — департамент водных коммуникаций.

В 1797 г. возникло первое министерство — министерство уделов, которое управлялось министром и его четырьмя товарищами. В 1800 г. было признано необходимым создание ведомства по внутреннему судоходству. Цели и задачи нового государственного органа передавались на обсуждение специально созданному комитету, состоявшему из купечества, членов коммерц-коллегии и возглавляемому адмиралом Кушелевым. Каждая сторона разработала свои предложения. Все три противоречивых документа были доложены Павлу, и он утвердил каждый из них. Указ в подобном виде и был обнародован.

В таком положении находилось высшее государственное управление в начале XIX в. Г. Р. Державин в письме Александру I писал: «Можно сказать, к сожалению, что Россия никогда прямо устроена не была, хотя еще

в царствование Петра Великого о сем весьма промышляемо было»[6].

Державин, твердо хранивший предания старины, принадлежавший к числу людей старого покроя, поклонявшийся уму Екатерины II, попытался разработать новую организацию государственного управления. Он начал с разделения властей на законодательную, судную, исполнительную и оберегательную, соединяя их, по его выражению, «яко в центре, в единственной воле монарха».

В чем же состояло это соединение? Проект начинался с разделения Сената на две части: правительствующую и судную. Все остальное представляло самое странное смешение. Каждая часть Сената подразделялась на три отдела, те, в свою очередь, делились на множество департаментов, функции которых не были четко определены. Вся эта путаница вызвала неудовольствие сенаторов. Державин гордился своей организацией, и не без основания: она доставила ему александровскую ленту. Но ни лента, ни авторитет самого создателя организации не помогли ей.

Вместо нее 8 сентября 1802 г. был обнародован указ о министерствах, подготовленный Александром I втайне. Указ произвел весьма сильное впечатление на администрацию. В министерствах увидели какое-то ограничение самодержавия. Указ начинался признанием, что до сих пор управление занималось больше пресечением зла, чем его предупреждением. И вот такими-то «спасительными» органами должны были отныне сделаться министерства. Их учреждалось восемь: военных сухопутных сил, морских сил, иностранных дел, юстиции, внутренних дел, финансов, коммерции и народного просвещения. Сохранялось казначейство.

В. П. Кочубей был назначен министром внутренних дел, граф Воронцов — министром иностранных дел, Н. Н. Новосильцев — министром юстиции. Д. П. Трощинскому остались лишь уделы, почта и заведование потерявшим всякий смысл советом двора.

Кочубей привлек Сперанского к работе в своем министерстве, однако обоим недоставало опыта для создания новой организации государственного управления. Министерство сначала состояло из одного только департамента внутренних дел, директором которого и был назначен М. М. Сперанский. Далее департамент был разделен на три экспедиции со своими управляющими во главе. Сперанскому поручили управлять второй — экспедицией государственного устройства. Первая экспедиция должна

была заниматься государственным хозяйством, третья — государственной медицинской управой. В действительности этому ведомству приходилось заниматься самыми разнообразными проблемами: распространением тонкорунного овцеводства, учреждением класса свободных хлебопашцев, положением еврейского населения, вольным промыслом. Министерство внутренних дел начало издавать свой официальный журнал. В этом периодическом издании помещались отчеты, важнейшие правительственные акты, научные статьи как оригинальные, так и переводные.

Надзор за министрами должен был осуществляться Сенатом. Каждый министр ежегодно представлял письменный отчет, «исключая дела, особенной тайне подлежащия». Обсуждение отчета происходило в присутствии министра, и после он направлялся Александру I.

Все это было ново. До сих пор никаких надзорных инстанций не существовало. Ранее генерал-прокурор выявлял злоупотребления администрации, суть работы органов управления его не касалась. А теперь предполагалось обсуждать в Сенате «самую пользу сделанных распоряжений».

Создание министерств не привело к устранению ранее существующих органов: коллегий, мануфактур-коллегий, губернских правлений. В указе лишь в общих чертах обозначались цели и задачи министерств. Почти во всех статьях (их было 19) речь шла об отношении министерств к верховной власти, Совету, Сенату и об урегулировании отношений между министерствами. Их деятельность показала всю слабость исполнительной власти. Министерства не были ответственны перед законодательной властью. Их функции четко не определялись, допускалось дублирование. Так, министерство внутренних дел занималось и промышленностью страны, и доходами от продажи соли. Таможенные же дела были переданы министерству финансов. Полиция оставалась вне сферы деятельности какого-либо ведомства. Четкая структура внутри министерств отсутствовала, поэтому вопросы решались крайне медленно, процветали леность чиновников, волокита и взяточничество.

Новый порядок оказался недейственным. Г. Р. Державин, имевший обыкновение на все просить инструкции, потребовал их и теперь. Он не смог их получить. Положение «юстиц-министра», как называл Державин свою должность, оказалось исключительно неопределен-

ным. Ему было велено руководствоваться положениями о генерал-прокуроре. Но генерал-прокурор надзирал над всеми ведомствами и мог вмешиваться во все их дела. А теперь министр юстиции руководил только своим ведомством и стоял не выше других министров, а наряду с ними.

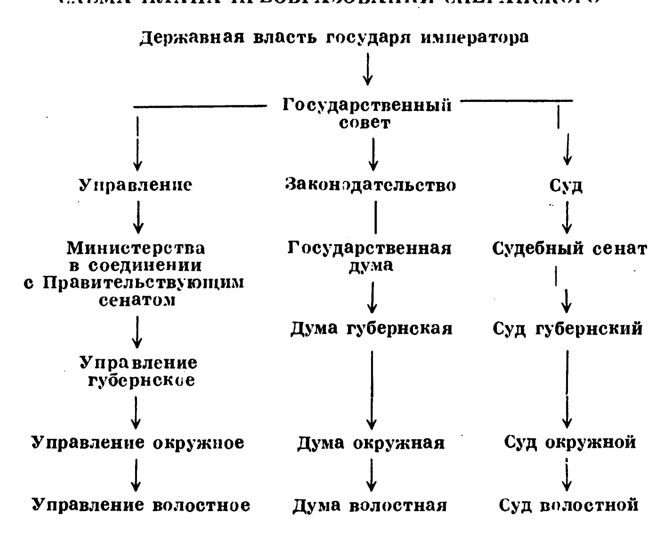
Ответственность министров, которая с такой помпезностью провозглашалась в манифесте, на деле оказалась фикцией. Сенат как верховный охранитель интересов империи не только не мог осуществлять надзор за деятельностью министров, но и не мог проверить ни одного их отчета. В Сенате не было специалистов, способных дать квалифицированное заключение. Поэтому отчеты превращались в пустую формальность.

В 1803 г. Сенат освободил себя от контрольных функций Комитета министров, который продолжал существовать. В одной из позднейших записок М. М. Сперанский писал: «Какое место в порядке государственных установлений должны были занять министерства? С одной стороны, они равнялись Сенату, ибо независимо от него управляли и получали высочайшие разрешения. С другой, они были подчинены Сенату. Если же они были равны Сенату, то они, или первый департамент Сената, были излишни, ибо и в них, и в сем департаменте дела были однородные. Если они были подчинены Сенату, то от него или через него должны были получать окончательные разрешения» [7]. В самом деле, взаимоотношения двух институтов государственного управления были очень странными.

В таком виде и министерства не могли существовать. Во-первых, не был определен предел их ответственности, во-вторых, отсутствовала четкая внутренняя структура и, в-третьих, не были созданы их органы на местах. Нужна была кардинальная реформа. «Из всех учреждений, из стократных, может быть, разговоров и рассуждений Вашего Величества надлежало, наконец, составить одно целое, — писал М. М. Сперанский из ссылки в январе 1813 г. Александру I. — Отсюда произошел план всеобщего государственного образования. В существе своем он не содержал ничего нового, но идеям с 1801 года, занимавшим Ваше внимание, дано в нем систематическое расположение. Весь разум сего плана состоял в том, чтобы посредством законов утвердить власть правительства на началах постоянных и тем самым сообщить действию власти более достоинства и истинной силы».

План реформы был громоздким. Сперанский сначала подготовил ее теоретическое обоснование. В своей записке (по объему целая книга) он рассуждает о законах государственных вообще, «о разделении их на основные или неподвижные и преходящие», обосновывает механизм принятия тех и других и их применение. Потом он принялся за разработку проекта нового государственного управления на всех его уровнях: от кабинета министров и до волостного правления.

СХЕМА ПЛАНА ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СПЕРАНСКОГО

В октябре 1809 г. весь проект реформ лежал у Александра I на столе. В сопроводительном письме Сперанский писал: «Существенные правила вводимого порядка должны состоять в том, чтобы не терять времени, но избегать всякой торопливости; каждое установление открывать не прежде, как все образование его будет изготовлено, и, наконец, переход от настоящих установлений к новым так учредить, чтобы оно казалось самым простым и естественным, чтобы новые установления казались возникающие из прежних, чтобы ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, ежели бы, паче чаяния, встретились к новому какие-либо непреоборимые препятствия» [8].

В основу реформы Сперанский предлагал положить традиционный принцип разделения властей. Он не уста-

вал повторять, что нельзя основать правление на законе, если одна державная власть будет и составлять законы, и их исполнять. Поэтому он в своей реформаторской деятельности пытался четко разградить законодательную, исполнительную и судебную власти, сосредоточив их в разных независимых друг от друга государственных учреждениях.

План преобразований 1809 г. состоял в том, чтобы в какой-то мере привлечь население (на основе имущественного ценза) к участию в исполнительной, законодательной и судебной власти посредством системы четырехстепенных выборов. В каждом волостном городе каждые три года из всех владельцев недвижимой собственности созывается собрание, которое и называется волостная дума. Она избирает председателя и секретаря. К компетенции волостной думы относятся: выборы членов волостного правления; определение доходов и расходов; выборы депутатов в окружную думу; обсуждение отчетов, представляемых в вышестоящие органы; утверждение списка из 20 наиболее авторитетных граждан, из которых назначается председатель волостного суда.

Окружная дума состояла из делегатов от волостей, избранных местными думами. Из делегатов окружных дум формируется губернская дума, а из ее депутатов составляется законодательный корпус, именуемый Государственной думой. Сперанский предлагал собирать Государственную думу ежегодно в сентябре. Срок работы должен был определяться количеством рассматриваемых дел. Действие Государственной думы пресекалось двояким способом: отсрочкой ее созыва до следующего года, роспуском ее. Сперанский не предполагал наделять Государственную думу правом законодательной инициативы. Однако без ее одобрения ни один законопроект не мог поступить на утверждение и получить силу закона. Осуществление политических прав на практике предусматривалось путем создания стройной системы выборных дум: волостных, окружных, губернских и, наконец, Государственной.

Государственный совет — орган законосовещательный

К началу октября 1809 г. «Введение к уложению государственных законов» или «План всеобщего государственного образования», как иначе называл его Сперанский, был

готов. Более двух месяцев прошло почти в ежедневном вместе с Александром I его рассмотрении как русского, так и французского варианта.

Сперанский предлагал начать задуманную реформу с преобразования Государственного совета, который был чем-то вроде совещательного органа при Александре I и не имел ни очерченного круга полномочий, ни какого-либо реального влияния на государственные решения. С первых же дней образования он превратился в «домашний» безгласный орган. Его взаимодействие с существующими министерствами не было определено. Сперанский писал, что смешение в Сенате дел судебных и управления дошло уж до такого беспорядка, что нельзя больше откладывать задуманную реформу. Необходимость придания Совету больших полномочий он объяснял еще и тем, что настало время привести все законодательство начиная с времен Петра Великого в систему, устранить в нем противоречия, навести порядок в финансах, так как в налоговой политике процветал хаос и произвол.

Положение о Государственном совете разрабатывалось втайне. Александр I в последних числах ноября 1809 г. был в Москве. В это время Сперанский, находясь в Петербурге, выслал проект нового учреждения по частям на имя камердинера Мельникова, а тот уже передавал их царю. В обществе, однако, носились разные слухи о готовящейся реформе. На проект дали взглянуть графу Румянцеву и графу Кочубею. Военный министр Аракчеев негодовал, что не знает содержания таинственных конвертов. Свое неудовольствие он высказал Александру I. Вот что писал находившийся при Аракчееве статс-секретарь Марченко: «Графу крайне досадно было, что новости сии скрыты от него. Один вечер хотел государь прислать за ним после бани, чтобы поговорить о проекте, но граф не дождался Вдруг докладывают, что прислан от государя Сперанский. Не прошло и десяти минут как граф, отпустив Сперанского, позвал меня. Я не видывал его в подобном бешенстве. После рассказывал, что Михаил Михайлович привез ему одно оглавление, дабы на словах рассказать существо новой организации, но он не стал его слушать, отпустил его с грубостью».

По мысли Сперанского, Государственный совет должен был служить своеобразным связующим звеном между императором и новыми государственными органами: Государственной думой, Сенатом и Комитетом министров. «В порядке государственных установлений Совет

представляет сословие, в коем все действия части законодательной, судной и исполнительной в главных их отношениях соединяются и через него восходят к державной власти и от нее изливаются», —писал Сперанский во «Введении к уложению государственных законов» [9]. Члены Государственного совета должны не избираться, а назначаться императором. Новый орган становился как бы своеобразной палатой лордов, в которой происходит первоначальное обсуждение самых важных проблем государства.

В проекте М. М. Сперанского были четко определены пределы самодержавной власти. «Посему все законы, уставы и учреждения в первообразных их начертаниях предлагаются и рассматриваются в Государственном совете и потом действием державной власти поступают к предначертанному им совершению. Никакой закон, устав и учреждение не исходит из Совета и не может иметь своего совершения без утверждения державной власти» [10].

В руках императора сохранялась вся полнота управления страной (в «России вся исполнительная часть должна принадлежать власти державной»). Ему же принадлежало исключительное право законодательной инициативы («предложение закона должно предоставить исключительно правительству»), и он же утверждал все новые законы.

Вместе с тем власть самодержавная существенно ограничивалась Государственной думой, которая должна была рассматривать все законопроекты («никакой новый закон не может быть издан без уважения Думы»). Все новые подати, налоги и повинности утверждаются опять же Государственной думой. Император решительно отделялся от судопроизводства. За ним сохранялась лишь роль верховного охранителя правосудия, и суд вершился от его имени («из сего следует, что действие власти державной в суде должно быть ограничено одним установлением власти, надзирающей и охраняющей судебные обряды») [11].

Так видел Сперанский место и роль Государственного совета в политической системе Российской империи. И весь проект создания Совета, как неоднократно подчеркивал его создатель, был согласован с самим Александром I. «Не я их (представления. — *С. Ч.*) предложил, — писал он Александру I из ссылки в Нижнем Новгороде, — я их нашел совершенно образовавшимися в Вашем уме... основания их не должны быть оспариваемы» [12]. Однако

замысел Сперанского не был осуществлен в полной мере. Видимо, в последний момент царь отказался от столь кардинальной реформы. Да и сам Сперанский не был до конца убежден в необходимости полной реализации своих планов. Он допускал в «Проекте уложения государственных законов Российской империи» возможность к отступлению от первоначального проекта. «Переход от настоящих установлений к новым так учредить, — писал он, — чтоб он казался самым простым и естественным, чтоб новые установления казались возникающими из прежних, чтоб ничего не отваживать и иметь всегда способы остановиться и удержать прежний порядок во всей его силе, если бы, паче чаяния, *встретились к новому какие-либо непреоборимые препятствия»* [13] (курсив мой. — *С. Ч.*).

Мотивы, заставившие в последний момент Александра I отказаться от предложенного варианта, пока не выяснены до конца. Можно лишь догадываться, что не последнюю роль здесь сыграли Аракчеев и сестра Александра I великая княгиня Екатерина Павловна, проживавшая в Твери.

Манифест об учреждении Государственного совета и нечто вроде устава («Образование Государственного совета»), регламентирующего его деятельность, были написаны самим Сперанским. Непривычен и прекрасен язык и манифеста и устава Совета. Из опубликованных документов было очевидным, что учреждение, объявленное манифестом 1 января 1810 г., не соответствовало, а точнее, игнорировало все основные принципы государственной реформы, отраженные во «Введении к уложению государственных законов».

В основу создания нового Государственного совета легли уже другие главные принципы, а именно: 1) все основные вопросы империи рассматриваются в Совете и только через Совет докладываются императору; 2) проекты всех законов, указов, положений, уставов, новых учреждений рассматриваются опять же Советом; 3) никакой закон, устав и учреждение «не исходит из Совета и не может иметь совершения без утверждения верховной власти».

Предел власти Государственного совета весьма широк. В его компетенцию отнесены: все предметы, требующие нового закона, устава или учреждения; предметы внутреннего управления, требующие отмены, ограничения или дополнения прежних положений; дела, требующие в за-

конах, уставах и учреждениях изъяснения истинного их смысла; меры и распоряжения общие, приемлемые к успешному исполнению существующих законов, уставов и учреждений; общие внутренние меры, в чрезвычайных случаях приемлемые; объявление войны, заключение мира и другие важные внешние меры; ежегодные сметы общих государственных доходов и расходов и чрезвычайные финансовые меры; все дела, по которым отчуждается какая-либо часть государственных доходов или имуществ в частное владение; отчеты всех канцелярий министерских департаментов, управляемых статс-секретарями, которые подчинялись государственному секретарю. Звание последнего, как уже отмечалось, было возложено на самого Сперанского.

Государственный совет задумывался как орган при монархе, через который последнему представлялись решения всех трех новых органов — Государственной думы, Сената и министерств. Он планировался как совещательный орган при императоре. В манифесте же мы видим другой государственный орган, с другой ролью — исключительно законосовещательной. Основные функции Государственной думы — рассмотрение и принятие законов — были переданы Государственному совету. Александр I не пошел на ограничение самодержавия всесословным представительным органом — Государственной думой. И вся законотворческая деятельность оказалась в руках императора, так как всех членов Государственного совета он назначал сам.

Председательствующим на первый год был назначен граф Румянцев, государственным секретарем — Сперанский, членов Совета вместе с председателями и министрами (они входили в Совет по должности) было 35. Обращает на себя внимание однородность Совета. Из 35 его членов 19 — графы, князья, остальные — крупнейшие землевладельцы, военные.

31 декабря 1809 г. вечером они все получили приглашения собраться на другой день в половине девятого утра в одном из залов Шепелевского дворца. К 9 час утра в Совет прибыл Александр I. Собрание это было необыкновенно торжественным. Царь со своего кресла произнес речь, сочиненную Сперанским, потом новый государственный секретарь прочитал манифест об образовании Совета, положение о нем, список председателей департаментов (граф П. В. Завадовский — департамент законов: Н. С. Мордвинов — департамент дел гражданских

П. В. ЗАВАДОВСКИЙ

и духовных; князь П. В. Лопухин — департамент государственной экономии; граф А. А. Аракчеев — департамент дел военных), членов и чинов канцелярии и время работы Совета. Александр I тут же вручил председателю проект Гражданского уложения и план бюджета для последующего рассмотрения в департаментах и принятия на пленарном заседании Государственного совета.

Итак, впервые в России было провозглашено в манифесте о создании Совета, заявлено, что «законы гражданские, сколь бы они ни были совершенны, без государственных установлений не могут быть тверды», что государственные доходы и расходы требуют неукоснительного рассмотрения и определения. Вместе с тем впервые всенародно прозвучало: «Разум всех усовершений государственных должен стоять в учреждении образа управления на твердых и непременяемых основаниях закона». Другими словами, все государственные органы и граждане должны поступать в полном соответствии с действующим законом. М. М. Сперанский попытался придать Совету процессуальные функции, в некотором роде ограничивающие самодержавную власть. Совет утвержден, писал М. М. Сперанский, чтобы «власти законодательной, дотоле рассеянной, дать первое очертание правильности, постоянства и единообразия».

Согласно Уставу о Государственном совете, решения Совета принимались большинством голосов. А те члены, которые не были согласны с большинством, могли записать свое особое мнение в журнале, но никакого влияния это не имело. Все законы и уставы должны были утверждаться монархом и издаваться в виде царского манифеста, начинавшегося словами: «Вняв мнению Государственного совета» [14].

Даже те незначительные ограничения самодержавия, которые здесь упоминаются, были через некоторое время отброшены Александром I. Он полностью игнорировал

мнение большинства Совета и часто поддерживал малую его часть. Была вскоре забыта и формула «Вняв мнению Государственного совета». Традиционный произвол русского абсолютизма продолжался.

А. А. АРАКЧЕЕВ

И тем не менее указ о Государственном совете произвел сильное впечатление среди высшей администрации и в дворянских кругах. Самые разнообразные обвинения посыпались на голову Сперанского. В новом учреждении видели разом и умаление роли Сената, и опасность произвола со стороны Совета, и в то же время ограничение самодержавия.

Под давлением оппозиционных сил Александр I стал все больше игнорировать Государственный совет. Он уже перестал быть законосовещательным органом в полном смысле слова. Его заваливают различными не свойственными ему проблемами. Совет рассматривает то сметы расходов и доходов Москвы и Петербурга, то уголовные и гражданские дела. Император стал издавать законы без рассмотрения их в Совете. Фигура Аракчеева заслонила собой весь Государственный совет. Мнение всесильного временщика было для Александра I более авторитетным.

И все-таки Государственный совет действовал и оставался формально законосовещательным органом Российской империи. Каждый департамент возглавлялся председателем. На пленарном заседании председательствовал сам император, в его отсутствие — один из членов Совета по его назначению. Для производства дел Совета была учреждена государственная канцелярия под управлением государственного секретаря, докладывающего вопросы на общем собрании и заведующего всей исполнительной частью. При Совете находилась комиссия составления законов и комиссия прошений.

М. М. Сперанский в октябре 1809 г. представил императору записку, в которой рассматривался порядок приведения в жизнь всех начертаний «Плана всеобщего

государственного образования», как называл реформатор свой трактат «Введение к уложению государственных законов». Он предложил прежде всего открыть 1 января 1810 г. Государственный совет, что и было сделано, произвести преобразования в прежних министерствах и учредить новые. К маю, как надеялся Сперанский, «государственное уложение... не только будет составлено, но во всех частях и рассмотрено Государственным советом», и «потому можно будет положить первые начала его введения». Для этого он предлагал обнародовать манифест о создании «комиссии для сочинения нового уложения», «назначить выборы депутатов из всех состояний, взяв предлогом издание гражданского уложения» с рассмотрением его к этому времени и в Государственном совете. Собрание депутатов Сперанский предполагал созвать к 15 августа и назвать его Государственной думой. Для рассмотрения депутатских наказов следовало назначить канцлера, т. е. председателя Государственной думы, которому депутаты обязаны предъявить свои полномочия.

Заседание Думы 1 сентября 1810 г. предполагалось начать с рассмотрения гражданских законов, а затем, если не встретится «каких-либо непреоборимых препятствий», планировалось предложить государственное уложение, утверждаемое «общею присягою» [15]. С этого времени Государственная дума должна была занять отведенное ей в системе государственных преобразований место. А затем по плану Сперанского следовало образовать и судную часть. Сенат должен встать в ряд государственных органов.

М. М. Сперанский очень много работал. Из отчета за 1810 г., представленного Сперанским Александру I 11 февраля 1811 г., ясно видно, что автор не терял надежду на осуществление коренных преобразований государственного строя. «Отлагая до лучших обстоятельств все те предложения, которые собственно принадлежат к устройству законодательного порядка», он намечал очередные работы и в числе их указывал на необходимость устройства сенатов судебного и правительствующего.

М. М. Сперанский не отказался от своих планов преобразования государственного строя. Вовсе нет. Его здоровье, как видно из письма к Столыпину в октябре 1811 г., резко ухудшилось из-за сильнейшего переутомления и оттого, что приходилось признавать свои планы «неосуществимыми затеями».

Первый шаг от абсолютизма к конституционной монархии был сделан. Правда, шаг робкий. «Но пользу сего учреждения должно измерять не столько по настоящему, сколько по будущему его действию», — писал М. Корф, биограф М. М. Сперанского [16].

Власть административная

Нет сомнения, что созданием министерств в 1802 г. было положено начало устройству государственного управления. Сперанский в то время так охарактеризовал образование административных органов империи: «Нет сравнения между сим порядком и тем, который ему предшествовал. Если бы крутые обстоятельства политические постигли Россию в том неустройстве, когда все гражданское управление состояло в хаосе дел, вверенных почти одному генерал-прокурору, тогда замешательство и затруднение дошло бы до самой высшей степени и не только движение частей не было бы соразмерно быстроте происшествий, но и совсем бы в некоторых отношениях оно остановилось» [17].

Во «Введении к уложению государственных законов» Сперанский предлагал по возможности «усовершенствовать и усилить» устройство административно-исполнительных органов. Для этого нужно прежде всего знать его недостатки и определить основные причины, не позволяющие функционировать данным органам необходимым образом.

1. Недостаток ответственности.

Ответственность министра состоит в том, что он должен четко выполнять действующий закон, и эта его обязанность «должна быть существенною». А ответственность министров, как говорил Сперанский, не могла у нас существовать в полной мере, так как сам закон не стоит на твердой основе, не выражает мнение всех сословий и принят самодержцем. «А от сего недостатка, — замечал он, — происходит, что все действия его восприняли как вид произвола и вместо правильного суда подверглись сим странным, так сказать, пересудам, где мнение общественное, не находя свойственной ему точки соединения, теряется в пустых догадках и нареканиях и вместо того, чтобы служить оплотом достоинству правительства, само падает в злославие» [18]. Другими словами, трудно исполнять законы, которые не находят понимания в обществе и часто им отвергаются. Министрам в таких условиях

ничего не оставалось как или уклоняться от их исполнения, или «с горечью и молчанием переносить тяжесть своего положения». И в этом Сперанский видел основную причину того, что правительство уклоняется от исполнения законов, «кои предполагают силу и твердость», и занимается текущими малозначительными делами.

2. Некоторая неточность и несоразмерность в разделении дел.

Порядок исполнительный по своей сути есть не что иное, как способ, которым законы претворяются в жизнь. Следовательно, сколько есть разнообразных частей закона, столько и должно быть отдельных органов исполнения. Сперанский в порядке исполнительском определил пять главных направлений:

а) внешние сношения;
б) устройство внешней безопасности;
в) публичная экономия;
г) устройство внутренней безопасности;
д) устройство и надзор суда.

Исходя из этих главных направлений и следовало бы формировать министерства. «Нельзя предполагать, — писал М. М. Сперанский, — что каждая из сих частей имела одинаковое пространство». Так публичная экономия, по его мнению, предлагает два министерства: народной промышленности, доходов и расходов. Как было отмечено выше, министерство внутренних дел занималось и промышленностью, и полицией, и финансовыми вопросами, и добычей соли, и проблемами европейского населения.

3. Недостаток точных правил или учреждений, на основе которых должно действовать министерство.

При создании министерств были определены их штаты, оклады чиновников, переименованы канцелярии в департаменты, и на этом вся работа по реорганизации закончилась. Поручалось каждому министру разработать уставы и положения, которыми бы был очерчен круг обязанностей, права, взаимоотношения с другими ведомствами, порядок работы с последующим рассмотрением и утверждением Государственным советом.

Однако работа эта не была проведена, а «отсюда происходит, что развлеченное на множество текущих дел внимание не может обозреть их в целости и вместо того, чтоб остановиться на главных и существенных усмотрениях, непрестанно рассеивается в мелком надзоре исполнения... Невозможно управлять большим кругом дел,

где нет другой постепенности, как только министр, докладчик и писец»[19].

М. М. СПЕРАНСКИЙ

Видя всю эту неприглядную картину, Сперанский предлагал:

1) определить инструкциями границы деятельности министерств, их четкую ответственность за определенную сферу деятельности;

2) упразднить министерство коммерции, присоединив его к министерству финансов;

3) создать министерство путей сообщения, так как «в России все еще надобно заводить и вновь строить»;

4) учредить «особое государственное казначейство» и особый же государственный контроль. Предложение это объяснялось тем, что министерство финансов занималось источниками доходов, движением входящих в казначейство капиталов, их выделением, отчетом (контролем) в расходовании средств. Министр финансов, таким образом, сам себя и контролировал;

5) создать специальное министерство полиции, которое должно включать в свою структуру:

а) полицию учредительную, занимающуюся паспортным режимом, надзором за зрелищными мероприятиями, публичными собраниями и пр., а также выполняющую роль политической полиции;

в) полицию исполнительную, которой вменить в обязанность пресекать все нарушения безопасности, устройство внутренней стражи, содержать разные смирительные учреждения (тюрьмы, ссыльные заведения, темницы и др.);

6) установить пределы деятельности министерств, подготовить внутреннюю их структуру, исходя из их целей и задач, а также распорядок работы всех их структурных звеньев.

«Министерство, — писал Сперанский во „Введении“, — на сих основаниях составленное, т. е. окруженное законною ответственностью, соразмерное в делах своих... и

снабженное уставами и учреждениями, будет действовать с силою и уважением и станет на той высоте, которую ему первое его установление предназначало, но коей оно не могло достигнуть» [20].

Манифестом от 25 июля 1810 г. (№ 24.307) сначала было обнародовано «новое разделение государственных дел в порядке исполнительном» с подробным определением пределов их деятельности и степени их ответственности. Манифест повторил все основные мысли и предложения Сперанского. Правда, им вводилось еще одно ведомство: главное управление духовных дел и иноверных исповеданий.

Следующим манифестом «Общим учреждением министерств» от 25 июня 1811 г. (№ 24.686) было объявлено об образовании министерств, определены их штаты, порядок назначения, увольнения, производства в чины, порядок производства дел. Определены степень и пределы власти министров, их отношения с законодательной властью и, наконец, ответственность как министров, так и разных чинов, принадлежавших к составу министерских канцелярий и департаментов.

«Общее учреждение министерств» было весьма объемным законодательным актом (401 параграф) и состояло из двух частей: «Образование министерств» и «Общий наказ». В соответствии с концепцией Сперанского исполнительный порядок есть приведенный в действие закон, и поэтому разделение управления должно вытекать из разделения законов. Отсюда и определились сферы деятельности министерств. Следует заметить, что проекты обоих манифестов предварительно рассматривались в Государственном совете, но каких-либо существенных замечаний членами Совета высказано не было.

Каждое министерство получило единообразное структурное оформление. Согласно «Общему наказу», министерство возглавлял министр, назначаемый императором и фактически ответственный перед ним. Аппарат министерств состоял из нескольких департаментов во главе с директором, а они, в свою очередь, делились на отделения, возглавляемые начальником. Отделения разбивались на столы во главе со столоначальником. Вся работа министерств строилась на принципе единоначалия. В «Общем наказе» категорически оговаривалось, что министрам принадлежит только власть исполнительная и в их компетенцию не входит «никакое новое учреждение или отмена прежнего» [21]. Министры назначали и увольняли

чиновников, осуществляли надзор за подчиненными министерству учреждениями. Манифест 1811 г., по сути, дал министрам власть в своей отрасли безграничную.

«Введение к уложению государственных законов» Сперанского предусматривало контроль министров со стороны Государственной думы. Она могла привлечь любого министра к ответственности, контролировать их деятельность, требовать отчетов. Проведенная реформа установила принцип прямой ответственности министра перед императором, который, кстати, назначал его по своему выбору. Реакционность такого подхода очевидна, так как министр оказался вне контроля народа и его представительного органа.

Проведенная в жизнь реформа, точнее, ее часть была бы значительно эффективнее при условии подлинной ответственности министров перед собранием представителей — Государственной думой, как и предполагал Сперанский. Однако действительность была такова, что он вынужден был в спешном порядке разрабатывать новые условия ответственности. Министры оказались вынужденными испрашивать отмену ограничения и дополнения прежних положений у Государственного совета, у Правительствующего сената или у государя. Сперанский хорошо осознавал ущербность этих ограничений, так как они ослабляли силу закона.

Автор реформы определил также круг дел, который рассматривался директорами министерских департаментов. Он понимал, что при безответственности министров перед представительным органом крайне необходима коллегиальная форма правления в министерстве. В этих целях Сперанский настойчиво проводил в жизнь создание советов министра и общие присутствия департаментов. Однако их значение было ничтожно, так как совет состоял из лиц, полностью зависимых от министра. Министр имел теперь возможность принуждать все подчиненные ему органы и лица к исполнению законов, всякое дело министр мог по своему усмотрению истребовать к своему рассмотрению. Для того времени министерства оказались гибкими органами исполнительной власти. Но пока общая реформа не была осуществлена, эти первые преобразования не могли дать желаемого эффекта. Впоследствии из ссылки Сперанский писал: «Блистательнее, может быть, было бы все установления сего плана, приуготовив вдруг, открыть единовременно: тогда они явились бы все в своей стройности и не произошло бы никакого в делах смеше-

ния... Многие, не зная плана реформы, судили о намерениях наших по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемен, устрашались вредных установлений» [22].

Спрашивается, насколько удачно было это переустройство министерской системы? Пожалуй, самая сильная сторона реформы Сперанского — внутренняя организация министерств. Отныне коллегиальное начало уничтожено и министерства организованы как строго исполнительные учреждения. Министерства «установлены на тот конец, чтобы непрерывным действием их и надзором доставить законам и учреждениям скорое и точное исполнение».

Итак, по замыслу Сперанского исполнительная власть должна была находиться между законодательной и судебной. Не издавая законов, эта власть не ограничивалась лишь применением их. Она должна была определять пути и методы претворения законов в жизнь. А отсюда — право издавать предписания и регламенты в пределах, указанных законом. От суда исполнительная власть отличается уже тем, что не карает зло, но предупреждает или пресекает его. От исполнительной власти требовалось, чтобы, не нарушая права, она приносила пользу. Ей необходимо действовать оперативно, она не должна быть связана в каждом своем действии ни стеснительными формами суда, ни частыми совещаниями собственных представителей.

Сперанский неоднократно обращал внимание на то обстоятельство, что «коллегиальные формы, медленные и осторожные, с трудом приспособляются к управлению». Он приводил в качестве доводов комические рассказы о том, как австрийские генералы проигрывали сражения вследствие беспрестанного вмешательства военных советов. Хорошо исполнить можно только собственные планы. Единоличный характер административной власти он объяснял еще и тем, что за решение, которое принято многими, в сущности, никто не отвечает. Не только юридическая, но и нравственная ответственность слабеют. Наконец, действие в интересах всего общества, а не отдельных лиц дает исполнительной власти возможность интересы личные подчинять общественным.

Между тем, отмечал М. М. Сперанский, ничего не может быть вреднее постоянного вмешательства в частную деятельность, ибо убивает в ней всякую самостоятельность, делает целое общество неспособным к свободе. А отсюда вывод: для исполнительной власти контроль необ-

ходим, как независимость для судебной. Если в суде непременное условие — неприкосновенность приговора, полная свобода убеждения судьи, то управление, напротив, подчиняется принципу строгой ответственности. Как же тогда согласовать это требование с потребностью единоличной власти, быстрой и последовательной? Сперанский рассуждал следующим образом: личный элемент не может не только быть изгнан отсюда, но даже и занять второстепенное место. Без личной инициативы хорошее управление также невозможно, как успех промышленного предприятия. Остается, следовательно, организовать контроль, чтобы он стеснял свободы и ответственности лиц.

Претворить в жизнь эти идеалы в стране с застывшими формами правления было трудной задачей. Перед Сперанским лежал двоякий путь. В зените славы он мог посягнуть на изменение всех прежних государственных установлений, но мог также воспользоваться старыми институтами, вдохнув в них новую жизнь. Как известно, он предпочел второй путь.

Таким образом завершился первый этап реформы Сперанского, которая очертила признаки власти законодательной и власти исполнительной, административной, как ее называл сам реформатор. Не переоценивая важности первого этапа задуманной реформы, можно с уверенностью сказать, что по стройности системы, четкости и строгой логической последовательности, по ясности ее первый этап не знал себе равных в Европе.

Однако работа продолжалась. И пожалуй, самым неразработанным институтом у Сперанского оказался Комитет министров. Он видел в нем орган совещательный, где должны рассматриваться дела, «требующие общего министров собрания».

20 марта 1812 г. было обнародовано «Учреждение Комитета министров» [23]. Этим документом он определялся как высший административный орган. Комитет состоял из 15 членов: 8 министров, 4 председателя департаментов Государственного совета, главнокомандующий Петербурга, начальник Главного штаба и начальник морского штаба. Председателем Комитета (он же председатель Государственного совета) был князь Н. И. Салтыков, но дела, рассматриваемые Комитетом, докладывались Александру I А. А. Аракчеевым.

На Комитет возлагалось рассмотрение дел, по которым «необходимо общее соображение и содействие» (весьма расплывчатая формула).

Создание подобного органа было не чем иным, как полным игнорированием принципа разделения властей, подчинением законодательной власти высшей администрации. Довольно часто Комитет по инициативе того или иного министра стал рассматривать законопроекты, которые потом утверждал Александр I. Вместо органа, объединяющего и направляющего деятельность министерств, Комитет министров в своей деятельности или подменял министерства, или занимался делами, не свойственными исполнительной власти. Он мог отменить решение сената и одновременно с этим рассмотреть по первой инстанции малозначительное уголовное дело. Деятельность этого мало кому понятного органа унижала авторитет Государственного совета и Сената, отнимала у министров время для занятия важными делами.

«Власть», — говорил Сперанский, — до́лжно различать от самовластия. Власть (основанная на законах) дает силу правительству, а самовластие ее разрушает, ибо самовластие, даже и тогда, когда оно поступает справедливо, имеет вид притеснения... Правильное законодательство дает более истинную силу правительству, нежели неограниченное самовластие. В Англии закон дает правительству власть, и потому оно может быть там сильно, в Турции закон дает правительству самовластие, и потому оно там всегда должно быть слабо. Известно, что в России власть правительства не ограничена, а потому истинная сила правительства в сем отношении всегда у нас весьма слаба и пребудет таковою, доколе зако́н не установит ее в истинных ее отношениях»[24].

Сперанский приходит к заключению, что «истинная сила правительства состоит: 1) в законе, 2) в образе управления, 3) в воспитании, 4) в военной силе, 5) в финансах». Из этих элементов «три первые у нас», по его словам, почти не существуют.

Сперанский еще сохранял в то время расположение императора, что позволило ему продвигать свой план преобразований вперед, но над его головой уже собирались грозные тучи.

Дворянское спокойствие было нарушено Сперанским еще двумя указами: относительно «придворных званий» и относительно экзаменов на гражданские чины. Прежде придворные звания сразу же предполагали и чины. Согласно указу, звания при дворе не давали право на чин, тем самым и отбиралось право занимать высшие государственные должности без делового подтверждения. Преж-

де чины давались за выслугу лет, теперь для получения чина коллежского асессора требовался университетский диплом. А это значит, что и высшие чины можно было получать при наличии образования. Такой подход приоткрывал возможность для продвижения по государственной службе разночинной интеллигенции. Оба указа вызвали открытое возмущение и ненависть против Сперанского. Восстала вся аристократия, так как он поднял руку на то, что считалось веками их неприкосновенным правом.

Возражая своим оппонентам, Сперанский доказывал, что положение дел таково, что латание дыр уже невозможно. Нужна кардинальная реформа. Он писал: «Все жалуются на запутанность и смешение гражданских наших законов. Но каким образом можно поправить и установить их без твердых законов государственных? К чему законы, распределяющие собственность между частными людьми, когда собственность сия ни в каком предположении не имеет твердого основания? К чему гражданские законы, когда скрижали их каждый день могут быть разбиты о первый камень самовластия? Жалуются на запутанность финансов: но как устроить финансы там, где нет общего доверия, где нет публичного установления, порядок их охраняющего? Жалуются на медленность успехов просвещения и различных частей промышленности. Но где начало их животворящее? К чему послужит народу просвещение? К тому только, чтобы яснее обозрел он всю горесть своего положения?»

Голоса тех, кто видел крайнюю необходимость предлагаемых мер, в основном исходили от средних и нижних слоев русского общества. Однако они тонули в криках власть предержащих.

«После такой неслыханной дерзости „поповича“ уж, конечно, нельзя было не признать человеком самым опасным, стремящимся к уравнению всех состояний, к демократии и оттуда к ниспровержению всех основ империи», — писал Д. Н. Сеславин[25]. Поднялся страшный вопль. За эти указы Сперанского обвинили ни более ни менее как в наглом стремлении к революции. Даже отдельные слова и выражения, содержащиеся в указах, подписанных, кстати, императором, для многих аристократов казались оскорбительными.

Однако дело было сделано.

Проект Правительствующего и Судебного сенатов

Созданный в 1722 г. Петром Великим Сенат постепенно утратил свое назначение высшего административного и судебного органа. К началу XIX столетия он превратился в громоздкий, плохо управляемый орган, не имеющий четко очерченных границ своей деятельности.

Сенат состоял из девяти департаментов. Первый — ведущий, он призван был наблюдать за точным исполнением законов, и вместе с этим на него был возложен целый ряд дел административных. Первый департамент обнародовал законы, проводил сенаторские ревизии по проверке целых губерний и учреждений. Сенат, таким образом, осуществлял общий надзор за деятельностью всех государственных органов и соблюдением законности.

Второй—восьмой департаменты были апелляционными инстанциями по уголовным и гражданским делам. Однако принятые ими решения не были окончательными, и в случае если при вынесении решений не было абсолютного большинства членов департамента (2/3 голосов), то дело передавалось на рассмотрение общего собрания Сената, а затем направлялось на утверждение императора.

Работа департаментов строилась по территориальному принципу. Так, второй департамент рассматривал поступившие апелляции из восьми северных и северо-западных губерний, третий — из Прибалтики, Украины и Белоруссии; четвертый был высшим апелляционным судом по гражданским делам девяти губерний Поволжья, Урала и Сибири; пятый департамент являлся апелляционной инстанцией по уголовным делам для 23 губерний России и т. д. Часть департаментов находилась в Москве.

Сенат рассматривал вопросы назначения чиновников на должности, определял награды, утверждал в правах дворянства, присваивал княжеские, графские и баронские титулы, объявлял призыв рекрутов, ревизовал винные откупы, утверждал расходы военного ведомства, превышающие 10 тыс. руб. Целый департамент занимался землеустройством и был высшей судебной инстанцией по делам межевым. Вот далеко не полный перечень дел, находящихся в компетенции Сената. Полнейшее смешение судебных, административных и законодательных функций.

Более того, с 1802 г. должность генерал-прокурора, возглавлявшего Сенат, была соединена с должностью министра юстиции. Высший судебный орган империи ока-

зался в подчинении одного из министров, представителя исполнительной власти. Сенат времен Сперанского был завален различными бумагами. Так, в 1805 г. в Сенат поступило 40 660 дел, из которых было рассмотрено 27 815, в 1808 г. — соответственно 47 223 и 38 618[26]. «Качество» сенатской работы находилось на низком уровне. Сенаторы перестали заниматься ревизией судебных органов. Сенат погряз в мелочах, превратился в суд первой инстанции.

В условиях, когда Сенат осуществлял и исполнительную власть, роль министерств умалялась. Личная инициатива сотрудников министерств и судов наталкивалась на предписания людей, которые не управляли и не отвечали за исполнение принятых решений. Наконец, трудно было обеспечить оперативность в решении срочных государственных дел. М. М. Сперанский отмечал, что деятельный надзор за администрацией возможен только в обществе развитом, при господстве гласности и развитого общественного мнения.

Низкий профессиональный уровень сенаторов, всего аппарата, длительность сроков рассмотрения дел, взяточничество, карьеризм, всевластие секретарей, которые «изучали» и докладывали дела, приводили лишь к хаосу.

Сперанский считал необходимым безотлагательно реформировать Сенат. Как было показано выше, трудно было понять основное назначение Сената в системе государственного управления. Сперанский предлагал отделить правительственные функции от судебных и создать два сената, назвав первый Правительствующим, а второй — Судебным. Первый, по его предложению, должен был состоять из государственных министров, их товарищей (заместителей) и должен быть единым для всей империи.

Проект реформы Сената рассматривался сначала в комитете председателей департаментов Государственного совета в 1811 г., а затем и на общем собрании Совета.

Представляя в Государственный совет проект учреждения Правительствующего и Судебного сенатов, Сперанский предпослал ему обширное введение, в котором обстоятельно доказывал, что Сенат не может быть «законодательным сословием».

«Если бы, — писал он, — в какой-либо эпохе бытия нашей империи и можно было предполагать необходимость установить особенное законодательное сословие на началах, общему доверию более свойственных, то установление сие не может быть вмещено в Сенат... Из судеб-

ного и исполнительного сословия преобразить его в сословие законодательное было бы сохранить только одно имя, превратив совершенно все существо первоначального его установления. Правда, что в других государствах Сенат в круге его действий нередко вмещал власть законодательную. Таков был Сенат в Риме, в Венеции, в Швеции, а ныне есть во Франции. Но установления сии были и есть сословия политические; с нашим Сенатом они сходствуют только именем. Если, уважив одно сие сходство, превратить Сенат в законодательное сословие, то вместе с тем должно учредить другие два совсем новые установления, из коих одно должно быть средоточием верховного суда, а другое — верховного исполнения, ибо... три сии установления ни в каком случае ни в каком государстве благоустроенном не могут быть сливаемы воедино. Но время ли помышлять ныне в России о законодательном сословии в истинном его разуме, ныне в ее трудном положении финансов, в трудных положениях политических и в совершенном недостатке всякого рода положительных законов и учреждений. Когда же время сие настанет, когда не прихотями уновления или подражания, но силою и движением обстоятельств империя наша придет в сию эпоху, тогда как все стихии установления сего будут готовы, трудно ли будет приложить им приличное имя» [27]. Так вынужден был теперь писать М. М. Сперанский.

«Введение» красноречиво доказывает, что, по мнению автора реформы, законодательным, высшим политическим учреждением должна быть государственная дума, а не Сенат. Реформой Сената Сперанский хотел подготовить, очистить путь для Думы. Нецелесообразность существования двух исполнительных органов отчетливо проявилась после утверждения уставов и наказов министерских. Этими актами были определены, как говорилось выше, степень и пределы власти министров. Превышение их власти в области законодательной должно рассматриваться в Государственном совете, а исполнительной — в Правительствующем сенате.

В компетенцию последнего, как предполагалось, должны входить три категории дел:

1) не подлежащие ни одному из министров (обнародование законов);

2) дела, в соответствии с законодательством принадлежащие только Сенату (заключение договоров и размещение подрядов на «важные» суммы, назначение на ответственные должности);

3) дела, которые должны докладываться императору.

Определяя компетенцию Правительствующего сената, М. М. Сперанский одновременно выразил и свое отношение к частной собственности. «Во всех министерствах, — писал он, — особливо же в тех, коих предметом есть государственное хозяйство и общая промышленность, должно наблюдать, чтоб мерами излишнего надзора и многосложностью правил не стеснить частной предприимчивости. Истинные способы сего управления должны стоять более в отвращении препятствий, нежели в точном и понудительном предписании путей, коими должна шествовать промышленность. Здесь скорее найти и указать их может частная польза, нежели закон».

Не менее ясно разъяснялись взаимоотношения центральной власти и подчиненных ей учреждений. Положение Петра Великого о праве коллегий заявлять свое мнение Сенату было распространено на министерства. Подчиненные министру органы были наделены правом ослушаться в том случае, если его распоряжения противоречат закону, и обязаны были сделать представление министру. «Если оно не будет уважено, то подчиненное место может обратиться в Сенат, который и должен окончательно решить вопрос». Таким образом, подчиненные органы не были связаны безусловным исполнением.

Итак, на Сенат возлагался, с одной стороны, надзор за центральной властью, с другой — непосредственное управление, т. е. два рода деятельности, взаимно исключающие друг друга. Правила об ответственности министров, «строго и точно определенные» в «Наказе», остались на бумаге. По смыслу проекта министр подвергался взысканию не только за важную государственную вину, но и за дурное управление. Он мог быть отдан под суд, отстранен от должности и передан Верховному уголовному суду. Однако не было органа, который постоянно контролировал его действия. Государственный совет имел право назначить из своей среды следственную комиссию по жалобам на министра, но последний сам был членом Государственного совета. И Сенат вскоре возвратился к прежней роли: административная власть ушла от него сама по себе. Отсутствие должного контроля отразилось впоследствии на всей исполнительной власти. Все дела начали стекаться в министерства. Комитет министров, задуманный как совещательный орган, стал присутственным местом, где дела всякого рода, и малые и большие, судебные и правительственные, решались голосованием. Между тем, за-

ключал М. М. Сперанский, «ни состав сего места, ни порядок, ни власть его, ни пределы, ни отношения его к другим установлениям не определены никаким гласным учреждением» [28].

Из многочисленных писем, записок и заметок Сперанского можно заключить, что он сам чувствовал недостатки нового управления, которое, возвратясь из ссылки, назвал «полуустройством». Он это объяснял отсутствием должной самостоятельности всех учреждений государственного управления.

Что же касается Судебного сената, то он, по мнению Сперанского, должен являться высшей судебной инстанцией и формироваться из сенаторов, назначенных от короны и избранных дворян, причем тех и других должно быть поровну. «Только сим способом можно доставить Сенату ту степень свободы, независимости и уважения, которые должны принадлежать высшему в империи судебному сословию», — писал Сперанский [29]. Предлагалось, что решения должны быть окончательными и обжалованию не подлежат. Он указывал, что на момент реформы судоустройство России состояло из семи инстанций и, несмотря на это, повсюду раздавались жалобы на «неправосудие».

М. М. Сперанский доказывал, что обновленный в своем составе Судебный сенат, поставленный столь высоко, сделался бы учреждением совершенно независимым от административной власти и в то же время верховная власть была бы освобождена от мелких дел. А пока дело обстояло таким образом: из департамента Сената, в котором заседают до семи сенаторов, дело передавалось на общее собрание, где присутствуют до 50 сенаторов. В случае подачи жалобы на решение Сената дело рассматривалось одним ракетмейстером (чиновником) и решение передавалось на утверждение государю. Выходит, что один оказался умнее 50!

Независимое положение Сената, его широкие права по пересмотру судебных решений, ревизии и управлению судебными местами империи могли, по мнению Сперанского, «обеспечить населению законность, в которой оно столь сильно нуждалось». Предполагалось Судебный сенат приблизить к населению и разместить по четырем округам: в Петербурге, Москве, Казани и Киеве. Каждое сенатское присутствие должно было состоять из четырех департаментов по рассмотрению казенных дел, по частным делам, уголовным и межевым (временно).

Проект учреждения обоих сенатов был рассмотрен специально образованным комитетом в составе графа Завадовского, князя Лопухина и графа Кочубея, а после этого отпечатан и разослан всем членам Государственного совета. В июне 1811 г. он был внесен для обсуждения на общее собрание Совета. Если раньше все предложения Сперанского проходили почти без обсуждения, то в данном случае развернулись горячие прения.

Члены Совета в большинстве своем возражали против реформы Сената. Возражения сводились к следующему: изменение учреждения, веками существовавшего, «произведет печальное впечатление на умы», разделение Сената умалит его важность, повлечет большие издержки и создаст «большие трудности в приискании способных людей как в должности канцелярские, так и в сами сенаторы».

Некоторые члены Государственного совета сочли, что выбор части сенаторов противоречит принципу самодержавия и «скорее обратится во вред, нежели в пользу». Другие рьяно выступали против того, чтобы Судебный сенат был высшей судебной инстанцией и его решение было окончательным, считая, что этот акт будет умалять самодержавную власть. Крайне правым показалось непозволительным в проекте выражение «державная власть», потому как они знают лишь в России власть самодержавную (или императорскую).

Наиболее существенные замечания принадлежали графу А. Н. Салтыкову и князю А. Н. Голицыну. Они находили проект прежде всего не «ко времени», считали несвоевременным вводить в жизнь новое установление во время войны, финансового расстройства при всеобщем недостатке в образованных людях.

Сперанским составлен был свод высказанных замечаний. К нему он приложил записку, в которой горячо защищал свой проект, уступая оппонентам в мелочах.

В пермской ссылке Сперанский так объяснял причины посыпавшихся возражений: «Возражения сии большею частию происходили от того, что элементы правительства нашего недовольно еще образованы и разум людей, его составляющих, недовольно еще поражен несообразностями настоящего вещей порядка, чтобы признать благотворные перемены необходимыми. И следовательно, нужно было еще время... чтоб, наконец, их ощутили и тогда они сами бы пожелали их совершения».

Несмотря на все возражения, проект реформы Сената большинством голосов был одобрен, и Александр I утвер-

дил решение Государственного совета. Значительную роль в положительном решении вопроса сыграло расположение царя к Сперанскому. В конечном счете никто не желал попасть в немилость императору.

К сожалению, утвержденному проекту переустройства Сената не суждено было быть претворенным в жизнь. На международном горизонте уже собирались грозные тучи, пахло войной. Кроме того, у казны не оказалось средств на приведение реформы в действие. Государь решил не начинать преобразование Сената до более благоприятных времен. «Дай бог, — писал Сперанский, — чтобы время сие настало! Проект может быть переменен, исправлен или совсем переделан людьми, более меня сведующими, но я твердо уверен, что без устройства Сената, сообразного устройству министерств, без сосредоточения и твердой связи дел министерства всегда будут наносить более вреда и заботы, нежели пользы и достоинства».

Сперанский признал, что мнения членов Государственного совета сводятся к положению «хорошо, да не время». Он не скрывает, что время в данном случае было только предлогом. Противники, не имея веских аргументов против предложенного проекта, говорили только о несвоевременности. За представленный проект высказались трое министров (Козодавлев, Кампенгаузен и Барклай-де-Толли). Иначе, рассуждал Сперанский, и быть не могло, так как проект лишает министров права докладывать лично государю и по докладам этим объявлять высочайшие указы, снимая тем самым с себя всю ответственность; равным образом устройство Судебного сената встретил в штыки весь наличный состав Сената.

Реформа Сперанского подняла против него все консервативные силы. Записка Николая Михайловича Карамзина «О старой и новой России» была передана им Александру I в Твери. Его записка — сконцентрированное выражение консервативной оппозиции. Видимо, ближайшее окружение Александра I торпедировало реформу «дерзкого поповича». Н. М. Карамзин призывал царя отказаться от нововведений и вернуться к старым государственным институтам. Он воздавал почести правлению Екатерины II: «С сенатом, с коллегиями, с генерал-прокурором у нас шли дела и прошло блестяще царствование Екатерины II.... Если история справедливо осуждает Петра I за излишнюю страсть его к подражанию иностранным державам, то упрек этот в наше время еще страшнее» [30]. Так оценил Н. М. Карамзин реформу Спе-

ранского. В беседе с Александром I Карамзин пытался доказать, что самодержец не нуждается в одобрении своих законов. Историограф осмеял форму, которой начинались манифесты: «Вняв мнению Совета», как не имеющую смысла для российского гражданина. Правда, отмечал Карамзин, раньше писали: «Государь указал, бояре приговорили», но эта фраза была на Руси панихидой по усопшей боярской аристократии. «Воскресим ли форму, когда и вещь и форма давно истребились?» — восклицал Карамзин.

Да, в записке «О старой и новой России» ее автор не увидел ничего прогрессивного в предлагаемой реформе. Однако, как человек большого ума, он не мог жить одними лишь воспоминаниями о золотой старине, не мог не видеть беспорядков, которые творились в сфере административного управления империей. Не мог этот выдающийся историк не оценить по достоинству те времена в истории России, когда коренные преобразования подняли ее на более высокую ступень государственного могущества. Не эти ли преобразования в государственном устройстве способствовали победам над татарами, поляками, шведами? Ведь даже церковная реформа имела более реформаторский дух, чем учреждение, а точнее, совершенствование Государственного совета, создание восьми министерств. Она расходилась существенно с прежним порядком вещей и была одной из крупнейших государственных мер. Защищая прежние коллегии, Карамзин прошел мимо очевидного факта, что они во все вмешивались, ничего не решали и затрудняли выполнение правительственных распоряжений. Ясно, что петровские коллегии были прогрессивным институтом для своего времени, но в годы Сперанского их деятельность не соответствовала ни социально-экономическому развитию России, ни состоянию дел внешнеполитических. Да, не самую лучшую услугу оказал Карамзин делу совершенствования государственного устройства. Автор записки одним из первых заронил у Александра I сомнение в целесообразности преобразований.

Здесь уместно привести высказывание самого Сперанского. «Время и гражданское состояние гражданского образования были главным действующим началом. Тщетно власть державная силилась удержать его напряжение, сопротивление ее воспаляло только страсти, произвело волнение, но не остановило перелома. Сколько бедствий, сколько крови можно было бы сберечь, если бы правители держав, точнее наблюдая движение общественного духа,

сообразовались ему в началах политических систем и не народ приспособляли бы к правлению, но правление к состоянию народа. Какое, впрочем, противоречие: желать наук, коммерции и промышленности и не допускали самых естественных их последствий; желать, чтобы разум был свободен, а воля — в цепях; чтобы страсти двигались и переменялись, а предметы их, желания свободы оставались бы в одном положении, чтобы народ обогащался и не пользовался бы лучшими плодами своего обогащения — свободою! Нет в истории примера, чтобы народ просвещенный и коммерческий мог долго в рабстве оставаться. Петр Великий во внешних формах правления ничего решительного не установил в пользу политической свободы; но он отверз ей двери тем самым, что открыл вход наукам и торговле. Начала, положенные Петром, быстро усиливались. Уже при Анне Иоанновне была сделана попытка к ограничению ее власти, но это было еще слишком рано. Век Елизаветы тщетно протек для славы государства и для политической его свободы. Между тем, однако же, свободы в промышленности и торговле возрастали беспрестанно. Но и попытки Екатерины II с созывом Большой Комиссии законов оказались еще преждевременны, а позднее взгляды и намерения Екатерины II изменились. Теперь, в конце XVIII века, время созрело для реформ» [31].

Русский реформатор последовательно проводил мысль, что законодательным, политическим учреждением должна быть в России Дума, а не Сенат. Реформой Сената Сперанский подготавливает, очищает путь для Думы. Судебный сенат, сформированный наполовину из выбранных членов, по мнению противников реформатора, послужил бы мостом, который должен был соединить самодержавную Россию с Россией конституционной. Противники Сперанского догадались об этом раньше, чем он предполагал и хотел. Независимое положение суда в России равнялось в их глазах введению представительного образа правления.

Сам Сперанский продолжал еще бороться за свою основную идею и старался противодействовать враждебным ей влияниям на Александра I в придворных кругах. В записке «О силе правительства», представленной императору 3 декабря 1811 г., мы читаем: «Люди, воспитанные в дворянских уважениях, думают, что сила сия состоит в великолепных дворах, в пышности государственных титулов, в таинственном слове самодержавия». Сперанский же указывал другой источник силы правительства.

Финансовые преобразования

Бесконечные войны, неумелое управление и хозяйствование, континентальная блокада со стороны Англии привели финансы России к бедственному состоянию. Государственный долг рос год от года. Бюджет на 1810 г. раскрыл тяжелейшее положение: 125 млн дохода, 230 млн расхода, 577 млн долга и ни малейшего резерва и дополнительного дохода. Источник для покрытия дефицита правительство Александра I видело в выпуске все новых и новых ассигнаций. Министерство финансов находилось в руках людей малограмотных, совершенно неспособных поправить положение. Они не понимали той очевидной истины, что ассигнация есть долговой знак государства. Император с трудом мог назначить Гурьева министром финансов, так как все другие отказывались от этого поста.

В ноябре 1809 г. Александр призвал Сперанского к решению финансовых проблем. Он повелел ему «составить определенный и твердый план финансов».

Ум и удивительная работоспособность Сперанского проявились здесь с новой силой. Через два месяца на стол царя лег обстоятельный доклад в 238 страниц. В основе всех предложений реформатора была мысль, что «всякий финансовый план, предлагающий способы легкие и не полагающий ограничение в расходах, есть явный обман, влекущий государство в погибель». В работе Сперанский опирался на идеи Адама Смита. Ему помогали видные государственные деятели — М. А. Балугьянский и Н. С. Мордвинов, которые высоко ценили Сперанского и оставались ему верными друзьями и в самые мрачные для него времена. Сперанский впоследствии с гордостью написал Александру I: «План финансов и все операции, на нем основанные, всегда выдержат с честью самое строгое исследование всех истинных государственных людей не только у нас, но и во всех просвещенных государствах. Не словами, но математическим счетом можно доказать, что если бы в свое время он не был принят, то не только вести настоящую войну, но и встретить ее было бы не с чем. И тот же план, в обширных его применениях, может еще доставить важные пособия в тех затруднениях, кои обыкновенно открываются после войны» [32].

1 января 1810 г. император лично внес разработанный М. М. Сперанским план в Государственный совет, а 2 февраля он был утвержден и обнародован в форме высочайшего манифеста, опять же написанного Сперанским.

С тем чтобы вывести Россию из катастрофического положения, план требовал «сильных мер и важных пожертвований». Эти сильные меры сводились: 1) к изъятию из обращения ассигнаций и образованию капитала для их погашения; 2) сокращению расходов всех государственных ведомств; 3) установлению жесткого контроля над государственными расходами; 4) устройству монетной системы; 5) развитию торговли как внутренней, так и внешней и, наконец, 6) установлению новых налогов.

Прежде всего Сперанскому удалось претворить в жизнь ту часть проекта, которая предполагала сокращение расходов. Расходная часть бюджета 1810 г. была сокращена на 20 млн руб. Доходы, поступавшие во все ведомства, объявлялись принадлежавшими государственному казначейству, и эти суммы могли расходоваться только с разрешения министра финансов с последующим утверждением Государственным советом.

Особый капитал погашения, необходимый для покрытия ассигнаций, которые объявлялись государственным долгом, создавался за счет распродажи государственного имущества в частную собственность (казенные леса, арендные имения и др.). Купцам первой гильдии и иностранным капиталистам разрешалось покупать казенные имения с крестьянами и владеть ими на основе крепостного права. Вводилась пошлина на винокурение, была проведена новая перепись, выявившая четкое число налогоплательщиков. Комиссия погашения долгов принимала вклады не менее 1000 руб. серебром от лиц всех состояний и выдавала последним облигации, по которым выплачивалось ежегодно 6 %. С тем чтобы комиссия вызывала доверие лиц всех сословий, в ее состав были включены как дворяне, так и купцы.

Кроме того, государство расширило прямые займы у населения, повысив процентную ставку по облигациям государственных займов. В кредите М. М. Сперанский увидел мощнейшую двигательную силу экономики, в кредите, основанном на коммерческих началах и, разумеется, возвратном. Предприятиям разрешалось предоставлять друг другу свои свободные средства в кредит.

Важной мерой по стабилизации финансового состояния явилось установление налогов с дворянских имений, ранее освобожденных от податей. Дворяне впоследствии не простят Сперанскому этого акта.

Наконец, Сперанский занялся положением разменной монеты. За главную монетную единицу был принят сереб-

ряный рубль. Принимались меры для увеличения количества мелкой серебряной монеты, которой реформатор предлагал заменить медную. Таким образом, он пытался восстановить доверие к ассигнациям, облегчив их размен на монету.

Старания великого реформатора не замедлили сказаться. Уже в 1811 г. дефицит государственного бюджета сократился до 6 млн. руб. (в 1809 г. он равнялся 105 млн руб.), доходы возросли до 300 млн руб. Они были бы значительно выше, если бы государственные органы организовали должным образом составление описей имущества, предназначаемого для распродажи. Не удалось и предполагаемое сокращение расходов, так как полным ходом шли приготовления к войне с Наполеоном. Даже эти, казалось бы, необходимые и оправданные расходы позже ставились Сперанскому в упрек. Поток жалоб вызвало увеличение налогов, которые не желали брать на себя все предшествующие финансисты. По замечанию самого Сперанского, «каждый член правительства в течение двадцати лет хотел сложить с себя бремя сей укоризны, надлежало, однако ж, чтобы кто-нибудь ее нес».

Все эти меры сопровождались разработкой Сперанским таможенного тарифа и торгового уложения. В основу этих исключительно нужных нормативных актов была положена идея «поощрения сколь можно произведений внутреннего труда в промышленности», сокращения потока иностранных товаров и облегчения их вывоза из России. Эти тарифные установления помогли выстоять промышленности России в тяжелые годы континентальной блокады.

Тариф Сперанского сыграл очень важную роль в борьбе с торговой экспансией Франции, когда впервые в истории России целый ряд французских товаров был обложен солидной пошлиной. Негодование Наполеона вызвала еще одна мера, предложенная Сперанским. А английским судам под нейтральным американским флагом разрешалось ошвартовываться в русских портах. Казалось бы, эта мера, как и другие, открыто направленные против Наполеона и французской буржуазии, должны были снять все обвинения со Сперанского в франкофильстве. Однако сплетни, наглая ложь его врагов оказались сильнее, чем дела реформатора.

Значительно позже Сперанский подготовил обстоятельную записку «О монетном обращении». В ней дается критический анализ финансовой политики самодержавия, определяются меры ее оздоровления. Среди них: 1) уста-

новление банковских билетов; 2) определение общего курса и прием по этому курсу кредитных билетов вместо ассигнаций во всех банках без исключения; 3) перевод ассигнаций в банковские билеты. «Последствием первой меры, — писал М. М. Сперанский, — будет приостановить дальнейшее возвышение ассигнаций. Последствием второй будет привести курсы их в один общий и тем самым прекратить простонародные лажи. Наконец, последствия третьей меры есть коренное исправление всего монетного нашего движения» [33].

Не вдаваясь в подробный анализ финансового плана Сперанского, заметим, что им впервые в отечественной истории внесены начала отчетности и проверки финансового состояния страны. Именно здесь, как ни в какой другой области управления, нужен был порядок и непременные точность и четкость. Впервые бюджет России, составленный реформатором, обсуждался не одним или двумя лицами, а Государственным советом, министерством финансов. В какой-то мере устанавливался контроль за бюджетом, устранялся произвол в финансовых делах.

Наконец, в расходах обозначился определенный порядок. Сам Сперанский так говорил о принятых им мерах: «Вместо того, что прежде каждый министр мог почерпать свободно из так называемых экстраординарных сумм, в новом порядке надлежало все вносить в годовую смету, потом каждый почти рубль подвергать учету в двух инстанциях Совета, часто терпеть отказы и всегда почти уменьшения и в конце всего ожидать еще ревизии контролера» [34]. И все это делалось, несмотря на недовольство новыми налогами, вводимым контролем и отчетностью, несмотря на мрачные предсказания со всех сторон.

Дворянское правительство вынуждено было идти на частичные уступки, чтобы спасти феодальную систему. Право собственности на землю переставало быть монополией дворянства, создавался институт вольных хлебопашцев; расширялись экономические права крепостных и феодально зависимых крестьян; крестьяне Прибалтики получали личное освобождение. Проекты отмены крепостного права не только исходили от представителей дворянства, но и составлялись прямо по предписанию власти. Разрабатывались официальные проекты ограничения самодержавия.

В недрах самодержавной империи вырастали конституционные образования в виде Польского королевства и Финляндского княжества.

Александр I одобрил государственный план Сперанского (1809 г.). Однако эти уступки мало что меняли в дворянской основе государственной власти, которая сочетала реформаторскую поступь с политикой жесточайших репрессий.

Широкое распространение в среде дворянского общества получали освободительные идеи, выраженные в сочинениях А. Н. Радищева, конституции Ф. В. Кречетова, отражались они и в либеральных течениях, предшествовавших войне 1812 г. Наконец, восстание декабристов и его роль на последующее развитие России. Таковы проявления новой общественной мысли, противостоявшие феодально-крепостнической идеологии. Рост национального самосознания питал художественную литературу, которая в произведениях А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова наиболее ярко отражала передовую идеологию эпохи.

Для нас весьма важны свидетельства о встречах А. С. Пушкина и М. М. Сперанского. Так, в дневнике Александра Сергеевича встречаем не раз упоминания о Сперанском. Вот одна запись, сделанная в начале 1834 г.: «Встретил Новый год у Нат[альи] Кир[илловны] Загр[яжской]. — Разговор со Сперанским о Пугачеве, о Собрании законов, о первом времени царств[ования] Алекс[андра], о Ермолове» [35]. Видимо, поэт и государственный деятель затронули в беседе кардинальные проблемы России того времени, оба были полны либеральных вожделений и разных загадок.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Ссылка

Нижний Новгород. Пермь

Эпоха Александра I и впрямь была переменчива. Современники замечали, будто четверть века правило Россией два царя. А. С. Пушкин также отмечал «дней Александровых прекрасное начало» и вместе с тем давал уничтожающую характеристику императору как человеку, «нечаянно пригретому» славой, «плешивому щеголю, врагу труда».

Выше уже говорилось о том, что, пока Александр I не создал Священного союза государей и не обеспечил себе реакционной гегемонии в Европе, его борьба с революционной опасностью протекала под флагом идеи «народного представительства и установления законности», против чего так настойчиво боролись Екатерина II и другие носители «просвещенного абсолютизма». Либеральные идеи царя Сперанский стремился быстрее облечь в политические формы, которые, к сожалению, частично в урезанном и уродливом виде были претворены в жизнь. Представив в 1809 г. свой план и получив его одобрение, Сперанский писал: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не восполнению страстей и крайности обстоятельств, но благодельному вдохновению верховной власти, которая, устроив политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы».

Как бы в противовес французскому влиянию, которым была насыщена общественная атмосфера в первые годы XIX в., в Петербурге начали громко раздаваться голоса людей, призывавших к борьбе с иноземными заимствованиями во имя патриотизма и русской национальности. Среди них был бывший любимец Павла I, а теперь фрондирующий вельможа граф Ростопчин и состоявший в зените своей литературной славы Н. М. Карамзин. Около этих крупных имен было много людей мелких, незначи-

тельных, которые тем не менее способствовали более широкому распространению общественного недовольства. В то время как в Москве в своем полудобровольном изгнании Ростопчин метал молнии против Сперанского и его реформ, в Петербурге незаурядный консерватизм проявлял Державин. Все окружающие императора Александра были, по его словам, «набиты конституционным французским и польским духом». Молодых советников Александра I он называл «людьми, ни государева, ни дел гражданских основательно не знающими», а реформы Сперанского были, по его мнению, «несообразны с настоящим делом». Отстаивая реакционную позицию в крестьянском вопросе, певец Фелицы еще в 1801 г. говорил, что «дарованная воля будет хуже рабства»[1].

Граф
РОСТОПЧИН

В каждом вольнодумце или человеке либерального образа мыслей начинали видеть «настоящего агента и союзника революции».

Идея самодержавия, которой был предан класс дворян, одержала верх. А этим предрешалась и участь ее творца. Ненужными царю и власть предержащим оказались наиболее патриотически настроенные лица, и первым среди них — Сперанский. Враги реформы в стране стремились нанести удар государственному секретарю и его делу без промедления. В условиях надвигающейся агрессии Наполеона его обвинили в преклонении перед всем французским.

Галерею участников печальной драмы составили непосредственные организаторы и исполнители падения Сперанского. К их числу принадлежал министр полиции Балашов, завистник, взяточник, карьерист и лжец. Ум и трудолюбие Сперанского не давали ему покоя. Здесь и французские эмигранты-роялисты, бежавшие из Франции после революции 1789 г., ненавистники Наполеона, которым якобы очарован был первый сановник. Здесь и не-

мецкий «законник» Розенкампф, имевший счеты со Сперанским по составлению законопроектов, которые реформатор подверг резкой критике. Среди недругов Сперанского выделяются де-Санглем, агент тайной полиции, доносивший на реформатора самому самодержцу. Во главе этой кампании стоял Александр I, подозрительный, самолюбивый и нетерпимый к любым замечаниям в свой адрес. Придворные сплетни и доносы, которых он не чурался, поступали со всех сторон, задевали самого Александра I, окруженного лестью и поклонением. На этой почве легко было верить тому, чему хочется верить. Сперанский поднял против себя целые полки придворной аристократии, так как начатая им реформа каждый день сметала какую-нибудь привилегию. При новом порядке становилось тесно полуграмотным дельцам XVIII в. и фаворитам гатчинского лагеря. Особенно яростно негодовали министры, каждый из которых, по выражению Сперанского, «считал свое министерство за пожалованную деревню». Страсти породили всевозможные слухи. Сперанского обвиняли и в желании укрепить правительство за счет самодержавной власти, и в ненависти к дворянству, и в пристрастии к поповичам и мелким людям. Его обвиняли и в предательстве, и, разумеется, в сношениях с Францией, с которой начиналась война.

В письме графа Ростопчина императору Сперанский выставлялся главой заговора, действующего в интересах Наполеона и желающего лишить Россию средств обороны в предстоящей войне. Клевета, подложные письма, подозрительность и коварство Александра I сделали свое дело.

17 марта 1812 г., в воскресенье, Сперанский за обедом получил через фельдъегеря приказание явиться к государю к 8 часам вечера. Государственный секретарь спокойно отправился в Зимний дворец. Аудиенция продолжалась целых два часа. Наконец дверь отворилась, и Сперанский вышел бледный и взволнованный. А дома его уже ожидал министр полиции. Кабинет его был опечатан. Этой же ночью в сопровождении частного пристава Шипулинского полицейская карета умчала его в ссылку. Ее местом был определен Нижний Новгород. Его приятель М. Л. Магницкий также был арестован ночью и сослан. Во время аудиенции, как потом писал великий реформатор, самодержец предъявил ему целый ряд обвинений.

В бумагах академика И. А. Бычкова сохранилась запись рассказа о последнем свидании Сперанского с Александром (со слов Ф. П. Лубяновского). «В самых раздра-

г. НИЖНИЙ НОВГОРОД

женных выражениях, в тоне грозного судьи перед обличенным преступником, с такими подробностями, которые едва ли мог уловить стенограф... Александр стал обвинять его главнейше в том, 1) что, стоя у кормила правления, он при всех случаях худо о нем отзывается и даже в секретарской комнате не раз громко говорил о предстоящем будто бы падении империи; 2) что он стремился расстроить ее финансовыми своими мерами и посредством усиленных налогов возбудить ненависть против правительства; 3) что он жертвует благом государства из привязанности своей к французской системе; 4) что, не довольствуясь общим преобразованием всего государственного строя, в которое вовлекал государя своими софизмами, он замышлял уничтожить даже и последнее звено, соединявшее Россию александровскую с петровской, — через ломку Сената; 5) что, несмотря на вверенный ему обширный круг дел, он старался еще более его расширить и покушался проникнуть в дипломатические тайны; 6) что он готов был по своим корыстным соображениям сблизиться с прежними своими врагами Армфельдом и Балашовым» [2].

Про измену не было сказано ни слова. Уж слишком открыта и чиста была в этом отношении жизнь Сперанского, чтобы, глядя в глаза, выдвинуть такое обвинение. Однако, когда дочь Сперанского спустя некоторое время ехала к отцу в Нижний, то на каждой станции в окна кареты заглядывали толпы любопытных и раздавались возгласы: «Изменник!»

Александр I, постоянно говоривший и писавший, что закон стоит выше его власти, как оказалось, мог без расследования и суда отправить в ссылку выдающегося государственного деятеля и человека, которого он так близко знал. Свет же праздновал опалу Сперанского, как первую победу над французами.

15 сентября 1812 г. Сперанский по высочайшему повелению был увезен с фельдъегерем из Нижнего Новгорода в Пермь. Причиной послужило донесение нижегородского вице-губернатора Крюкова министру полиции Балашову от 22 августа 1812 г. о разговоре Сперанского с архиереем Моисеем. Вот текст этого доноса: «После обедни был тут (у архиерея) и тайный советник Сперанский, обедать, однако ж, не оставался, но между закускою, занимаясь он с преосвященным обоюдными разговорами, кои доведя до нынешних военных действий, говорил о Наполеоне и об успехах его предприятий; к чему г. Спе-

ранский дополнил, что в прошедшие кампании в немецких областях, при завоевании их, он, Наполеон, щадил духовенство, оказывал ему уважение и храмов не допускал до разорения, но еще, для сбережения их, приставлял караул, что слышали бывшие там чиновники, от которых о том на сих днях узнал» [3].

И снова полицейский чиновник, ямщицкая тройка и полторы тысячи верст осеннего распутья. Суровый климат, почти тюремная жизнь без копейки денег, без книг, без дела, беспричинность наказания и — что еще ужаснее — его неопределенный срок. Сперанский вынужден был даже заложить ордена. По прибытии в Пермь он не знал условия ссылки: лишен ли он прав, чинов и званий.

Губернатором в то время был Богдан Андреевич Гермес, который управлением губерний не занимался. Все было отдано на откуп чиновникам и его жене Анне Ивановне. Пока чиновники ломали голову, как содержать первого в их городе политического узника, Сперанский нанес в первые дни несколько визитов к известным по прежним связям лицам. Однако ответных визитов не дождался. Не побоялся никого один только игумен Иннокентий (в миру Я. М. Коровин), преподававший в пермской духовной семинарии. Сам бывал у Сперанского и к себе приглашал. Он и стал близким другом изгнанника из Петербурга. Его лекциями заслушивались местные семинаристы. Чуть позже дружеские чувства к реформатору выразили купец Смышляев и Попов, хозяин дома, в котором жил Сперанский. Смышляев ссудил ему 5 тыс. руб. без залога и процентов. Основываясь на присланном предписании «иметь Сперанского под строгим присмотром», губернаторша распорядилась приставить к квартире Сперанского двух будочников, а городничему Грену и двум приставам приказала во всякое время дня и ночи являться к опальному и докладывать после каждого посещения губернатору о всем увиденном и услышанном. Сперанский был потрясен таким обхождением. Мало того, наступил черед прямых оскорблений. Каждое его появление на улицах сопровождалось криками «Изменник, изменник!». За эти возгласы дети получали от губернаторши лакомства.

Отставной статс-секретарь написал царю письмо, полное отчаяния: «Прибыв в Пермь, я силился, по возможности, привыкать к ужасам сего пребывания. Между тем здешнее начальство признало за благо окружать меня не неприметным надзором, коего, вероятно, от него требовали, но самым явным полицейским досмотром, мало разли-

ным от содержания под караулом. Приставы и квартальные каждый почти час посещают дом, где я живу, и желали бы, я думаю, слышать мое дыхание, не зная более, что доносить. Если бы я был один, я перенес бы и сии грубые досмотры, но среди семейства быть почти под караулом — невыносимо...» [4]

Письмо это тайно привезла из Перми в Петербург и переправила в Зимний дворец дочь Сперанского Елизавета Михайловна. Пермский губернатор получил вскоре указание министра полиции Балашова, в котором говорилось: «Разуметь сосланного государственного секретаря как тайного советника». Указание министра как гром поразило всех. Приставленные к Сперанскому будочники и городничий исчезли. В первый же праздничный день губернатор со свитой из чиновников в полной парадной форме отправился на поклон к Сперанскому. «На поздравление наше, — вспоминал один из участвовавших в церемонии, — тайный советник, едва приподнявшись со стула, ответил легким наклонением головы. Тут только поняли мы наши грехи против него! Чувство стыда смешалось в нас с чувством страха. Визит был непродолжительным. Впоследствии Михаил Михайлович никому не высказывал своего неудовольствия, напротив, весьма любезно принимал участие в общественных собраниях» [5].

Носились слухи, что Сперанский вернется ко двору. Губернские власти побаивались за свои прегрешения. С тем чтобы как-то загладить вину, они организовали пышные проводы. 19 сентября 1814 г. собралось все дворянство губернии пожелать Михаилу Михайловичу благоприятного пути. У Казанской заставы Перми Сперанский поблагодарил всех за оказанную честь, затем, взяв под руку Иннокентия, сказал: «Прощайте, добрейший отец! Если я буду со временем счастлив — и вы будете счастливы» [6]. Известно, что соликамский игумен не без помощи Сперанского получил впоследствии сан архимандрита и должность ректора Псковской семинарии. Его ректорство совпало по времени с пребыванием ссыльного Пушкина в Михайловском. Через несколько лет Иннокентий стал викарием в Москве, а затем архиепископом на Волыни.

В 1814 г., еще живя в Перми и когда нескольких врагов Сперанского уже не было в живых, он обратился к царю с просьбой разрешить ему переехать в Великополье, свою маленькую новгородскую деревню. Просьба Сперанского была удовлетворена. Здесь он понял, что прежнего не вернуть, и стал искать контактов с людьми, с которы-

ВИД г. ПЕРМИ

ми в пору своего величия не имел ничего общего. Сперанский вынужден был обратиться к Аракчееву. Между прежним и новым любимцами Александра завязалась переписка. В своих письмах в Петербург бывший государственный секретарь в числе прочего требует предъявления ему официального обвинения и гласного суда.

За день до отъезда из Перми в Великополье Сперанский написал последнее письмо Александру I, где он еще раз изложил свои политические взгляды и опроверг все обвинения, на него возведенные. В письме Сперанский решительно защищает основные свои преобразования: Государственный совет — вся его деятельность последние годы подтвердила правильность преобразования; министерства устроены так, что ни одно государство в Европе не может похвастаться учреждением столь определенным и твердым; Сенат — необходимо должен быть переустроен по его предложениям. Он не смог сделать столько, сколько хотел, но в два года сделал больше, чем за все время после реформ Петра Великого; финансовая система его спасла государство от банкротства. Он напомнил самодержцу, что связан был не своей тайной, а тайной государя. Эта тайна — конституция. В заключение письма ссыльный просил от Александра I «одной только милости — свободы и забвения».

Два года предстояло прожить Сперанскому в Великополье, в той же ссылке, только гораздо более приличной. За ним тщательно продолжали наблюдать.

Обстановка в Петербурге к тому времени изменилась: главные враги Сперанского (Розенкампф, Балашов, Ростопчин) сошли со сцены. Правлением Комитета министров (против существования которого всегда выступал Сперанский) царь оставался недоволен. Раскрывшиеся после окончания войны злоупотребления были огромных размеров. Статс-секретарь Молчанов отдан был под суд. Таким образом, преемники Сперанского наглядно доказали никчемность своей системы и, вопреки своей воле, жизнеспособность реформаторских предложений Сперанского. Он снова просится на службу, но предложения из Петербурга не последовало. Тогда он попытался обратиться к посредничеству всесильного Аракчеева. В письмах Сперанский указывал, как могло бы совершиться его возвращение на службу: или после суда, или «образом самым простым», предоставив ему возможность оправдать себя делами. Он даже заготовил и отправил проект указа: «ныне, по подробному рассмотрению, находя

донесения недоказанными, Его Величество соизволяет его употребить паки на службу». Однако совсем другой указ получил опальный реформатор 30 августа 1816 г. Он назначался пензенским гражданским губернатором, ему было приказано отправиться прямо в назначенную губернию без появления в столице. Пост гражданского губернатора был один из труднейших. Без преувеличения можно заявить, что немногие счастливцы уходили с подобных мест без суда, без бесконечных тяжб и с чистой репутацией.

Статс-секретарь Марченко сообщал, что подлинник указа о назначении Сперанского губернатором в Пензу, собственноручно написанный царем, Аракчеев спрятал у себя. Указ гласил: «Перед начатием войны в 1812 году, при самом отправлении моем в армию, доведены были до сведения моего обстоятельства, важность коих принудила меня удалить от службы тайного советника Сперанского и действительного статского советника Магницкого, к чему во всякое другое время не приступил бы я без точного исследования, которое в тогдашних обстоятельствах делалось невозможным. По возвращении моем приступил я к внимательному и строгому рассмотрению поступков их и не нашел убедительных причин к подозрению». Так писал Александр I. Аракчеев вносит в указ о назначении нелепую и оскорбительную фразу: «потому желая придать им (назначением. — *С. Ч.*) способ усердною службою очистить себя в полной мере»[7]. От чего же очищать, если не остается повода для подозрения. Итак, снова интрига, снова лицемерие. Налицо активные участники. Трудно согласиться с тем, что императору не доложили о столь существенной приписке.

Губернатор Пензенской губернии

«Итак, я освобожден. Шесть лет разнообразной тяжкой благовидной неволи кончились и, слава Богу, ни в душе моей, ни в сердце не оставили ни одной черты глубокого огорчения», — писал Сперанский.

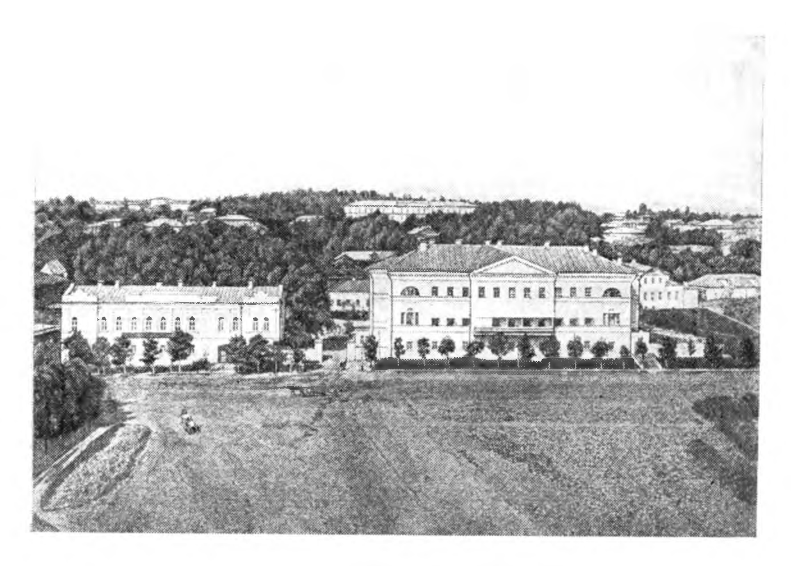
Двор и свет незамедлительно отреагировали на новое назначение бывшего статс-секретаря. Князь А. Б. Куракин приказал своему управляющему пензенскими поместьями лично отнести письмо новому губернатору. «Никогда не увлекался на счет Вас слухами», — сообщал князь, высказывая желание возобновить сношения. Государственный казначей Ф. А. Голубцов высказывал запоз-

далые сожаления «о случившейся неожиданности»: «Сначала я винил Сперанского, пока не вышел из головы чад». Государственный контролер барон Б. Б. Кампенгаузен решил объясниться: «В первый раз позволил о себе напомнить и не замедлил бы воспользоваться этим удовольствием ранее, но страшные боли, которыми я страдаю уже несколько лет, препятствовали...» Но самое поразительное — присылка новому губернатору всех трудов комиссии составления законов, сопровождаемых самым учтивым письмом от старого врага, активного участника интриги, бывшего подчиненного Розенкампфа.

Сперанский и в Пензе снискал всеобщее уважение. К нему, губернатору средней губернии, обращались министры за советами по важнейшим делам империи. Судьба вновь окунула его в активную жизнь. И он имел возможность воочию убедиться в правильности реформ местного управления, предложенных в записках 1808 г. и 1809 г.

А пока ознакомимся с состоянием провинциального управления. Тогдашние губернаторы были всевластными чиновниками. С губернаторской властью произошло то же, что в свое время с генерал-прокурорской в центре. Она оказалась бесконтрольной. Все чиновники губернии подчинены были губернатору, и лишь губернский прокурор и начальник полиции имели право, минуя губернатора, докладывать непосредственно министрам юстиции и полиции. В действительности они с губернатором образовывали тесный триумвират.

Однако в губернии было еще одно весьма важное лицо, отмеченное большими правами, — губернский предводитель дворянства, избираемый на три года из потомственных и поместных дворян. Политическая должность эта определялась сословной солидарностью, выборами, богатством и связями с Петербургом. Поддерживаемый членами своего сословия, предводитель мог выступать против губернатора, а последний должен был стоять на страже крепостных порядков. Сенатские указы, как правило, не исполнялись, а высочайшие повеления в губерниях тоже не спешили претворять в жизнь. Донесения стряпчих министру юстиции, так же как и прокуроров, в уездах и губерниях мало что меняли. Губернские тюрьмы были переполнены. Граф А. С. Строганов, ревизовавший тюрьмы Пензенской губернии, из 4845 заключенных признал возможным содержать под стражей только 238 человек. Присутственные места кишмя кишели чинов-

г. ПЕНЗА. ГУБЕРНАТОРСКИЙ ДОМ И ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ БАНК

никами, не исполнявшими должности и только состоявшими при них. Например, ревизия присутственных мест Рязанской губернии обнаружила 339 обер-офицерских и дворянских недорослей, поступивших на службу лишь для стажа с последующим получением чинов. В губернаторы, преследуя материальные цели, нередко назначались особы иностранного происхождения. Бывало и так, что частая смена губернаторов не позволяла им даже ознакомиться с губернией. А некоторые назначались для устройства своих личных дел, особенно в тех губерниях, где были их поместья. Все тяготы подобных назначений несло на себе местное население, и прежде всего крепостные крестьяне. Здесь уместно привести высказывания Н. М. Карамзина: «Россия состоит не из Петербурга и не из Москвы, а из 50 или более частей, называемых губерниями... Каковы ныне большей частью губернаторы? Люди без способностей и дают всякою неправдою наживаться секретарям своим, — или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник — глупец — и весьма давно! В такой-то — грабитель — и весьма давно!» [8]

По приезде в Пензу Сперанский сразу же дал понять прокурору и полицмейстеру, что их «сговора и доносов

не потерпит». Что касается отношений с предводителем дворянства, то здесь сыграла свою роль давняя его дружба со Столыпиным, могущественным пензенским помещиком. «Предводитель ничего не может значить, — писал Сперанский 13 марта 1817 г. Столыпину, — если губернатор не берет взяток и немного разумеет свое дело» [9]. С центральным же правительством он сразу же установил «тон великой откровенности», с подчиненными придерживался политики, «обратной обычному губернаторскому сатрапскому всевластию».

Сперанский предложил расширить полномочия вице-губернатора и других чиновников, таким образом несколько разгрузил себя. Новый губернатор вникал во все стороны юридической, политической и экономической жизни губернии. Он уделял большое внимание образовательному уровню чиновничества. Губернатор охотно брал на службу воспитанников Пензенской духовной семинарии, зная их более высокий уровень общеобразовательной подготовки. Он добился указа Правительствующего сената от 21 августа 1818 г., на основании которого разрешалось «определять в гражданскую службу хорошо успевающих семинаристов». Некоторые из воспитанников пензенской семинарии в дальнейшем отправились со Сперанским к месту нового назначения в Сибирь.

В Перми бывший реформатор почувствовал всю никчемность действующего законодательства с его противоречиями и несправедливостями. Он неоднократно заявлял, что «всякий несправедливый закон исправляется неисполнением его». Чтобы знать истинное положение в губернии, он организовал регулярный прием «ищущих правды и справедливого решения».

Наладив дела городские, он отправляется по уездам, откуда шли тревожные сведения: в 1816 г. в губернии было 16 серьезных крестьянских волнений, в 1817 г. — 22. В июне 1818 г. они вспыхнули с новой силой. Основная причина — невыносимо тяжелый оброк. Новый губернатор отказался исполнить указ Сената о наказании розгами крестьян всего села за недоимки. 4 декабря 1817 г. крестьянами одного уезда был убит помещик. Следствие было проведено поверхностно, и Сперанскому пришлось самому заниматься расследованием, в результате выявилось, что крестьяне были доведены до отчаяния жестокостью и поборами помещика.

В Перми он понял, что болезнь общества надо лечить во всероссийском масштабе. И пришел к выводу, что кре-

стьянам нужно дать свободу, не мучить их непрестанным страхом. По мнению реформатора, большой шаг был бы сделан, если бы были определены законом повинности крестьян, им было бы дано право судиться с помещиками и т. д. Сперанский знал, что в это время шел царю поток проектов по освобождению крестьян, и предложил создать государственный комитет для решения столь кардинального вопроса. Работу комитета предлагалось сделать гласной, с тем чтобы прекратить все кривотолки. Первоначально комитет мог состоять из нескольких губернаторов и предводителей дворянства.

Не дожидаясь окончательного решения вопроса, Сперанский предлагает последовательные меры. И прежде всего — запрещение продавать крестьян без земли. «Единственное, решительное к сему средство, — писал Сперанский, — есть определение всех крестьянских работ и повинностей договором, наконец, следует устранить все препятствия для перехода крестьян в вольные хлебопашцы и дать права личной свободы». По его мнению, каковы бы ни были меры улучшения бытового и юридического положения крестьян, государственных или помещичьих, они достигнут цели при следующем условии: «Необходимо должно пересмотреть и исправить устройство земского управления, ибо какой же закон может произвести полезное действие при настоящем образе исполнения». В письмах к В. П. Кочубею, который по своим убеждениям был близок к Сперанскому, мы видим последовательность и постоянство в реформаторских предложениях нового губернатора. Он писал: «Если бы теперь вопросили, какие же для внутреннего устройства России учреждения наиболее нужны, — не теряясь в воздушных высотах, можно было бы с достоверностью ответить: всего нужнее учреждение или устав об управлении губернией. Мысль о лучшем губернском уставе сама уже приведет к другим учреждениям для внутреннего гражданского порядка необходимым — к учреждениям, кои во всех случаях должны предшествовать преобразованиям политическим, если желают, чтобы сии последние когда-либо у нас возникли с прочною пользою и без потрясений» [10].

Перед нами почти прежний Сперанский, автор знаменитого плана государственного устройства. Разница, и существенная, лишь в том, что тогда он начинал сверху, т. е. с центральной администрации, теперь, находясь в провинции, он на первое место ставит реформу губернских учреждений.

Сперанский призывал переходить от воинских начал в управлении к гражданским. Необходимость этого перехода доказывалась готовностью России к политической реформе: состоянием умов, общим недовольством, упадком значения чинов и орденов, массовыми беспорядками и т. п. Он доказывал на конкретных материалах, приводя расчеты, что одно дворянство не сможет уже управлять страной, что настала пора привлекать к государственной службе представителей других сословий. Еще раз Сперанский предлагает безотлагательно начать составление Свода законов. Пребывание в Пензе убедило его в правильности прежних взглядов на роль губернатора и необходимость коренных преобразований. «Напор времени и обстоятельств так силен, машина нашего внутреннего губернского управления так обветшала, так скрипят все рассохшиеся колеса, что она долго выдержать движения не может. Следовательно, исправление необходимо и начать его нужно, но должно начать с начала, а не с конца», — писал Сперанский [11].

Старая форма местного управления все отчетливее входила в противоречие с деятельностью высших органов государственного управления, установленных и действующих в силу реформы Сперанского. Особенно сложными и малопонятными выглядели взаимоотношения губернатора с министерствами. Губернатор вынужден был выполнять многочисленные распоряжения не только министров, но и армии министерских чиновников. 30 октября 1816 г. царь издал указ, по которому директорам департаментов всех министерств запрещалось требовать от губернаторов каких-либо объяснений. Всякие требования и указания Правительствующего сената к губерниям должны были доводиться до сведения самодержца. В свою очередь, указ возлагал на губернаторов обязанность через каждые три месяца сообщать царю о делах, которые не были разрешены в центральных ведомствах. И снова Александр I своим указом вынужден был признать мудрость Сперанского, который неоднократно его предупреждал, что реформы всей системы управления сверху донизу необходимо осуществлять разом.

К новому 1819 г. Сперанский счел нужным официально заявить, что «губерния приведена в порядок». В его бумагах осталась копия письма к Александру I, помеченного 8 августа 1818 г.: «Два года почти протекли с тех пор, как Вашему Величеству благоугодно было определить меня в настоящее звание... Примеры губернаторов,

кои, оставаясь при отправлении их должностей, нередко отмечаемы были званием сенаторов, дают мне смелость испрашивать равной милости. Милости, а не награды. Ибо в кругу действия, мне определенном, я не сделал, может быть, и не мог сделать ничего отличного». Однако ответа на просьбу не последовало. Александр I и Аракчеев были в нерешительности и ломали голову, что дальше делать со Сперанским. Помогли обстоятельства. Сибирский генерал-губернатор И. Б. Пестель, оставив Сибирь спустя три года после своего назначения (1805 г.), правил огромной губернией в течение 11 лет из Петербурга. Комитет министров, наконец, потребовал от него отбыть к месту службы. Пестель, невзирая на это, продолжал оставаться в столице, сводя счеты с неугодными ему в Сибири лицами. Несмотря на возражения Аракчеева, было принято решение освободить Пестеля от обязанностей генерал-губернатора.

В письме дочери 5 апреля 1819 г. Сперанский писал: «31 марта в страстной понедельник я сидел после обеда у окошка и беседовал с моим греческим Геродотом — колокольчик, фельдъегерь, — я сибирский губернатор. За тайну скажу тебе, что я не более как на год и много если на год с половиной должен отправиться в Сибирь, чтобы исполнить там действительно важное поручение и с ним возвратиться в Петербург». Думается, что последние строки написаны для утешения дочери.

Впереди за 12 тысяч верст новая страна, поистине заброшенная центральным правительством. В то время как население Сибири ликовало, жители Пензы искренне горевали.

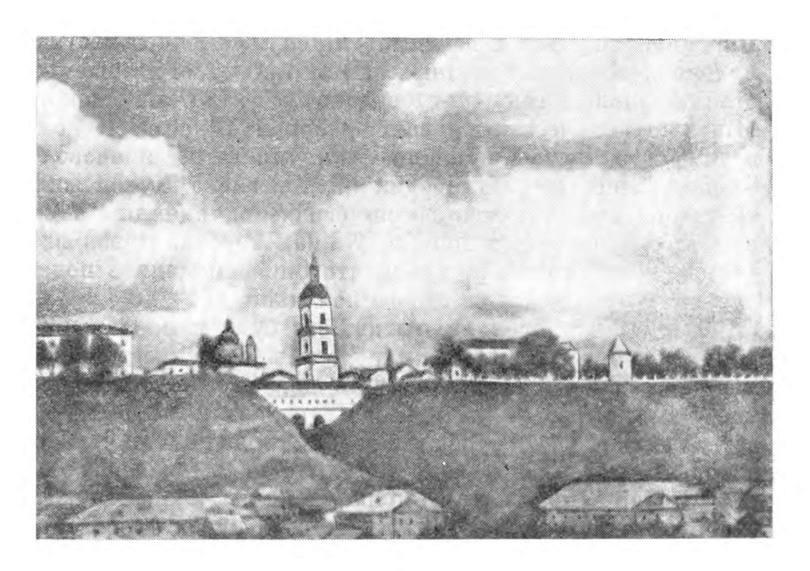
Безусловно, Сперанский был сильным губернатором. Его любили и ценили за простоту в обращении, спокойный и ласковый нрав. Однако, как замечает М. А. Корф, Сперанский как губернатор ничего особенного не сделал. Не потому, что не хотел или не хватило умения, а по причине отсутствия реальных возможностей. «Местные чиновники канцелярии, — писал М. А. Корф, — и до него, и при нем были жалкие большей частью — начиная с собственной губернаторской — совершенно безграмотные. Подьячих, правда, он держал в страхе, но этим все ограничивалось... Секретарь губернского правления... страдал запоем, а секретарь общественного призрения был страстный картежник и не умел составить ни одной бумаги, хотя бы несколько выходившей из общей колеи,

заменить их было некем, и оттого губернатор все, сколько-нибудь важное, должен был писать сам»[12].

Пермский и пензенский периоды для Сперанского не прошли даром. Он лучше узнал провинцию, реальные нужды и потребности местного управления. Свой опыт он использовал в работах 1821 г., посвященных проблемам местного управления: «Введение к наместническому (областному) учреждению», «Проект учреждения областного управления», «Примечания к проекту об учреждении наместничества». В указанных работах он поддерживал проект Н. Н. Новосильцева, который предлагал разделить Российскую империю на наместничества. Проект предоставлял наместнику огромную власть — в его руках сосредоточивались одновременно функции надзора и управления. Наместник призван был наблюдать, чтобы помещичьи крестьяне не подвергались «чрезмерным отягощениям», должен был заботиться о развитии торговли, промышленности и особенно земледелия. Он получал право рассматривать жалобы на действия губернских властей, имел право приостанавливать приведение в исполнение приговоров местных судов, ревизовать деятельность всех учреждений. Согласно проекту, при наместнике учреждался совещательный орган — совет из шести членов. Кроме этого, в проекте проводилась идея переустройства государственного управления на федеративных началах. К сожалению, и этот проект остался на бумаге.

Генерал-губернатор Сибири

27 мая 1819 г. Сперанский прибыл в Тобольск и вступил в свою новую должность. Надо отметить, что назначение в Сибирь сопровождалось милостивым рескриптом, в котором царь признавал, что враги Сперанского «несправедливо оклеветали его». Рескрипт содержал задачи, поставленные перед Сперанским: расследовать злоупотребления администрации и «наряду с ревизией важнейшее занятие ваше должно быть: сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края». План переустройства Сибири он должен был привести в Петербург для личного доклада императору. От Александра I Сперанский получил письмо, где царь обещал поставить опального в положение «более сходное тому приближению, в коем я привык к вам находиться».

г. ТОБОЛЬСК

Неотложное проведение реформ в Сибири вызывалось стремлением правительства повысить резко сократившуюся к началу XIX в. доходность этого края. Сибирь приносила в государственную казну 5 351 748 руб. за счет пушнины, добычи меди, серебра, за счет питейных откупов, а также податей и сборов с населения.

Немного о социально-экономическом положении этого удивительного края. В XVI—XVII вв. Сибирь стала объектом не только охотничье-промысловой колонизации, но и промышленной колонизации. Развиваются горнодобывающие промыслы, устанавливаются торговые связи с Китаем, мануфактуры перерастают в фабрики и т. д. Земледелие здесь было свободно от крепостного права и не испытывало недостатка земли. В первой четверти XIX в. Сибирь производила около 45 млн пудов хлеба. Верхушка местного населения (ханты, эвенки, якуты, буряты и др.) также приспосабливалась к товарно-денежным отношениям, становилась купцами, ростовщиками. И все же Сибирь оставалась аграрно-сырьевым придатком России, страной ссылок и бездорожья.

Сперанский и небольшой штат его сотрудников (среди которых и будущий декабрист Г. С. Батеньков) трудились не покладая рук. Он начал с чистки администрации. В массовом порядке отрешал от должностей чинов-

ников-казнокрадов и выдвигал по службе людей честных, патриотически настроенных. Несмотря на огромные расстояния, новый генерал-губернатор за короткий срок побывал практически во всех районах Сибири. И почти всюду он встречал вопиющее самоуправство, произвол и безнаказанность. Так, городничий Енисейска Куколевский в одно прекрасное утро запряг своих подчиненных в экипаж и проследовал в нем по улицам города. И вся вина запряженных состояла в том, что они осмелились подать губернатору жалобу на своего начальника.

Следователи вводили пытки, без суда и надлежащего расследования применяли к подозреваемым жесточайшие меры наказания. Из Петербурга для расследования злоупотреблений по откупам был направлен коллежский советник Крылов. Он сформировал отряд из 77 человек, которые врывались в дома жителей, всех подозреваемых заковывали в кандалы. Допрос сводился к избиению до потери сознания. При пытках, как правило, требовалось присутствие родных и близких. Наказание следовало раньше осуждения.

Дошли до Сперанского слухи и о преступлениях исправника Лоскутова, который на морозе обливал водой раздетых людей и делал из них статуи или собаками травил беглых. Накануне приезда генерал-губернатора Лоскутов распорядился отобрать у населения перья и чернила, с тем чтобы не были написаны жалобы. Лоскутов встретил Сперанского на границе уезда и предложил поселиться в приготовленной квартире, но Сперанский отказался от его услуг и отправился ночевать на станцию. Он выслушал всех ходоков и отстранил исправника от должности. Свидетелям запомнился эпизод, когда из толпы к ногам Сперанского бросился седой старик с криками: «Батюшка, что же ты делаешь? Ведь это Лоскутов».

А что же лица, занимавшие в Сибири более высокие посты, знавшие и не принимавшие никаких мер к лоскутовым, куколевским, крыловым? По настоянию Сперанского, глубоко изучившего все обстоятельства, иркутский и томский губернаторы (Трескин и Илличевский) были отстранены от должности и отданы под суд. Часть дел была направлена к высшему рассмотрению: по ним обвинялось 680 человек, а сумма к взысканию с них составила 2850 тыс. руб. Сперанский привлек к ответственности 250 местных князьков: тайш, шуленг, зайсанов и лам.

Следует сказать, что еще в пермской ссылке Сперан-

ский близко познакомился с философскими произведениями немецких романтиков. Он глубоко воспринял их идеи об органическом характере развития мира и попытался в Сибири применить эти идеи на практике. Общества и нации, подобно живым существам, считал он, проходят различные этапы развития: детство, зрелость и старость. М. М. Сперанский особо подчеркивал, что законодатель должен точно знать, на каком этапе развития находится общество, его политические и правовые институты, и сообразно им создавать систему управления.

Г. С. БАТЕНЬКОВ

Реформатор знал, что новый путь развития нельзя навязать народу, не подготовленному и не желающему изменений. Естественно, эти мысли возникли и в связи с неудавшимися реформами в период пребывания в должности государственного секретаря. Социальный организм нельзя втиснуть в заранее приготовленные рамки. Подобно саду, рост «древа политики» можно контролировать или стимулировать, но нельзя прибегать к насилию над предрасположенностью общества. Правительство и установленная правовая система, по мнению Сперанского, должны руководствоваться одной целью, быть едиными в подходе к разрешению стоящих задач. Ни законодательство, ни суверенная власть монарха не могут быть результатом какого-либо договора. Он видел единственный способ достижения высшей духовной цели управления — создание четкого Свода законов.

Сперанский, находясь в Сибири, пришел к выводу, что при анализе политической системы России необходимо учитывать исторические традиции.

Главную причину низкой эффективности и неудовлетворительного состояния политико-административных институтов России, прежде всего на местах, он видел в бессистемности их создания, в отсутствии «гармонии» и четкого функционального разделения между высшими и

местными органами управления. И как результат всего этого — самоуправство и административный волюнтаризм. Следовательно, надо было придать этим хаотичным структурам единство и порядок, а также произвести их дифференциацию.

Одной из важнейших задач местных органов власти Сперанский считал обеспечение и поддержание «социальной безопасности индивида и собственности». Следовало, по его мнению, «преобразовать личную власть в установление и, согласив единство ее действия с гласностью, охранить ее от самовластия и злоупотреблений законными средствами из самого порядка дел возникающих, и учредить ее действие так, чтобы оно было не личным и домашним, но публичным и служебным».

В основу предстоящих реформ управления Сибирью Сперанский положил следующие принципы: а) усиление надзора за местной администрацией со стороны одного из центральных ведомств; б) трансформация личной власти должностных лиц в полномочия административных органов; в) совершенствование отношений между различными органами системы местного управления; г) определенная доля автономии для каждого местного органа управления; д) аппарат управления должен быть дешевым и скорым в делах своих; е) учет местных особенностей и обычаев.

При подготовке плана преобразования управления Сибирью Сперанский столкнулся с очень сложными проблемами. Известно, что в 1708 г. Петр Великий установил единое управление Сибирью, которая в 1719 г. была разделена на пять провинций с губернатором во главе. Однако их функции не были четко очерчены. Генерал-губернатор Сибири постепенно превращался в неограниченного правителя обширной территории. Первым генерал-губернатором был князь Гагарин. Бесконтрольность, безнаказанность, всевластие привели к огромным растратам государственной казны. За дурное управление и казнокрадство князь был повешен.

В Сибири же сохранялись и традиционные формы местной автономии и социальной организации. Во времена Екатерины II были попытки улучшить административное управление и установить некоторые законодательные основы деятельности местных органов. На этот счет существовало две точки зрения. Одни считали Сибирь колонией и рассматривали ее как «русскую Индию, Мексику, Канаду». Другие рассматривали Сибирь как неотъемле-

мую часть Российской империи, которой по этой причине не нужна специальная форма управления. В 1782 г. был учрежден институт тобольского наместника, в 1783 г. — иркутского губернатора. Дворянского сословия в Сибири не было, функции управления осуществлялись местной бюрократией. Расцвет бюрократии пришелся на время управления Сибирью И. Б. Пестелем. Он продемонстрировал полное безразличие к местным обычаям и традициям. «В меньших масштабах и с меньшим талантом он следовал практике известного временщика графа Аракчеева» [13].

Сперанскому предстояла огромная работа. Его талант и трудолюбие сказались и здесь. Значительную помощь в составлении юридических актов оказал ему Гавриил Степанович Батеньков.

Александр I создал специальный комитет для анализа всех предложений Сперанского.

Преобразования Сперанский начал с социально-экономической сферы. Учреждались Главные управления торговли, которые были призваны развивать свободу предпринимательства. Аналогичные функции были возложены и на губернские управления. С целью регулирования всех вопросов землепользования на государственных землях была создана Казенная палата.

Новый правитель Сибири пытался установить деловые отношения со всеми социальными группами: крестьянами, купцами, торговцами. Его можно было видеть в госпиталях, публичных библиотеках, в школах. Много внимания он уделял развитию системы образования и просвещения.

Анализируя царские законы о ссылке, Сперанский пришел к выводу, что в России не существовало четкого законодательства о подобной мере наказания. Он занялся разработкой «Устава о ссыльных», который вступил в законную силу в 1822 г. Реформа ссыльной политики, являясь составной частью широкой кампании государственных преобразований в Сибири, создала целую систему административно-фискальных мер, ввела строгий регламент, предусматривающий препровождение ссыльных по этапам. Устав четко регламентировал материально-хозяйственное положение ссыльных, и в этом заключался его прогрессивный характер. Утверждались меры контроля за пересыльными и вместе с тем отменялись все органы надзора за ссыльными, в том числе и политическими. «Устав о ссыльных» был включен составной частью в

«Учреждения для управления Сибирской губернией» и приобрел всероссийское значение [14].

Впоследствии появились десятки законов, различных инструкций о ссылке, так как «Устав о ссыльных» Сперанского не удовлетворял самодержавие и полицейские власти. Поток ссыльных увеличивался с ростом в Российской империи революционно-демократических настроений. 14 августа 1881 г. было утверждено «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», а 12 марта 1882 г. принято «Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению политических властей». Именно эти правовые нормы В. И. Ленин позже назовет фактически российской конституцией, нормы, находящиеся в «полнейшем соответствии» с формой государственного строя, т. е. самодержавной монархией [15].

Сперанский издал специальные декреты, по которым вводились ограничения невольнического труда, торговли людьми и продажи в рабство. Ряд нормативных актов был призван закрепить оседлый образ жизни кочующих казахов. Сперанский поручил провести инвентаризацию всех земель, годных для ведения сельского хозяйства.

Для обеспечения большей законности и демократических начал Сперанский ввел коллегиальные формы правления. «Безотчетное и личное действие губернского правления, — писал Сперанский в 1827 г., — должно подчинить надзору местному, каков есть надзор генерал-губернатора, а не слабому и ничтожному, каков есть надзор прокурора, но надзору коллегиальному, постоянному, на твердых правилах установленному, имеющему власть не только заявлять за тысячу верст беспорядки и злоупотребления, но прекращать их, оставляя зло не спустя месяцы и годы, но в самом его начале, держать чиновников в строгой дисциплине, преследовать виновных судом» [16]. При генерал-губернаторе учреждался Совет, который являлся исполнительным органом. Было образовано Главное губернское управление, в обязанность которого входил надзор за местными органами и рассмотрение вопросов, не могущих быть решенными на местах. При Главном управлении формировался губернский административный Совет на правах совещательного органа.

С тем чтобы приблизить к народу созданную систему управления, Сперанский внес существенные изменения в первоначальный проект организации Совета Главного губернского управления. Его состав формировался таким

образом: три члена по рекомендации генерал-губернатора и три — по рекомендации министра внутренних дел с последующим высочайшим утверждением всего Совета. Отсутствующих членов Совета заменяли председатели губернского суда, казенной палаты и гражданский губернатор. Совет осуществлял общий надзор за действиями сибирской администрации, проверял ежегодные отчеты губернаторов, рассматривал жалобы на действия должностных лиц, делал обзоры судебной практики и высказывал рекомендации судам. Совет был высшей апелляционной инстанцией, где пересматривались судебные дела по вопросам налогообложения, поставок, исполнения договорных обязательств, воинской повинности.

На всей территории Сибири действовало общегосударственное законодательство. Совет не был наделен законотворческой деятельностью.

По инициативе Сперанского решено было заменить натуральные повинности денежными, снять с населения тяжелую дорожную повинность, образовав из ссыльных специальные бригады. Их содержание было отнесено на счет земских повинностей.

Большая работа проводилась Сперанским по созданию в Сибири единой судебной системы. Он попытался оградить суды от влияния и давления многочисленного чиновничества. Но тем не менее созданная им судебная система находилась под контролем генерал-губернатора или его наместников.

Сперанскому быстро удалось подготовить план административной и судебной реформы Сибири. И в этом ему помогла его исключительная образованность, хорошее знание проблем управления Сибирью. Еще в 1802—1806 гг. реформатор знакомился с материалами инспекционных комиссий по Сибири и принимал участие в составлении некоторых проектов законов по Сибири. Решая проблему оздоровления финансового состояния в России, он учитывал место сибирского края в финансовой структуре Российской империи.

Если в Перми Сперанский изучал еврейский язык, в Пензе — немецкий, то в Сибири — этнографию, климат, ландшафт, историю. В письме к дочери в 1820 г. он напишет: «Я открыл настоящую политическую проблему Сибири. Только Ермак может сравниться со мной в этом отношении».

Условия жизни и работы Сперанского больше походили на образ жизни главнокомандующего, нежели генерал-

губернатора. Он, как правило, бывал там, где его присутствие было всего нужнее. Посещает нерченские рудники, помогает экспедиции Ф. П. Врангеля на пути к Беринговому морю и Арктике, организует строительство дороги к китайской границе, направляет группу чиновников для исследования Якутии. Он мечтает о расширении торговли России с Востоком. Ему чуждо мнение двора и подавляющего большинства государственных деятелей того времени, что «Сибирь — это колония, заселенная уголовниками и дикими племенами».

Сперанский увидел несметные богатства и возможности этого «забытого» края. Вслед за М. В. Ломоносовым он неоднократно произнесет: «Богатство России будет прирастать Сибирью».

Как уже говорилось выше, сибирская экономика проявила тенденцию капиталистического развития. И вот эту тенденцию Сперанский попытался не только учесть, но и развить при разработке «Устава об управлении инородцев», который можно считать одним из основных документов М. М. Сперанского по Сибири. В малонаселенном сибирском крае коренное население составляло в первой четверти XIX в. значительную часть: из 1698 тыс. человек более 450 тыс., т. е. одну треть. Устав поощрял развитие товарно-денежных отношений в хозяйственной жизни местного населения, однако закреплял национально-колониальную политику царизма, но с новых позиций, без учета которых эксплуатация «инородцев» не могла быть эффективной.

В соответствии с экономическим уровнем сибирские народности были разделены на три разряда: оседлых, кочевых, «бродячих». Основным критерием, определяющим хозяйственное состояние «инородцев», был для Сперанского не ясачный сбор [17], а земледелие и скотоводство, которые давали постоянный доход. Устав подтвердил замену натурального ясака определенным денежным налогом, а это не что иное, как замена феодальных отношений буржуазными. Личные отношения вытеснялись денежными, натуральная повинность — уплатой денег.

Разряд оседлых составил 58 365 человек [18] (татары, алтайские народы, бухарцы, ташкентцы и др.). Их Сперанский приравнял в правах и обязанностях к различным сословиям русского населения Сибири (государственных крестьян, мещан, купечества). «Все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях, в которые они вступят. Они управляются на

основании общих указаний и учреждений», — предписывалось Уставом [19]. А это значило, что все существующие в России повинности, система управления и судебная система распространялись и на приписанных к оседлым жителей Сибири.

К разряду кочевых народов (около 390 тыс. человек) были отнесены буряты, якуты и др. с кочевым или полуоседлым образом жизни. Налоговое обложение на них было распространено такое же, как и на государственных крестьян. Что же касается суда и управления, то им была сохранена некоторая самостоятельность. «Кочевые инородцы составляют особенное сословие в равной степени с крестьянами, но отличные от онаго в образе управления», — говорилось в Уставе [20].

И наконец, разряд охотничьих народов (более 4500 человек) [21] включал в себя ненцев, манси, юкагиров, ительменов. Их оставили в прежнем ясачном положении.

Разрядная система была рассчитана на то, чтобы перевести кочевые и охотничьи народы в категорию оседлых, приравнять «инородцев» к русскому населению Сибири. Устав предусмотрел перевод кочевых и бродячих народов из разряда в разряд по мере совершенствования их хозяйственного развития: «Позволяется кочующим, если некоторые из них водворятся оседло по собственной их воле, вступать в сословие государственных крестьян, равно в городовые жители, и записываться в гильдии» [22]. Перевод из одного разряда в другой производился в период очередной переписи населения.

Поразрядная система распределения «инородцев» защищала финансовые интересы империи, так как кочевые народы вводились в более высокий оклад государственных крестьян Сибири, увеличивала количество людей, ведущих оседлый образ жизни, и ассимилировала коренное население Сибири.

Безусловно, приравнивание коренного населения Сибири к русскому населению было актом прогрессивным, отличающимся от политики западноевропейских государств и Америки в отношении колониальных народов, подвергавшихся национальной дискриминации. Правда, приравнивание народов Сибири к русскому населению означало не более как равенство в бесправии, поскольку в условиях крепостнической России основное население было бесправно.

Устав предусматривал выделение «инородцам» земельных наделов, которые не должны были быть меньше

крестьянских — в 15 десятин. По своему характеру землевладение коренного сибирского населения приближалось к владению на правах частной собственности, что привело впоследствии к сосредоточению земель в руках «инородческой» верхушки на правах наследственной собственности. Оседлые «инородцы» наряду с кочевыми и охотничьими племенами освобождались от рекрутской повинности (только буряты служили в казачьих войсках). А в это же время в английских и французских колониях создавались целые туземные армии (например, сипаи в Индии, зуавы в Африке), положение которых можно сравнить с положением рабов в Древнем Египте и Римской империи.

Сперанский предусмотрел создание «инородческого» управления с учетом некоторых национальных особенностей, самостоятельных «инородческих» волостей для земледельцев, ратуш и судов для торгового люда с ведением судопроизводства на национальных языках. Была провозглашена свобода вероисповедания и право добровольного принятия христианства. В Уставе предусматривалось учреждение национальных школ для оседлых и кочевых народов. Нельзя не заметить, что все положения «Устава об управлении инородцев» были направлены на укрепление товарно-денежных отношений и ослабление родо-племенных и патриархально-феодальных начал в социально-политической жизни Сибири. Вместе с тем он стал юридической базой концентрации земли в руках «инородческой» верхушки и обезземеливания массы местного населения. Сибирская земля стала объектом отчуждения и промышленного производства.

Весьма характерно, что Сперанский сохранил родовой принцип в управленческой деятельности. Он положил его в основу административной реформы кочевых народов. Было установлено три ступени управления: низшая — родовое управление (для отдельных стойбищ рода); средняя — инородная управа (для всего рода в целом); высшая — степная дума (для всего племени).

«Инородческое» управление сосредоточивало власть политическую, хозяйственную и судебную, и оно было в известной независимости от общесибирского управления. За последним сохранялось право осуществлять общий надзор. На органы «инородческого» управления возлагалась забота о хлебопашестве, пастбищах, народоисчислении (составление ревизских сказок), об охране свободы торговли «инородцев». «Инородная» управа имела право пре-

сечь незаконную торговлю русского купечества запрещенными товарами, производить самостоятельные торговые операции.

Что же касается судебных и полицейских функций, то они были ограниченными. «Инородческому» управлению были подсудны только незначительные гражданские дела, рассмотрение которых велось на основе обычного права кочевых народов. Полицейская власть заключалась в исполнении законов, правил внутреннего распорядка и благочиния в «инородческих» селениях [23].

Уголовные дела, как правило, рассматривались на основе общерусского законодательства. Обычное право сохранено было на переходный период, «пока с переменою образа жизни и степени образования не будет надобности изменить образ самого их управления» (§ 71).

Сперанским была предпринята кодификация обычного права «инородцев», результатом чего явились «Свод степных законов кочевых инородцев Восточной Сибири» и «Сборник обычного права сибирских инородцев для Западной Сибири». Кодифицируя нормы обычного права, он стремился смягчить все дикое и жестокое в нем. Раздел свода «О правах и обязанностях семейных» включил такие положения, как свобода браков, ограничение многоженства, единобрачие «инородцев»-христиан, равные права супругов на имущество, лишение родителей права на жизнь детей.

Сперанский, умело используя родовые традиции и обычаи, приравнял управление местными народами Сибири к существующему управлению государственными крестьянами сибирского края. Так, родовая управа по объему своих полномочий приравнивалась к сельскому управлению, «инородная» управа — к волостному управлению, степная дума — к окружному управлению. В отличие от сельского русского управления во главе «инородческого» управления, как правило, стояла феодально-родовая знать, власть которой передавалась чаще всего по наследству.

Процесс претворения в жизнь всех нормативных актов оказался нелегким, даже болезненным. Значительно выросли налоги, трудно приживалась система управления, она оказалась под влиянием феодально-родовой верхушки. И тем не менее Устав и другие положения Сперанского сыграли свою прогрессивную роль: укрепилась частная собственность, расширилась торговля, даже бродячие племена втянулись в товарно-денежные отношения, понизились цены на хлеб, заметно укрепилась местная промыш-

ленность, были освоены большие площади под хлебопашество, административное устройство год от года теряло «родовой» характер. Однако в условиях жестокого национального гнета процессы эти проходили медленно.

Многогранная деятельность генерал-губернатора поражает своими размерами. Сибирский период был для Сперанского исключительно плодотворным. О его деловитости и политическом уме снова заговорили в Петербурге. На одном приеме Аракчеев вынужден был заметить, что, если бы у него была одна треть ума Сперанского, он был бы великим человеком.

22 марта 1821 г. Сперанский возвратился в Петербург. Он привез результаты ревизии и проект реорганизации административной системы Сибири. Возвращение Сперанского вызвало в обществе новые надежды на реформы, необходимость которых чувствовалась, может быть, сильнее, чем когда-либо. К этому времени были ликвидированы все последствия реформаторской деятельности Сперанского. Государственный совет был оттеснен на периферию политической жизни, формально сохранивший свое значение Комитет министров стал послушным орудием в руках Аракчеева. Им управлял престарелый генерал Салтыков, который избегал брать на себя ответственность за нововведения в сфере внутренней политики. В стране продолжали существовать военные поселения — наиболее деспотические и ненавистные институты александровской эпохи. Ветераны минувшей Отечественной войны почти открыто заявили о том, что царь «забыл» о своих обязанностях. «Контраст между позицией царя как освободителя и арбитра Европы и его неспособностью организовать мудрое управление своей собственной страной оказался тяжелым оскорблением для офицеров, которые с оружием в руках дошли до берегов Рейна и Сены и стремились на родине стать свидетелями благотворной политики реформ», — не без основания замечает историк А. Палмер [24]. Да, действительно, царь ответил российскому обществу «пустой риторикой» в духе идеологии Священного союза.

Во время Отечественной войны между офицерами и солдатами установились нормальные человеческие отношения. В лице вчерашних крепостных, которых можно было купить, продать, избить, офицеры увидели людей, глубоко любящих свою родину и готовых отдать за нее жизнь. В этих условиях офицеры-дворяне и солдаты-крепостные более критически оценивали российские поряд-

ки, их оппозиционные настроения окрепли. Вот что напишет через десять лет декабрист Александр Бестужев из Петропавловской крепости Николаю I: «Еще война длилась, когда ратники, возвратясь в домы, первые разнесли ропот в классе народа. Мы проливали кровь, говорили они, а нас опять заставляют потеть на барщине. Мы избавили родину от тирана, а нас опять тиранят господа» [25].

Н. Н. НОВОСИЛЬЦЕВ

Пребывание на границе огромного русского корпуса не пропало даром. Офицеры, солдаты воочию убедились, как в результате революции утверждались представительный конституционный строй, права гражданские и верховенство закона.

Тактика лавирования взяла верх, что окончательно подорвало веру в конституционализм царя, и это несмотря на то, что по его поручению Н. Н. Новосильцевым был подготовлен очередной проект конституции. Появились в Москве и Петербурге тайные общества, члены которых выступали за либерализацию политического режима, обсуждали проекты конституции, по сравнению с которыми либерализм Новосильцева, бывшего члена Негласного комитета, выглядел самым жалким образом. Александр I увлекся вояжами за границу, «инспекционными поездками» по различным губерниям, которые мало что давали стране и лишь вносили дополнительную нервозность и неразбериху.

Настроение в России было тяжелое. Всюду виднелись недовольные лица. И это настроение общества не осталось незамеченным Сперанским. Он неоднократно говорил в кругу своих друзей, что невелик промежуток между 1810 г. и 1821 г. (годом его возвращения в Петербург), но между ними находился 1812 г. В столице он встретил все те же нравы, все те же тени. От его реформ мало что осталось. Но что-то изменилось. Патриотические чувства особенно завладели молодежью. Вольнодумные наст-

роения проникли и в Царскосельский лицей. Профессор политических наук А. П. Куницын открыто призывал юных лицеистов не к раболепным верноподданническим чувствам, а к гражданскому служению родине, к установлению гражданских прав и законности, к ликвидации крепостничества. Сперанский вернулся в столицу уже не тем. Оскорбленный, израненный, больной он был принят Александром I лишь 6 июня 1821 г. после его возвращения из Лайбаха.

Вряд ли эта встреча доставила удовольствие как тому, так и другому. Надежды Сперанского получить один из ключевых государственных постов не оправдались. Он был назначен всего лишь членом Государственного совета да в награду получил 3486 десятин земли в Пензенской губернии.

22 июля 1822 г. предложения Сперанского, касающиеся Сибири, были утверждены. На время болезни своего бывшего недоброжелателя князя П. В. Лопухина ему поручалось управлять комиссией составления законов. Фактически же руководил комиссией известный нам барон Розенкампф.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Кодификатор законов

Проект Гражданского уложения

Начиная с Петра Великого в России пытались привести в систему, придать определенную стройность и усовершенствовать законодательство. Восьмая знаменитая «Комиссия о сочинении нового Уложения», открытая в 1767 г. помпезно и с шумом, расстроилась, не оставив после себя каких-либо следов. Следующая, девятая комиссия (1797 г.) ограничилась одним составлением оглавления будущего Уложения. Александр I поручил графу Завадовскому «обозреть прежние труды по гражданской части и представить план для их продолжения». Потом эта работа была поручена министру юстиции князю Лопухину и его товарищу (заместителю) Новосильцеву, которые были заняты чем угодно, но только не подготовкой Уложения. Далее сочли необходимым найти ученого юриста, но таковых в то время в России не было, и выбор пал на барона Густава Андреевича Розенкампфа, родом из Лифляндии, окончившего юридический факультет Лейпцигского университета. И вот человек, не знавший России, ни ее обычаев и законодательства, возглавил очередную (десятую) комиссию по составлению Уложения законов. На нее была возложена миссия разработать Уложение и уставы по всем отраслям права, и прежде всего гражданского права. Уволив из комиссии большую часть русских чиновников, Розенкампф заменил их немцами и французами. Все действующее законодательство потребовалось перевести на французский язык, чтобы Розенкампф и его иноземные помощники имели возможность хоть как-то с ним ознакомиться. При переводе текстов законов, указов, уложений, написанных дьяками в свое время исключительно сложно, терялся смысл. Комиссия зашла в тупик на первой же стадии своей работы — обзоре законодательства России. «Многие не могли надивиться, как к составлению Уложения для величайшей

в свете империи выбран предпочтительно перед всеми человек, не знающий ни ее законов, ни нравов и обычаев, ни даже русского языка», — заметил в своей книге М. Корф [1].

Итак, целое столетие протекло в сборах, обещаниях, рассмотрении планов работ, а результатов не было.

Сперанский в «Отрывке о комиссии уложения» (1802) вынужден был заметить: «Читая историю нашей Комиссии о составлении законов, нельзя не подивиться, что к делу столь важному доселе средства употребляемы были столь малозначительны... Излишне было бы исчислять разные попытки... все они были почти одинаковы; во всех после пышных и многогрозящих планов, действие оканчивалось обрядом — во всех начинали дело сие министры, сенаторы, лучшие умы того века, а кончали обер-секретари, секретари сенаторские и даже подьячие. История ныне действующей Комиссии точно такова же; она началась государственным великим сеймом, в 1766 году со всех концов России созванным, а кончилась Ананьевским, Пшеничным и Ильинским» [2]. Так, после каждой комиссии оставалась лишь тень ее, или, лучше сказать, оставалось несколько человек на развалинах того огромного здания, которые видели здесь свой источник доходов.

Обращаясь к Розенкампфу, Сперанский предупреждал: «Вы призваны составить Уложение для обширнейшей в свете империи, населенной разными языками, славящейся своею силою, рабством, разнообразием нравов и непостоянством законов» [3]. Жизнь показала, что труды всех бывших комиссий сводились к выписке старых законов по отраслям права. И снова к этой законодательной деятельности был привлечен Сперанский. 8 августа 1808 г. последовал указ Александра I о назначении его в комиссию по выработке Уложения. Розенкампфом при его тщеславном, склонном к интриге и мстительном характере овладела глубокая ненависть к человеку, так внезапно вставшему на его пути. Сперанский назначался одновременно товарищем министра юстиции. Он внес серьезные изменения в структуру комиссии. Вместо должностей референдария и главного секретаря, которые занимал Розенкампф, должностей редакторов и их помощников и пр. он учредил должности начальников отделений по каждому виду права: гражданского, уголовного, торгового, провинциального и пр. Было сокращено 50 человек, подвизавшихся на разных должностях в комиссии. «Меня сравняли с прочими начальниками, — сетовал Розен-

кампф, — и в этом звании поручили мне составлять Гражданское уложение по данному плану, содержавшему в себе одни заголовки, почти те же, что и в Наполеоновском кодексе».

Придавая особое значение разработке гражданского права, по предложению Сперанского создается специальный комитет по рассмотрению проекта Гражданского уложения в составе князя Лопухина, графа Завадовского, Н. Н. Новосильцева, князя Чарторыского, графа Северина-Потоцкого и сенаторов Алексеева и Корнеева. Бесперспективная работа отделения по гражданскому праву заставила Сперанского в секрете от Розенкампфа создать под своим руководством небольшую группу для параллельной работы над проектом Гражданского уложения. Сперанский работал исключительно много, внося поправки и серьезные изменения. Ему пришлось поднять все старые нормы права, регулирующие в какой-то степени гражданско-правовые отношения в Российской империи. Бесконечные противоречия, пробелы в праве, неразработанность целого ряда институтов и язык, недоступный для понимания не только населения, но и юристов, заставили Сперанского приступить к созданию проекта нового Гражданского уложения. Он предпочел бы скорее творить, нежели заниматься поиском той или иной нормы законодательства. Сперанский видел, что в утробе феодального общества созревают новые производственные отношения, которые нельзя отрегулировать феодальным правом. Он понимал, что такие институты, как право собственности, обязательственное право, наследственное право и др., должны быть разработаны самым тщательным образом с учетом опыта стран Европы и с учетом обычаев и традиций России.

1 января 1810 г. комиссия по разработке Уложения законов была преобразована в комиссию при Государственном совете, а ее совет был упразднен. Сперанский был назначен директором (новый титул) комиссии. Розенкампф продолжал работать, но все, что он передавал на рассмотрение, беспощадно маралось Сперанским и переделывалось заново.

Государственный совет в 1810 г. 43 раза рассматривал проект Гражданского уложения. Сам автор вносил проекты глав и сопровождал их нужными объяснениями. 14 декабря того же года проект первых двух частей был напечатан полностью для окончательного рассмотрения.

Государственный совет при рассмотрении первых ча-

стей Уложения требовал от Сперанского по каждой статье ссылки на действующие или забытые русские законы. Естественно, что подобные требования нельзя было полностью удовлетворить, так как вновь народившиеся социально-экономические отношения вряд ли всегда можно было регулировать правовыми нормами, принятыми в период раннего феодализма. И тем не менее Сперанский вынужден был после своей редакции, как от него требовалось, приводить аналогичные правовые нормы из огромного моря законов, указов и других источников. Так, статья проекта Уложения гласит: «Договор составляется по взаимному согласию договаривающихся лиц». Казалось бы, все четко и ясно. Однако по требованию Государственного совета эту статью Уложения он вынужден был сопровождать ст. 251 главы X Уложения царя Алексея Михайловича: «А будет кто, умысля воровски, и стакався с площадными подьячими, напишет на ково в большом дому заемную кабалу или иную крепость в большом деле за очи, и написав ту крепость, зазовет к себе, или к иному кому на двор, и велит ему к той крепости руку приложить, или ему велит написать в чем-нибудь заемную кабалу своей рукою не — волею — и тому над кем такое дело учинится, в том на того, кто такое дело учинит, являти окольным людям подавали явки, после чего как над ним такое дело учинится, того же дни и били челом на тех людей, которые над ним такое дело учинят об очной ставке и сыску вскоре, дни в три или в четыре и большое в неделю...» [4]

Вторым узаконением, следовавшим за указанной статьей, были высочайше утвержденные правила, «постановленные министром внутренних дел в руководство при рассмотрении условий отношений между помещиками и крестьянами». И так по каждой статье. Вряд ли такой подход к созданию Гражданского уложения способствовал быстрейшей его разработке.

У Сперанского были и другие сложности при работе над Уложением. «Должно знать подробности сей работы, — писал он, — чтобы измерить все ее трудности. Если бы комиссия была составлена, как, например, во Франции, из знаменитых юрисконсультов, совершенно сведущих в отечественном законе и его применении, если бы дело сие приготовлено было предшествующими сочинениями ученых людей; если бы потом окончательная редакция в том состояла, чтобы пересмотреть и свести воедино все материалы: то и тогда работа сия представляла

бы еще множество затруднений; и тогда требовала бы она одна всего времени самого трудолюбивого и знающего редактора. Всем известно и состав нашей комиссии, и смесь наших законов, и совершенный недостаток всяких юридических познаний» [5]. Невзирая на все трудности, комиссия Сперанского за один год работы продвинула вперед дело подготовки не только Гражданского уложения, была разработана также большая часть судебных уставов. Сперанский говорил, что можно было бы продвинуться вперед быстрее, если бы все вопросы не оказались в одних руках.

Н. М. КАРАМЗИН

Хотя проект Уложения был напечатан для членов Государственного совета, текст его получил весьма широкую огласку. Правая оппозиция, враги Сперанского, как это бывает, обратили внимание не на достоинства работы, не на то, что она устранила пробелы в законодательстве, а лишь на слабые стороны проекта и на неизбежные в таком деле недостатки. И глашатаем этих сил опять выступил Н. М. Карамзин. Высмеяв все попытки на протяжении многих десятилетий навести порядок в законодательстве, он обрушился с особой жестокостью на рассматриваемый проект и самого его создателя, который якобы ограничился переводом кодекса Наполеона. «Благодаря Всевышнего, — писал Карамзин, — мы еще не подпали железному скипетру сего завоевателя; у нас еще не Вестфалия, не Итальянское королевство, не Варшавское герцогство, где кодекс Наполеона, со слезами переведенный, служит Уставом гражданским. Для того ли существует Россия как сильное государство около тысячи лет, для того ли около ста лет трудятся над сочинением своего полного уложения, чтобы торжественно, перед лицом Европы, признаться глупцами и подсунуть седую нашу голову под книжку, слепленную шестью или семью экс-адвокатами и экс-якобинцами? Петр Великий любил иностранное, однако ж не велел бы, без всяких дальних око-

личностей, взять, например, шведские законы и назвать их русскими... Кстати, не начинать Русское уложение главою о правах гражданских, коих в истинном смысле не бывало и нет в России? У нас только политические или особенные права разных государственных состояний; у нас дворяне, купцы, мещане, земледельцы и пр. Все они имеют особенные права: общего нет, кроме названия русских» [6]. Сказано прекрасно. Но здесь следует разобраться. При всем уважении к памяти Н. М. Карамзина нам необходимо заметить, что осуждение кодекса Наполеона можно объяснить лишь политическими обстоятельствами того времени. Россия была на пороге войны с Наполеоном, который покорил почти всю Европу. На антифранцузских настроениях и пыталась сыграть оппозиция. Что же касается самого кодекса Наполеона, то он соответствовал своему времени, в нем юридически были закреплены капиталистические отношения. Своим проектом Сперанский попытался разбить оковы сословного права и хоть незначительно, но уравнять в правах существующие в России сословия.

Ошибается Н. М. Карамзин и относительно законодательства Петра I. Некоторые положения его законов были заимствованы в шведском, голландском и немецком законодательстве: часть воинского устава, все военные артикулы, генеральный регламент, устав главного магистрата.

Образцом для областного управления при Петре служили учреждения Швеции. Новые учреждения не без труда приживались на русской почве. Петр I постоянно совершенствовал как верховную, так и местную администрации.

«Пусть сличат безобразные компиляции, представленные мне от комиссии, т. е. от Розенкампфа, — писал впоследствии Сперанский. — И если найдут из сотни два параграфа, коим бы я воспользовался, я уступлю им всю честь сего произведения. Другие искали доказать, что уложение, мною внесенное, есть перевод с французского или близкое подражание; ложь или незнание, кои изобличить тоже нетрудно: ибо то и другое напечатано. В источнике своем, т. е. в римском праве, все уложения всегда будут сходны; но со здравым смыслом, со знанием сих источников... можно почерпать прямо из них, не подражая никому и не учась ни в немецких, ни во французских университетах» [7].

Безусловно. первый проект страдал многими недостат-

ками, в нем были противоречия, встречались сложные формулировки. Нельзя лишь забывать, что вершился этот труд очень оперативно.

Предложение Сперанского император принял, и на имя Лопухина был дан рескрипт, коим реформатору не только предписывалось «заниматься сим делом, представлять свои изъяснения и примечания на статьи», но и поручалось составление протоколов заседаний и доклад о них Александру I.

Неудивительно, что через пять месяцев Розенкампф будет уволен из состава комиссии.

Несмотря на то что Сперанский стоял во главе дела, комиссия ему подчинена не была. Ее возглавлял Балугьянский, приятель и сослуживец Сперанского. Две части Гражданского уложения (права личные и права вещественные) были рассмотрены Государственным советом при участии Сперанского еще в 1810 г., третья — о договорах — хотя и была приготовлена Сперанским, но обсуждалась в декабре 1813 г., после его ссылки.

В Государственном совете с 21 ноября 1821 г. по 21 декабря 1822 г. вновь возобновились прения по представленным проектам комиссии. Из 1343 статей, рассмотренных в 49 заседаниях Совета, остались без изменений 622. Бурную дискуссию вызвали статьи, регулирующие договорные, семейно-брачные и наследственные отношения. И тогда было признано целесообразным вновь рассмотреть обе первые части, а затем найдено было «еще более полезным» и совсем отложить рассмотрение проекта под предлогом необходимости составления предварительного Свода действующего законодательства.

Истинные мотивы такого решения Государственного совета были высказаны Сперанскому после его возвращения в Петербург управляющим государственной канцелярией А. Н. Олениным. «Решение Государственного совета лишний раз доказывает, — писал он, — что наши государственные люди, устрашенные превратностью и дерзновением мыслей и замыслов людей нынешнего времени, видят даже в самых искренних желаниях лучшего в управлении государством тайные намерения, направленные, по их мнению к ниспровержению старого порядка. Сей страх действует в них так сильно, что они в существующем порядке никаких недостатков не видят, хотя он уже давно от времени и от разных обстоятельств пришел в совершенный упадок и запутанность. В сем-то именно виде — ниспровержения коренных наших законов

и замене их совершенно новыми — принят был некоторыми членами Государственного совета и проект Гражданского уложения. Малый формат книги, в коей сей проект заключался, показался им весьма сомнительным. Люди, привыкшие с самых юных лет видеть, что даже неполное собрание действующих у нас гражданских законов составляет немалое число рукописных книг или десяток или более печатных томов, крайне были удивлены и даже, так сказать, испуганы, когда объявлено было, что вся масса сих законов заключается в одной книжице, напечатанной в восьмушку и довольно крупным шрифтом на 248 страницах. В самом деле, по долговременной привычке видеть огромные кипы существующих законов, трудно им было вдруг постигнуть и убедиться в том, что, отбросив из них все, что составляет обыкновенную форму предисловия, объяснения, повествования и общепринятого Сенатом заключения, а также бесконечные повторения, что за устранением всех таких излишеств при составлении полного и систематического уложения, самое существо закона содержится обыкновенно в нескольких строках и что потому как гражданское уложение, так и все другие коренные узаконения во всей их полноте могут быть весьма удобно помещены в малом числе небольших печатных книг» [8].

Свод законов Российской империи

Находясь в Пензе и Сибири, Сперанский особенно остро чувствовал отсутствие четкого законодательства. В докладах на высочайшее имя он убедительно доказывал необходимость безотлагательного создания Свода законов. В противном случае, писал он, в центре и на местах будут продолжаться произвол, лихоимство, взяточничество и беззаконие. Сперанский резко критиковал комиссию по составлению законов, труды которой оказались совершенно бесплодными.

Выше мы уже говорили о том, что Сперанский предложил Александру I меры по наведению порядка в работе комиссии. В частности, предлагалось, чтобы Государственный совет в определенный день заслушивал материалы комиссии по частям. Совет должен их «рассматривать и судить», т. е. оценка деятельности комиссии и вносимых ею предложений должна осуществляться не частным лицом, а государственным органом коллегиально.

В январе 1826 г. Сперанский направил императору Николаю I несколько записок с предложениями продолжить работу по наведению порядка в российском законодательстве. Доводы Сперанского признаны были основательными, и они послужили созданию Второго отделения собственного его величества канцелярии. Комиссия составления законов упразднялась. Однако не Сперанский стал во главе Второго отделения, а М. А. Балугьянский. Руководство же всеми делами и доклады государю возлагались на Сперанского. Итак, талант и знания Сперанского были вновь использованы, но он оказался опять под надзором.

Николай I предупредил Балугьянского: «Смотри, чтоб Сперанский не наделал таких же проказ, как в 1810 году, ты у меня будешь за него в ответе» [9]. Это предупреждение — косвенное свидетельство того, что Сперанский не отказался от своих идей в области законодательства и его кодификации, выработанных при Александре I.

Николай I в интересах дела без колебаний поручил эту важнейшую работу Сперанскому, понимая, что тот единственный в России человек, способный довести успешно дело до конца. Объяснить такое «доверие» можно еще, наверное, и тем весьма существенным обстоятельством, что Михаил Михайлович был автором манифеста по восшествии Николая I на престол. Кстати сказать, составление манифеста сначала было поручено Н. М. Карамзину, но его редакция не удовлетворила нового «помазанника божьего» и обратились к искусному перу Сперанского. Им же было написано письмо от государя цесаревичу Константину Павловичу, отказавшемуся от престола.

Сперанский, естественно, мог бы отказаться от такого «доверия» нового императора, но не обидой он руководствовался, а стремлением выполнить исключительно нужное для России дело. Призвав Сперанского к составлению кодекса законов, император потребовал от него представления подробного плана предстоящих работ, что Сперанский и не замедлил исполнить. На основании этого плана все работы по кодификации права распадались на три части. Прежде всего надо было составить так называемое «Полное собрание законов», затем «Свод законов» и, наконец, «Уложение». Если «Полное собрание законов» должно было быть не чем иным, как собранием важнейших памятников русского права (начиная с Соборного уложения), соединенных вместе, в хронологическом порядке

без всякого изменения, то «Свод законов» должен был быть собранием действующего законодательства, изложенного по известной системе без особых и принципиальных его изменений.

Венцом всей работы Сперанский видел Уложение, в котором все законодательство должно было быть переработано на основе общих принципов и состояния действующего права с учетом общественно-политического развития страны. Предшествующий опыт показал, что необходима именно такая последовательность в проведении кодификации. Неоднократные попытки приведения законов в систему не имели успеха из-за того, что Уложение создавалось без свода существующих законов, а своды — без полного их собрания. Уложения нельзя создать без соединения и анализа прежних законов с необходимыми дополнениями и исправлениями, исходя из практики их применения.

Характерно, что император Николай I, признав безусловно необходимым составление «Полного собрания законов» и «Свода законов» действующих, отверг, однако, мысль Сперанского о составлении Уложения, потому что эта мысль казалась ему «слишком отвлеченною, слишком теоретическою». С присущей ему прямолинейностью Николай I заявил, что новое Уложение Сперанского приведет к серьезным потрясениям существующего правопорядка. Зная могучие творческие силы Сперанского, нельзя, конечно, не пожалеть, что Уложение не было составлено именно им, так как никто, кроме него, не мог бы лучше совершить это великое дело. Николай I не допускал ни малейшей возможности каких-либо рискованных опытов и экспериментов в области законодательства, а именно таким опытом, такой «бомбой» для прогнившего крепостнического строя могло бы стать новое Уложение законов. Именно Уложение, включившее в себя наиболее прогрессивные нормы права, могло бы активно работать на развитие экономической, политической и духовной жизни страны. Известно, что консервация старых крепостнических порядков дворянским правительством во главе с Николаем I привела Россию к поражению в Крымской войне. Несмотря на отчаянное сопротивление русских солдат и матросов, возглавляемых выдающимися полководцами Нахимовым и Корниловым, в 1855 г. пал Севастополь. России был навязан унизительный договор.

Нельзя было и думать, что Николай I поддержит Сперанского в его стремлении подготовить и утвердить новое

Уложение, так как, несомненно, при переработке действующего права в Уложении у Сперанского появился бы большой простор для правового творчества и существенных изменений действовавших крепостнических порядков, чего Николай I и его окружение не желали.

Как же были организованы работы по кодификации? Первой стадией по замыслу Сперанского (в отличие от плана, который он составил при Александре I) должно было быть «Полное собрание законов». Гигантское предприятие это, уже к началу 1830 г. выразившееся в издании 45 обширных томов с 42 тыс. статей, велось следующим образом. Из государственных сенатских, коллежских архивов Вторым отделением были собраны реестры всех узаконений, на базе их составлен общий реестр, а затем обратились к первоисточникам. Прорецензировано 3000 книг, содержащих сенатские протоколы, важнейшие постановления сверены с подлинниками. Конечно, не обошлось без пропусков, так как в огромном море собранного материала ориентироваться было исключительно сложно. Собрание узаконений не предполагалось использовать в практических целях. Таким образом, в первое «Полное собрание законов» было помещено более 30 тыс. различных указов, актов и постановлений, начиная с Соборного уложения до вступления на престол императора Николая I. Научно-историческая важность собрания такого материала чрезвычайно велика, особенно если принять во внимание, что само издание предпринималось Сперанским с полной осмотрительностью и уважением к тексту памятников, почему и нельзя не поставить эту работу в заслугу как Сперанскому, так и всем участникам дела.

К работе над сводом Сперанский пригласил нескольких профессоров, воспитанников Царскосельского лицея, Московского университета.

Создав «Полное собрание законов», дающее представление о том, как «законы образовались, возрастали, изменялись», Сперанский, естественно, пошел дальше в своей кодификационной работе, т. е. до составления Свода, который должен был представлять собой, по мысли Сперанского, лишь то, что в законах «оставалось неизменным и ныне сохраняет свою силу и действие». При составлении Свода законов действующих реформатор нередко был не только собирателем и систематизатором действующего права, но и истинным творцом многих юридических норм, особенно в области гражданского права. Пе-

ред составителем Свода стояла задача: «Свод есть верное изображение того, что есть в законах, но он не есть ни дополнение их, ни толкование». Взяв за образец все лучшие тогдашние кодексы (римский, французский, прусский и австрийский), Сперанский хотел, чтобы Свод был русским Corpus juris, «общим составом законов и в таком своем качестве должен он обнимать все части законодательства во всей их совокупности». Правила же, по которым должны были редактироваться отдельные части Свода, сводились, говоря кратко, к следующему. Прежде всего из Свода исключались законы, отмененные силой позднейших постановлений, и все повторения, причем, если законы содержали несколько постановлений на один и тот же случай, в Свод вводилось полнейшее. Законы вводились в состав Свода буквально из тех источников, на которых они основывались. Из законов, противоречащих друг другу, нужно было «избирать тот, который лучше других». Но как, однако, определить, какое из многих узаконений надо считать лучшим? Отвечая на этот вопрос, Сперанский говорил, что «Свод преступил бы свои границы, если бы сочинители его приняли на себя судить, который из двух противоречащих законов лучше». Поэтому, уходя от такого анализа, решено было придерживаться того правила, что из двух противоречивых законов следовало отдать предпочтение «позднейшему», как отменяющему предыдущий. Чтобы «под видом законов старых не вкрались законы новые» (что в действительности и случилось), решено было отдать отдельные статьи и разделы Свода на рассмотрение министерств и Государственного совета.

Началась огромная изнурительная работа по ревизии Свода. При министерстве юстиции образован был особый комитет для выполнения большого объема работы.

Весьма любопытна и сама систематизация законодательного материала, но мы не будем здесь останавливаться на этом вопросе, так как он слишком объемен. Скажем лишь, что когда кардинальные реформы Александра II поколебали многие части первоначальной редакции Свода, когда наконец были приняты гражданские законы, то Свод утратил свое былое значение и достоинство. Да и творец его при жизни видел недостатки этого огромного труда. Свод для Сперанского был первым подготовительным этапом на пути к Уложению, при создании которого замеченные недостатки действующего законодательства должны были исправляться, а законодательные нормы —

подвергаться общему и всестороннему пересмотру. Не вина Сперанского, что ни при его жизни, ни позднее, в течение более 50 лет, составления Уложения не последовало. Отчасти потому, что с огромным трудом продвигалось создание Гражданского уложения, а отчасти и потому, что исключительно стройная система законов Свода помогла ему получить «обманчивый вид полного кодекса». Строгая критика и рассматривала Свод как Уложение действующих законов. Ясно, что Свод не мог дать всего того, что ждала от него юридическая практика. И об этом предупреждал его творец.

Неоспоримым достоинством Свода для своего времени было то, что он во многих частях не был абстрактным произведением. Он включил в себя много начал, выработанных и проверенных жизнью. Многое здесь могло казаться устарелым и требующим отмены, но так как по обстоятельствам того времени на это было мало надежды, то лучше всего было, конечно, ограничиться простым сведением воедино всего действовавшего права. Уже одно это приведение в систему всего законодательства, положения которого по большей части излагались до Свода во множестве казуистичных, разнопринципных и повсюду разбросанных норм, имело громадное и научное, и практическое значение.

Законы, ранее известные главным образом только немногим юристам, стали доступны для многих. Обширные научно-критические, исторические и иные работы, касавшиеся богатейшего материала, заключенного в «Полном собрании законов» и в Своде законов, значительно содействовали оживлению юридической мысли и, несомненно, подготовили почву для создания в будущем Уложения.

19 января 1833 г. состоялось заседание Государственного совета, обсудившего представленный Свод законов. Было принято решение пользоваться текстами существующих законов до 1 января 1835 г., а затем должен был вступить в силу в полном объеме Свод законов Российской империи.

На этом заседании Николай I, сняв с себя Андреевскую звезду, надел ее на Сперанского.

1 января 1839 г., в день своего рождения, Сперанский пожалован был графским титулом. Случилось это незадолго до его скоропостижной смерти, наступившей 11 февраля 1839 г.

Заметим в заключение нашей работы следующее. Жизнь, деятельность, политические воззрения Сперанского еще ждут своих исследователей. До сих пор остаются глубоко неизученными многочисленные труды, проекты законодательных и административных актов, вышедшие из-под пера великого реформатора. Все великое, прогрессивное того исторического периода не обходилось без постоянного, непосредственного и самого заинтересованного участия Михаила Михайловича Сперанского.

Как бы сегодня мы ни оценивали кодификацию русского права, Сперанский представляется нам как непосредственный участник великого дела преобразования России.

Вместо заключения

✻

Действительно, Сперанский был исключительным явлением первой половины XIX в. Без особого преувеличения он может быть назван великим реформатором государственного устройства России, подлинным кодификатором русского законодательства, человеком, отдавшим весь свой талант, все силы во имя будущего. Остается лишь сожалеть, что его государственно-правовые идеи не были полностью претворены в жизнь. Случись это, народы России значительно раньше освободились бы от крепостного права и царизма, а экономическое, политическое и духовное развитие страны пошло бы более энергично. Его планы несли в себе известный заряд буржуазного развития России.

Хорошо известно влияние идей Сперанского на декабристов. Как отмечали они сами, своеобразная универсальность, энциклопедичность, ум, удивительная работоспособность, смелость мысли в какой-то мере формировали мировоззрение тех, кто в декабре 1825 г. выйдет на Сенатскую площадь, заставляли размышлять многих над действительными причинами сохранения самодержавия и крепостничества, вызывали «духовный ропот» среди передовой молодежи. Братья Тургеневы, Г. С. Батеньков, С. Г. Волконский, П. Г. Каховский, братья Бестужевы и многие другие декабристы были заражены преобразовательными планами Сперанского и его практической деятельностью.

Сперанский и декабристы одинаково верно понимали особенность своей эпохи, «дух времени», отличавшийся распространением революционных мыслей, остро ощущали необходимость глобальных преобразований в стране.

И в планах Сперанского, и в конституции декабристов было много общего. Последние пошли дальше реформато-

ра, вынужденного учитывать социальный заказ как Александра I, так и Николая I. Планы Сперанского не шли дальше превращения России в «истинную монархию», дальше «дарованной сверху конституции», а освобождение крестьян сводилось им к законодательному регулированию крестьянских повинностей. Отмечая половинчатость и непоследовательность реформ Сперанского, декабристы тем не менее взяли в свой политический арсенал целый ряд идей Сперанского, критически использовали его опыт. Они рассчитывали на его помощь в случае успеха восстания.

Из ряда имен возможных кандидатов во временное правительство непосредственно перед восстанием 1825 г. назывались имена только М. М. Сперанского и Н. С. Мордвинова. Они должны были войти в состав правительства, цели и задачи которого тщательно разрабатывались руководством Северного общества.

Известно, что накануне восстания Сперанский общался с его членами. Именно он сообщил декабристам дату присяги Николаю, так как ему было поручено подготовить манифест.

Николай I подозревал Сперанского в соучастии в подготовке восстания. Этим объясняется его назначение членом Верховного уголовного суда, судившего декабристов. Видимо, таким образом Сперанский был вынужден искупать свою «вину».

Участие в работе суда было его большой личной трагедией. Ведь ему пришлось судить не только патриотически настроенных и близких людей. Суд вершился над политическими принципами, им выстраданными, за которые он многие годы отбывал в ссылке. Суд вершился над эпохой, в какой-то мере им создаваемой.

И все-таки он должен был судить лучших сынов своей страны. Декабристы в его понятии нарушили закон, подняли руку на власть законную, следовательно, они должны быть судимы. Но Сперанский не мог не чувствовать, что суд этот неправедный...

Позже Сперанский назначается членом Комитета 6 декабря 1826 г. (один из многочисленных специальных комитетов, в которых решались наиболее важные вопросы социально-политического и экономического развития страны). Комитету было поручено «обозреть настоящее положение всех частей управления, дабы из сих соображений вывести правила к лучшему их устройству и исправлению...».

В Комитет вошли виднейшие деятели того времени, а возглавлял его председатель Государственного совета В. П. Кочубей. Николай I потребовал от Комитета разработать предложения по изменению государственного устройства империи. Была проведена огромная работа, и душой этого нового Комитета снова стал Сперанский. Были тщательно подготовлены проекты законов о Государственном совете, Судебном и Правительствующем сенатах, Комиссии прошений об общем учреждении министерств и др. И вновь Сперанский пытается утвердить основные положения своей политической программы. Разработанные проекты предлагали более четкое разграничение дел Совета и Сената. Последний делился, по мысли Сперанского, на два, Комитет министров упразднялся.

Н. С. МОРДВИНОВ

В вопросах местного управления Комитет поддержал Сперанского, предлагавшего учредить общие присутствия при губернаторах и в уездах, т. е. почти те же советы, которые он установил в Сибири. И здесь Сперанский выступает за законность, гласность, представительный характер власти, за более рациональную организацию системы государственного управления, за постепенную отмену крепостного права.

«Не уновлениями, — писал Сперанский, — но непрерывностью видов, постоянством правил, постепенным исполнением одного и того же плана устроятся государства и совершаются все части управления. Следовательно, продолжать начатое, завершить неоконченное, раскрывать преднамеренное, исправлять то, что временем, обстоятельствами, попущениями исполнителей или их злоупотреблениями совратилось со своего пути — в сем состоит все дело, вся мудрость...» [1].

Николай I отверг большинство предложенных реформ. В борьбе за правое дело Сперанский вновь потерпел кру-

шение. «Он действовал в эпоху, — заметил С. М. Середонин в своей книге в 1909 г., — которую история когда-нибудь охарактеризует как одну из наименее правдивых в жизни человечества» [2].

В плане государственных преобразований М. М. Сперанского нетрудно с современной точки зрения найти немало недостатков, но все же нельзя не признать за ним очень большого таланта.

Дело Сперанского остановилось, но оно не погибло.

Примечание

ОТ АВТОРА

[1] *Якушкин В. Е.* Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905. С. 15—20.
[2] *Сеславин Д. Н.* М. М. Сперанский. Киев; Харьков, 1899. С. 5.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[1] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1—2. СПб., 1861. Т. 2. С. 6.
[2] Там же. С. 17.
[3] Там же. С. 46.

ГЛАВА ВТОРАЯ

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 76.
[2] *Дмитриев Ф. М.* Сперанский. М., 1862. С. 20.
[3] Там же. С. 22.
[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 30.
[5] *Дружинин Н. М.* Избранные труды: Социально-экономическая история России. М., 1987. С. 261.
[6] См.: *Palmer A.* Alexander I: tsar of war and peace. N. Y., 1974. P. 107—111.
[7] Членом Комитета по военным поселениям был утвержден и Сперанский. Им была даже написана брошюра, в которой он отстаивал целесообразность этого института. Чем же объяснить эти страницы в биографии Сперанского? Во-первых, это была в какой-то мере уступка Аракчееву, проявившему сочувствие к судьбам ссыльного (см. об этом ниже). Во-вторых, в брошюре он выступал за принятие устава о военных поселениях, который должен регламентировать деятельность поселений, поставить их в рамки закона и тем самым ограничить произвол военного чиновничества. Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что к моменту написания этой брошюры многим казалось, что военные поселения есть первый шаг к ликвидации крепостного права. Нет, автор не пытается здесь защитить Сперанского. Однако проблема военных поселений, да и личность их создателя освещены в историографии однобоко, упрощенно.
[8] Отечественная война и русское общество, 1812—1912: В 7 т. М., 1911. Т. 2. С. 170.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

[1] Цит. по: *Довнар-Запольский М. В.* Политические идеалы М. М. Сперанского. М., 1905. С. 10.
[2] Цит. по: *Калягин В. А.* Политические взгляды М. М. Сперанского. Саратов, 1973. С. 15.

[3] *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 10.
[4] *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 81.
[5] Там же. С. 82.
[6] См.: Современные зарубежные исследования русской правовой мысли XIX в. М., 1982. Вып. 1. С. 134—135.
[7] *Довнар-Запольский М. В.* Указ. соч. С. 12—13.
[8] Там же. С. 39.
[9] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 83.
[10] Там же. С. 148.
[11] Там же. С. 85, 179, 180, примеч. 313, 186.
[12] Там же. С. 188.
[13] Там же. С. 54—55.
[14] Там же. С. 184.
[15] Там же. С. 54.
[16] Цит. по: *Довнар-Запольский М. В.* Указ соч. С. 35.
[17] Черновые редакции «Введения» были опубликованы Н. И. Тургеневым еще в 1847 г. Окончательный вариант был обнаружен в советское время и издан в сборнике под редакцией С. Н. Валка. См.: *Сперанский М. М.* Указ. соч.
[18] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 166.
[19] Там же. С. 172.
[20] Характеристика грамоты дворянской звучит так: «Это привилегия рабов, уполномочивающая их тяжесть цепей, ими влачимых, возлагать на других слабейших. Какую связь польз дворянство сие иметь с народом? Не на исключительном ли праве владения земель и людей, как вещественной собственности, основаны главные его преимущества? Не от суда ли самовластного, государем установленного, зависит имение и лицо дворянина? Не четырнадцать ли раз каждый дворянин, переходя из класса в класс, чувствует на себе силу неограниченной воли и не четырнадцать ли раз, привязываясь к сей воле, отторгается он от народа?» (*Рождественский С. В.* // Зап. ист.-филол. фак. Спб. ун-та. 1910. Ч. 96, вып. 1. С. 377—378).
[21] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 17.
[22] Там же. С. 21.
[23] См.: Современные зарубежные исследования... Вып. 1. С. 146.
[24] Там же. С. 148.
[25] См.: Там же. С. 140.
[26] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 154, 156.
[27] Там же. С. 160.
[28] Там же. С. 160, 164.
[29] Там же. С. 163.
[30] Там же. С. 160.
[31] Там же. С. 165, 168, 223.
[32] Там же. С. 144, 227, 232.
[33] Там же. С. 153—154.
[34] *Юшаков С. Н.* М. М. Сперанский: Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892. С. 85.
[35] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 43.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[1] *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 116.
[2] Там же. С. 117.
[3] Отечественная война и русское общество, 1812—1912. М., 1911. Т. 2. С. 162.

[4] Цит. по: Там же. С. 175.
[5] Цит. по: *Дмитриев Ф. М.* Сперанский. М., 1862. С. 76.
[6] Там же. С. 82.
[7] Там же. С. 94—95.
[8] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1—2. СПб., 1861. Т. 2. С. 111.
[9] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 216.
[10] Там же. С. 217.
[11] Там же. С. 174.
[12] Цит. по: *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый: Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 3. С. 45.
[13] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 233.
[14] См.: ПСЗ. 1-е собр. Т. 31. № 24064. § 73.
[15] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 236—237.
[16] *Корф М. А.* Указ. соч. Т. 2. с. 120.
[17] *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 201.
[18] Там же. С. 203.
[19] Там же. С. 207.
[20] Там же. С. 205.
[21] ПСЗ. 1-е собр. Т. 31. № 24307.
[22] Цит. по: *Якушкин В. Е.* Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905. С. 19.
[23] См.: ПСЗ. 1-е собр. Т. 30. № 26436.
[24] См.: Отечественная война и русское общество. Т. 2. С. 189.
[25] *Сеславин Д. Н.* Вся Россия: Энциклопедическая библиотека. Киев, 1899. С. 17.
[26] Там же. С. 39.
[27] Цит. по: *Середонин С. М.* Граф М. М. Сперанский. СПб., 1909. С. 38, 188—189.
[28] Цит. по: *Дмитриев Ф. М.* Сперанский. М., 1862.
[29] Цит. по: *Середонин С. М.* Указ. соч. С. 43.
[30] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 68.
[31] Цит. по: *Якушкин В. Е.* Указ. соч. С. 21.
[32] Цит. по: *Корф М. А.* Указ. соч. С. 344.
[33] Записка графа Сперанского о монетном обращении с замечаниями графа Канкрина. СПб., 1895. С. 37.
[34] Цит. по: *Корф М. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 242.
[35] Цит. по: *Никитин А.* Пушкин и Урал. Пермь, 1984. С. 64.

ГЛАВА ПЯТАЯ

[1] См.: Отечественная война и русское общество, 1812—1912 гг.: В 7 т. М., 1911. Т. 2. С. 201.
[2] Цит. по: *Фатеев А. Н.* М. М. Сперанский (1809—1909): Библиогр. очерк. Харьков, 1910. С. 41—43.
[3] Цит. по: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1—2. СПб., 1861. Т. 2. С. 57.
[4] Там же. С. 84.
[5] Цит. по: *Фатеев А. Н.* М. М. Сперанский. С. 49.
[6] См.: *Дмитриев А.* Очерки из истории губернского города Перми. Пермь, 1889. С. 175.
[7] См.: *Фатеев А. Н.* Сперанский — генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942. С. 6.
[8] *Карамзин Н. М.* Записки о древней и новой России. СПб., 1914. С. 118.

[9] См.: *Фатеев А. Н.* Сперанский — генерал-губернатор Сибири. С. 16.
[10] Цит. по: *Середонин С. М.* Граф М. М. Сперанский. СПб., 1909. С. 136.
[11] Цит. по: *Фатеев А. Н.* М. М. Сперанский. С. 133.
[12] *Корф М. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 130—131.
[13] См.: Современные зарубежные исследования русской правовой мысли XIX в. М., 1982. Вып. 1. С. 160.
[14] См.: *Сергеевский Н. Д.* О ссылке в древней России. СПб., 1887.
[15] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 285.
[16] Цит. по: *Середонин С. М.* Указ. соч. С. 148.
[17] Ясак вводился «Положением 1763 года», разработанным первой ясачной комиссией. Обложение было приведено в соответствие с количеством душ мужского пола в возрасте от 18 до 50 лет и предусматривало натуральный сбор. Существовало два вида оклада: высший (лисий) и низший (соболиный). В некоторых случаях допускалось и денежное взимание ясака.
[18] Исторические этюды. СПб., 1872. С. 395.
[19] ПСЗ. Т. 38, № 29, 126. § 13. С. 395.
[20] Там же. С. 396.
[21] *Светличная Л. И.* Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского (1822 г.). Тюмень, 1957. С. 63. (Учен. зап. Тюмен. гос. пед. ин-та).
[22] ПСЗ. Т. 38, № 29. § 13. С. 397.
[23] Подробно см.: *Светличная Л. И.* Указ. соч.
[24] *Palmer A.* Alexander I: tsar of war and peace. N. Y., 1974. P. 401.
[25] Цит.: *Гессен А.* Во глубине сибирских руд. М., 1976. С. 25.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

[1] *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1—2. СПб., 1861. Т. 2. С. 147—148.
[2] *Сперанский М. М.* Проекты и записки. М.; Л., 1961. С. 17—18.
[3] Там же. С. 18.
[4] *Винавер М. М.* К вопросу об источниках X тома Свода законов: (Записка Сперанского). СПб., 1897. С. 24.
[5] *Корф М. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 159.
[6] *Карамзин Н. М.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 48.
[7] План государственного преобразования М. М. Сперанского. М., 1905. С. 338—339.
[8] Цит. по: *Винавер М. М.* Указ. соч. С. 8—9.
[9] *Корф М. А.* Указ. соч. Т. 2. С. 306.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

[1] Цит. по: *Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1—2. СПб., 1861. Т. 2. С. 333.
[2] *Середонин С. М.* Граф М. М. Сперанский. СПб., 1909. С. 184.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРМСКОЕ ПИСЬМО
М. М. СПЕРАНСКОГО
К ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ I

ФРАГМЕНТЫ ИЗ СОЧИНЕНИЯ
М. М. СПЕРАНСКОГО
«ПРАВИЛА ВЫСШЕГО КРАСНОРЕЧИЯ»

Пермское письмо Сперанскаго къ Императору Александру I [1]).

Изучая исторію царствованія Императора Александра I-го, я долго отыскивалъ подлинную оправдательную записку Сперанскаго, присланную знаменитымъ изгнанникомъ изъ Перми. Наконецъ, мои поиски увѣнчались успѣхомъ: она оказалась среди бумагъ графа Аракчеева и была ему отдана императоромъ Александромъ. Графъ Аракчеевъ переплелъ ее и другія важныя историческія бумаги въ одну книгу съ слѣдующимъ заглавіемъ: «Бумаги, собранныя графомъ Аракчеевымъ. 1-го января 1826 года въ С.-Петербургѣ». На всеподданнѣйшемъ подлинномъ письмѣ Сперанскаго имѣется слѣдующая собственноручная надпись графа Аракчеева: «по-

[1]) Подлинный текстъ впервые напечатанъ въ „Русскомъ Архивѣ", 1892 г., № 1.

лучено отъ Государя 4-го апрѣля 1823 года. Читалъ 5-го апрѣля всѣ три оныя бумаги по утру въ 5 часовъ, въ спальнѣ».

Оправдательная записка Сперанскаго была напечатана два раза: 1) въ книгѣ «Дружескія письма графа М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому. Спб., 1862.», 2) въ приложеніяхъ къ сочиненію А. Н. Пыпина: «Общественное движеніе въ Россіи при Александрѣ I. Спб. 1885» (второе изданіе)[1].

Н. Шильдеръ.

Всемилостивѣйшій Государь,

При отлученіи меня Ваше Императорское Величество, между прочими знаками милостиваго вниманія сказали мнѣ: «что во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили бы годъ или два, чтобы точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія, къ Вамъ о мнѣ дошедшія». Изъ сего я долженъ заключить, что мнѣніе Ваше о мнѣ еще не рѣшено невозвратно. Впослѣдствіи назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная, защита Ваша утвердили еще болѣе сію надежду.

---

[1]) Оба раза съ очень неточныхъ копій.

Среди дѣлъ столь высокой важности мнѣ казалось непристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательный, могу ли я ласкаться, что Ваше Величество удостоите исполнить то, что прежде признавали справедливымъ?

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери [1]), потому что всякій другой путь откровеннаго изъясненія мнѣ пресѣченъ, и не знаю еще, какъ и сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ.

Удостойте, Всемилостивѣйшій Государь, вниманія объясненія, при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета, судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться; но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ государственныхъ.

Есмь съ благоговѣніемъ Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный М. Сперанскій.

---

[1]) Дочь Сперанскаго уѣхала изъ Перми 4 февраля 1813 г. *(Примѣч. изд. Русск. Арх.)*.

Въ самомъ началѣ царствованія Ваше Императорское Величество постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія, и слѣдовать ему неуклонно.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія Ваши, учрежденія, кои, по важности и пространству своему, могли бы прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, если бы или люди были справедливѣе, или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители коихъ Ваше Величество употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый попеременно, въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія въ большемъ или меньшемъ степени. Сему и быть надлежало, когда Ваше Величество и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычка и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Невзирая на сіе, черезъ 12 лѣтъ Ваше Величество постоянно слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы; но главная мысль и намѣреніе оставались непремѣнными.

До 1808-го года я былъ почти только зрителемъ и удаленнымъ исполнителемъ сихъ преобразованій; но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда въ 1808 году Вашему Величеству угодно было поручить мнѣ черезъ графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ преобразованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808 года, послѣ разныхъ частныхъ дѣлъ, Ваше Величество начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ вошедшія и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ, можетъ быть, разговоровъ и разсужденій Вашего Величества надлежало, наконецъ, составить одно цѣлое.

Отсюда произошелъ *планъ всеобщаго государственнаго образованія.*

Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго; но идеямъ, съ 1801-го года занимавшимъ Ваше вниманіе, дано въ немъ систематическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобъ, посредствомъ законовъ и установленій, утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію сея власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіе слишкомъ двухъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и исправленій, Ваше Величество положили, наконецъ, приводить его въ дѣйствіе.

Блистательнѣе, можетъ быть, было бы всѣ установленія сего плана пріуготовить вдругъ, открыть единовременно: тогда они явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. Но Ваше Величество предпочли твердость сему блеску и признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія, нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи. Сколько предусмотрѣніе сіе ни было основательно, но впослѣдствіи оно содѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправильныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цѣли и конца перемѣнъ, устрашились вредныхъ уновленій.

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и расширялась клевета и ненависть, всегда ихъ преслѣдовавшая.

I. Совѣтъ. Учрежденіе сіе, за мѣсяцъ прежде открытія, сообщено было графу Николаю Ивановичу, графу Завадовскому и к. Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили. Всѣ послѣдствія его оправдали. Но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе Французскому, хотя, кромѣ раздѣленія дѣлъ, ничего они не имѣютъ общаго. Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть государеву. Гдѣ и какимъ образомъ? Не по Государеву ли повелѣнію дѣла вносятся въ Совѣтъ? Не единымъ ли словомъ его? Но зависть и клевета лучше желаютъ казаться слѣпыми, нежели быть безгласными.

II. Министерства. Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи министрамъ, но до 1810 года ихъ не было. Безпорядокъ и смѣшеніе, при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. Ваше Величество, стоя въ средоточіи дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ

о необходимости сего учрежденія. По мыслямъ Вашего Величества составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе председателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составленъ общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежняго перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны и на будущее время нѣсколько разъ еще измѣниться могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроля; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію Вашего Величества въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ столь опредѣлительнымъ и твердымъ. Оно лежитъ теперь покрыто пылію и прахомъ; но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ частнымъ уста-

вамъ. Возложено было на самыхъ министровъ составить проекты, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ, кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства—и это былъ я. Мнѣ одному противъ осьми сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У одного министра финансовъ, не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два департамента и, сверхъ того, нѣсколько отдѣленій, и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе ста тысячъ рублей. Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсѣчь притязанія власти, привести ее въ предѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою, и словомъ всѣ сіи наказы во все передѣлать. Можно ли было сего достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ?

Другіе, можетъ быть, меня счастливѣе, совершатъ сію работу; но совершить ее необходимо, ибо какъ скоро одно министерство движется по данному направленію, то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія; иначе они

другъ друга затруднять будутъ, какъ то опытъ уже и доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ какъ занимались сею работою, Ваше Величество подтверждали мнѣ многократно объ образованiи Сената.

III. Сенатъ. Образованiе Сената было въ необходимой связи съ учрежденiемъ министерствъ. Не могутъ два сiи установленiя идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ.

Проектъ сего образованiя прежде всего сообщенъ былъ графу Завадовскому, князю Лопухину и графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотрѣнъ въ собранiи предсѣдателей, напечатанъ и внесенъ въ совѣтъ; мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобъ каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ хода сего дѣла всякъ легко могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласiя ни предвосхитить его смятенiемъ и поспѣшностiю.

Невзирая на сiе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзающаго мою личность. Обращусь къ самому источ-

нику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія. Возраженія сіи большею частію, происходили отъ того, что элементы правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, не довольно еще пораженъ несообразностями настоящаго вещей порядка, чтобы признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми. И слѣдовательно, надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, еще попустить безпорядокъ и злоупотребленія, чтобъ, наконецъ, такъ сказать, ихъ ощупали, и тогда, вмѣсто того, чтобъ затруднять намѣренія Ваши, сами бы пожелали ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестію вырвалась у меня въ самыхъ публичныхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ Вашему Величеству и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ и теперь должна находиться. Могъ ли я тогда подумать, что сіе самое разсужденіе дастъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое впослѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проекта были многочисленны и уважительны. Съ твердостію и чистотою намѣреній. Ваше Величество не рѣшались еще остановить испол-

ненія; двумя записками въ разное время, отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколь неудобно было бы при настоящемъ расположеніи умовъ продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ симъ возрастающіе слухи о войнѣ рѣшили, наконецъ, Ваше Величество отложить его до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ время сіе настало. Проектъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ или совсѣмъ передѣланъ людьми, болѣе меня свѣдующими; но я твердо увѣренъ, что безъ устройства Сената, сообразно устройству министерствъ, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботы, нежели пользы и достоинства.

IV. Законы. Есть люди, кои и Комиссію Законовъ считаютъ вреднымъ установленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени почти непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того ходу, какого бы желалъ; но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано, въ теченіе двухъ лѣтъ, болѣе, нежели во все предыдущее время. Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ пла-

22

нахъ и обѣщаніяхъ; въ мое время не только составлены твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ Совѣтѣ разсмотрѣны двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія; третья и послѣдняя требовала только отдѣлки.

Со всѣмъ тѣмъ никогда не хвалился я сими работами и охотно и въ свѣтѣ, и передъ Вашимъ Величествомъ раздѣлялъ честь ихъ съ комиссіею; но несправедливости людей принуждаютъ меня, наконецъ, быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ комиссіи, т. е. отъ г-на Розенкампфа, и если найдутъ во стѣ два параграфа, коими бы я воспользовался, я уступлю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно, ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе, мною внесенное, есть переводъ съ Французскаго или близкое подражаніе: ложь или незнаніе, кои изоблечить также нетрудно, ибо то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т.-е. въ Римскомъ правѣ, всѣ уложенія всегда будутъ сходны; но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и коренного ихъ языка можно почерпать прямо изъ нихъ,

не подражая никому и не учась ни въ Нѣмецкихъ, ни во Французскихъ университетахъ.

V. Финансы. Въ исходѣ 1809 года, тогда какъ Ваше Величество занимали меня планомъ общаго образованія, предсталъ вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекавшій на себя все Ваше вниманіе. Ваше Величество съ справедливымъ безпокойствомъ взирали на постоянный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть, что средства къ наполненію недостатковъ, Вамъ представляемыя, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возросло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ, заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ въ 105.000.000 руб., а способовъ къ замѣнѣ его никакихъ въ виду не было.

Вступало къ Вамъ множество проектовъ, но всѣ они представляли минутныя и вредныя облегченія. Ваше Величество желали открыть корень зла и пресѣчь его, доколѣ была еще возможность.

Сею одною рѣшительностію, смѣло могу утвердить, Ваше Величество спасли тогда государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій,

22*

составленъ былъ *планъ финансовъ* и внесенъ въ комитетъ, который тогда въ домѣ г. Гурьева собирался. По двухнедѣльномъ предварительномъ разсмотрѣніи онъ признанъ былъ необходимымъ и представленъ Совѣту. Были споры, но самое важное большинство его одобрило. Принялись за исполненіе.

Здѣсь тѣ же самые члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того, чтобъ единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его, и тотъ, кто долженъ былъ главнымъ быть его исполнителемъ, министръ финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ его противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противорѣчіе? Оно изъясняется слѣдующимъ. Весьма легко сказать: *прекратить выпускъ ассигнацій*; но надобно было чѣмъ нибудь ихъ замѣнить. Для сего надлежало:

1) Сократить и привести въ порядокъ издержки; а здѣсь-то и неудобства и роптаніе. Вмѣсто того, что прежде каждый министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, въ новомъ порядкѣ надлежало все вносить въ годовую смѣту, потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта,

часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе и, въ концѣ всего, еще ожидать ревизіи контролера. Самъ министръ финансовъ подвергся тому же правилу. Могъ ли кому нравиться сей вещей порядокъ?

2) Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ двадцать лѣтъ Россія ихъ не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакоже, чтобъ кто-нибудь ее понесъ. Судьба и несправедливость людей меня избрали на сію жертву; меня осыпали эпиграммами, ругательствами и проч., а другіе были въ сторонѣ.

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхами народнаго неудовольствія и подозрѣніями во мнѣ. Отчетъ, который за 1810 годъ имѣлъ я счастье представить въ февралѣ послѣдующаго года, изображалъ во всей ихъ силѣ мои опасенія [1]). Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія и тогда же просилъ уволить меня отъ званія г. секретаря. Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои страхи, и мои желанія.

Такъ прошелъ 1810 годъ.

1811 годъ представилъ совсѣмъ против-

---

[1]) Отчетъ сей въ бумагахъ.

ныя явленія. Тутъ министръ финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные[1]). Онъ, министръ, доказывалъ, что въ половинѣ года все станетъ; прошелъ цѣлый годъ, ничто не остановилось, передержка была малозначаща. Тѣмъ не менѣе я и въ семъ году былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и, сверхъ того, близкая война. Министръ финансовъ представилъ систему налоговъ чрезмѣрно крутую и тягостную. Часть ихъ принята, другая замѣнена налогами легчайшими. Сіе смягченіе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужили послѣ министру финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя отвѣтственность и, по примѣру 1810 года, но уже съ большею силою, на меня одного обратить всѣ неудовольствія.

Если бы въ сіе время можно было напечатать всѣ представленія сего министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали спокойно въ дѣлахъ

---

[1]) **Представленіе его и журналы Совѣта въ Канцеляріи Государственной.**

Совѣта, а манифестъ, съ примѣчаніями, толкованіями, Московскими вѣстями и ложными страхами, ходилъ по рукамъ.

Я мнилъ, что спокойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ разсѣетъ сію бурю. Въ самомъ дѣлѣ, она начинала утихать; налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ [1]).

Но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть [2]) не дремала и воспользовалась сопряженіемъ обстоятельствъ.

Приступаю къ подробностямъ, весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностію, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненія: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ.

1) *О финансахъ*. Къ 1810 году доходы государственные составляли около 125.000.000.

---

[1]) Большая ихъ часть и теперь еще существуетъ.

[2]) Разумѣю моихъ доносителей. Имена ихъ Вашему Величеству извѣстны.

Къ 1812 они доведены до 300.000.000. Приращеніе—въ два года 175.000.000.

Слова можно прикрасить, исказить и перетолковать; а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ, перемѣнить нельзя.

Смѣло могу еще разъ утверждать, что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь, когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословеніе людей благомыслящихъ. Тогда, смѣю думать, и мое имя, и мои бѣдствія вспомнять не безъ сожалѣнія.

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честью самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ государственныхъ людей, не только у насъ, но и во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать, что если бы въ свое время онъ не былъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но и встрѣтить ее было бы не съ чѣмъ. И тотъ же планъ, въ обширныхъ его примѣненіяхъ, можетъ еще доставить важныя пособія въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отъ чего же столько ропоту? Отъ того,

что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отъ чего же—еще вопрошаютъ—понизились еще болѣе ассигнаціи со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства; онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ то же самое время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46.000.000 новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, по единому незнанію, представленъ былъ неправильный счетъ той массы, которая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности тогда узнать было никакъ невозможно, основаны были первыя операціи. Но совсѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый годъ, ассигнаціи потомъ такъ твердо установились, что въ теченіе трехъ послѣдующихъ лѣтъ онѣ сохраняли постоянно свое достоинство и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ свободнѣе, по цѣнѣ ихъ, принимаются въ народѣ, нежели самое серебро. Сіе ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита?

2) *О ропотѣ отъ налоговъ.* Какое странное притязаніе желать, чтобы народъ кланялся и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! Естественно, сперва поговорятъ, побра-

нятъ, потомъ перестанутъ, а со временемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ. Гдѣ же не бранили за налоги? Но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? Если налоги въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда же дѣвалась сія опасность въ мартѣ, въ маѣ, въ іюнѣ? Гдѣ слѣды сего общаго неудовольствія? какимъ же волшебствомъ тотъ же народъ, то же дворянство, коего ропотомъ въ февралѣ стращали, въ маѣ и іюнѣ готовы были всѣмъ жертвовать? Откуда сія перемѣна? Налоги не были сложены; напротивъ, во многихъ мѣстахъ усилены. Слѣдовательно, опасный ропотъ сей была басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, проживъ весь вѣкъ свой въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстямъ судятъ и о дѣлахъ государственныхъ и даже (горько помыслить) мнятъ управлять ими.

Не могу миновать здѣсь одного примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался, сколько могъ, означить.

Не попустите, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система, коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества,

чтобъ система сія, всегда приводившая государей къ безславію, а государства къ бѣдствіямъ, превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего правительства, доселе составлялъ отраду народа и надежду всѣхъ людей просвѣщенныхъ и благомыслящихъ. Одни мечтатели, или люди коварные и властолюбивые, могутъ видѣть въ народѣ самомъ кроткомъ и добродушномъ въ подданныхъ, привыкшихъ повиноваться самой малѣйшей власти и Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ,— могутъ, въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его и пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропоты опасности, причины важныхъ подозрѣній. Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу назвать ихъ, если они существуютъ, преступленіемъ противъ самого Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ происшествій и сохранившій для благоденствія Россіи, безъ сомнѣнія, сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ личной преданности и какой-то привязанности къ старымъ Русскимъ правиламъ. Истинныя Рус-

скія правила суть взаимная любовь и довѣріе между государемъ и подданными, точное отношеніе отца къ дѣтямъ; а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо и пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не Русскіе, но совѣты или малодушные, или злые, и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно когда его презираютъ; напротивъ, строптиво и ужасно, когда его слушаютъ. Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе. Враги мои могли очернить меня передъ Вами, но никогда не отучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія.

3) *Объ отзывахъ.* Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоитъ въ томъ, что я отзывался худо о правительствѣ.

Если доносители разумѣютъ подъ именемъ правительства тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, т.-е. разныя установленія, то правда, что я не скрывался и въ послѣднее время, съ горестію многимъ повторялъ, что они, состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и несообразны. Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю ска-

зать, и мнѣніе Вашего Величества; скрывать же сего я не имѣлъ никакой нужды.

Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей, его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь. Гoресть, — видѣть все искаженнымъ, все перетолкованнымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчію и, при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противоположность имъ на дѣлѣ; горесть снѣдавшая мое сердце и часто доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой-либо въ дѣлахъ успѣхъ, невзирая на всѣ Ваши желанія, горесть сія часто, а особливо въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и и финансовыхъ споровъ, вырывалась у меня невольнымъ образомъ изъ сердца. Но, Всемилостивѣйшій Государь, измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми жестокими укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? И, впрочемъ, сіи самые члены правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ толико оскорбилась, не воздали ли мнѣ сами за сіе сторицею?

Но, чтобъ могъ я имѣть подъ именемъ правительства разумѣть особу Вашего Величества, душа моя возмущается при размы-

шленіи, что я доведенъ до того, чтобъ опровергать сію гнусную клевету иначе, какъ презрѣніемъ. Съ 1801 года, черезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душею за всѣми Вашими намѣреніями и въ послѣдніе два года былъ близкимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были одни мои орудія; въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и успѣховъ. Никогда я ни въ чемъ важномъ не желалъ, да и не могъ я получить Вашего согласія иначе, какъ посредствомъ самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. Для сего сочиняемы были мною не докладныя записки, но, можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю сослаться на собственныя Ваши воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. Какимъ же образомъ, съ какою уродливою лживостью, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ бы я порицать и злословить въ послѣднее время то, чтó очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіе толь многихъ лѣтъ? Для чего? Какую цѣль могла имѣть сія лжи-

вость? Возбудить неудовольствіе, но въ комъ? Въ Армфельдѣ и Балашовѣ? И на какой же конецъ? Чтобъ сдѣлать переворотъ въ правительствѣ? Но въ чью пользу? Гдѣ способы? Гдѣ сообщники? Гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20-ти лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двухгодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и уши открыты слушать обо мнѣ всякую клевету и нелѣпость, открылъ ли кто одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой-либо связи подозрительной?

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце. Непріятели могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ французской системѣ; но Ваше Величество, зная мои по сей части работы, не могли колебаться. Поведеніе мое столь было ясно, что если бы бумаги и дѣла мои можно было напечатать, тогда сами непріятели мои устыдились бы своихъ предположеній. Не я ли былъ одинъ изъ первыхъ, который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоявшую войну и на всѣ козни, ей предшествовавшія? Ссылаюсь на подробныя записки, многократно, въ разныхъ эпохахъ и за долгое время поднесенныя. Они всѣ находятся въ моихъ бума-

гахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто, можетъ быть, по крайней мѣрѣ, случайно столько не содѣйствовалъ, чтобы заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, какъ я. Когда отправляли въ Парижъ графа Ниссельрода, на краткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному, и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая впослѣдствіи содѣлалась однимъ изъ главныхъ источниковъ свѣдѣній вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ? И впрочемъ, если бы и не могъ я привести сихъ и симъ подобныхъ множества подробностей и доводовъ, какъ можно вообще согласить слѣдующія противорѣчія: быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ то же время всемѣрно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемо сей самой ненависти? Пусть согласятъ все сіе мои доносители: мнѣ и писать, и мыслить о семъ уже омерзительно.

Между тѣмъ однакоже сіе жестокое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціею, бывъ поддержано эпохою моего удаленія [1]), составляетъ теперь самое важное и, могу сказать, *единственное пятно* моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать: въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ вы обязаны, Государь, сіе сдѣлать. Вы не можете тутъ имѣть во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія. Вашею тайною, а не своею, я связанъ; слѣдовательно, Вамъ же и развязать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною?

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти? Отъ того что сіи разныя лица составляли одно тѣло, *а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ* [2]).

---

[1]) А паче въ Пермь.

[2]) Въ подлинникѣ съ боку поставлено карандашомъ, *повидимому*, рукою императора Александра, NB. Это, впро-

23

Если бы въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно мнѣ было не спускаться къ симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, и я легко бы могъ показать и начало ихъ, и происхожденіе; открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы, и личные корыстолюбивые ихъ расчеты; указать всѣ лица, запечатлѣть каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ея средоточіи и представить на все столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть, онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? Онѣ будутъ теперь имѣть видъ *рекриминацій*, всегда ненавистныхъ. И, сверхъ того, враги мои, можетъ быть, и въ сію минуту стоятъ передъ Вашимъ Величествомъ, а я за 2.000 верстъ и [illegible]сь почти совершенно въ ихъ власти [1]).

Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое, бывъ обвиненію постороннимъ, чрезмѣрно однакоже обрадовало моихъ непріятелей, давъ имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истиною.

Ваше Величество припомнить, безъ сомнѣнія, изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и про-

---

чемъ, единственная помѣта, встрѣчающаяся на страницахъ подлиннаго письма Сперанскаго (*Примѣч. Шильдера*).

[1]) Это не фраза, а сущая истина.

силъ исходатайствовать ему у Васъ минуту вниманія. «На что?» изволили Вы спросить. «Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ казать канцлеру, не представивъ прежде Вамъ». Ваше Величество сказали мнѣ, что позовете его чрезъ Геслера, что̀ дѣйствительно и исполнили и, давъ ему Ваши наставленія, дозволили и впередъ въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря меня за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что-либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать, въ чистотѣ совѣсти не считая меня чуждымъ правительству и его тайнамъ. Съ вѣдома ли его, или нѣтъ, но чрезъ третье лицо, въ самомъ дѣлѣ, изрѣдка и безъ связи, получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что̀ они въ себѣ содержали? Пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія, кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе всегда зналъ, нежели они. Что̀ могли мнѣ новаго сказать какой-нибудь г. Бушъ и ему подобные жалкіе дипломаты? Слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать

имъ высокой важности. Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ [1]) удостовѣритъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности; числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи; а все вмѣстѣ можетъ увѣрить, что тутъ могло быть легкомысліе, но никто никогда не въ силахъ превратить его въ государственное преступленіе.

Со всѣмъ тѣмъ, и прежде, и теперь, я повергаю себя единственно въ Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели во всемъ правымъ.

Нужно ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣиваемы были моими врагами, о нравственныхъ моихъ правилахъ и связяхъ моихъ съ мартинистами, иллюминатами, и проч.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ: вообще о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственныя мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда Ваше Величество пожелали о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, я съ удо-

---

[1]) При удаленіи, я доставилъ ихъ къ в. в.

вольствіемъ готовъ былъ посвятить Вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды мнѣ сіи тѣмъ были пріятнѣе, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными вашими чувствіями. Не изъ книгъ, не изъ сектъ и партій почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали слишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія, и хотя не имѣлъ еще я времени открыть Вамъ во всемъ пространствѣ истинное ихъ знаменованіе, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное Ваше сердце и на самыя бумаги, у васъ оставшіяся, что̀ другое въ сихъ истинахъ Вы отъ меня слышали, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастья, всего изящнаго и высокаго? Да и когда, при какомъ случаѣ слышали Вы, Всемилостивѣйшій государь, отъ меня другія правила? Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? На кого навелъ я какую-либо тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и

при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту терпѣливость къ ихъ слабостямъ, ту кротость и снисхожденіе, коею Богъ и природа въ благости своей Васъ одарили.

Всемилостивѣйшій Государь! Въ невидимомъ присутствіи Бога Сердцевѣда смѣю здѣсь вопросить: такъ ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привесть его въ ненависть?

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространство сихъ изъясненій. Въ теченіе двухъ почти лѣтъ враги мои говорили одни. Мнѣ оставалось страдать и молчать.

Въ награду всѣхъ горестей, мною претерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и благу государства подъятыхъ, въ признаніе чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ и, наконецъ, въ воспоминаніе тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ частныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною, — прошу единой милости: дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

Если въ семъ уединенiи угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую-либо часть публичныхъ законовъ, разумѣя гражданскую, уголовную или судебную, я приму сiе личное отъ Вашего Величества порученiе съ радостiю и исполню его безъ всякой помощи, съ усердiемъ не ища другой награды, какъ только *свободы* и *забвенiя.*

Богъ, общiй Отецъ и Судiя государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благiя намѣренiя Вашего Величества на пользу государства; да ниспошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушiя и усердныхъ безъ властолюбiя. Сiе будетъ навсегда предметомъ желанiй человѣка, коего многiе въ службѣ могутъ быть счастливѣе, но никто не можетъ лично Вамъ быть преданнѣе.

ПРАВИЛА

ВЫСШАГО КРАСНОРѢЧІЯ.

Сочиненіе

Михаила Сперанскаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной
Его Императорскаго Величества
Канцеляріи.

1844.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ИЗДАНИЯ

О СОЧИНЕНІИ.

«Non satis est dixisse, ego mira poëmata pango.» Тѣ ошибаются, кои думаютъ, что одно чтеніе и природныя дарованія довлѣютъ къ тому, чтобъ писать чисто и краснорѣчиво.—Сочинить книгу, говоритъ Лабрюйеръ, есть родъ ремесла, такъ какъ сдѣлать часы. Чтобъ быть писателемъ, мало къ сему имѣть умъ. Нѣкоторому судьѣ, продолжаетъ онъ, личныя его заслуги давали право на первѣйшее въ обществѣ достоинство: онъ былъ оборотливъ и опытенъ въ дѣлахъ: но онъ издалъ нравственное твореніе, рѣдкое по своей глупости. Чтобъ сочинить съ успѣхомъ, нужно, чтобъ умъ имѣлъ всю свободу мыслить; чтобъ не развлекался онъ пріисканіемъ пристойныхъ оборотовъ, рѣченій чистыхъ и значительныхъ словъ. Сіи мелкія заботы надобно оставить одному перу. Нужно, чтобъ воображеніе занималось только тѣмъ, чтобъ снять образъ вещи или составить ея картину въ умѣ: краски, тѣни, все нужное къ тому, чтобъ написать ее,—все сіе уже должно быть готово, или родиться вдругъ. Но какъ скоро на каждой строкѣ теченіе мыслей вашихъ будетъ прерываться, какъ скоро для каждой мысли вамъ нужно еще будетъ спрашивать у вашей памяти словъ или выраженій: отчайтесь написать что нибудь красивое; ваше воображеніе, разсѣянное по

столь многимъ и столь различнымъ предметамъ, потеряетъ свою силу; его жаръ охладѣетъ; и вы напишете творенiе несвязное, безъ плавности, безъ огня, безъ силы. Вы будете поправлять; но какъ поправка есть родъ сочиненiя, то вы при ней впадете въ тѣ же погрѣшности, или увеличите число первыхъ. Никогда тщанiе и осторожность не замѣняли опытности и упражненiя. И вотъ что случается со всѣми тѣми, которые мало сочиняли!

«Надобно прежде изчерпать всѣ роды заблужденiй, чтобъ дойти до истины»—говоритъ Фонтенель. Надобно прежде изчерпать все посредственное, чтобъ потомъ написать что нибудь истинно краснорѣчивое. Это потому, что все наилучшее въ знанiяхъ всегда лежитъ, такъ сказать, на днѣ; это потому, что умъ нашъ утончевается постепенно, и утончевается собственнымъ своимъ упражненiемъ. Тысячи изображенiй нравились намъ въ первыхъ опытахъ нашего пера. Они имѣли для насъ удовольствiе новости; они ласкали нашему самолюбiю: ибо они были, такъ сказать, первенцы нашего ума. Но мы поступили далѣе, и теперь ихъ презираемъ, понеже степень ихъ красоты, довольствовавшiй насъ тогда, не довольствуетъ уже теперь; понеже мы производили нѣчто лучшее; понеже вкусъ нашъ утончился; понеже умъ нашъ возвысился; и мы поднялись на высоту, съ которой, взирая на сiи первыя покушенiя, смѣемся и себѣ и имъ. Прибавьте къ сему, что въ

словѣ есть тысяча вещей, которыхъ ни чтеніе, ни правила намъ открыть не могутъ. Есть нѣкоторые таинственные и едва постигаемые уму оттѣнки, которыхъ ничто не можетъ намъ указать, и кои можемъ мы сами только примѣтить въ своихъ сочиненіяхъ. Я представляю божество краснорѣчія обитающимъ въ великолѣпномъ храмѣ; на лонѣ его почиваетъ геній вкуса и дарованія; его окружаютъ великіе умы древности и временъ новѣйшихъ. Все сильное, все возвышенное, все плѣняющее человѣческаго слова, тамъ изсѣчено на мраморныхъ дскахъ златыми буквами. Тамъ, обстоимъ своими любимцами, изрекаетъ имъ сей богъ свои оракулы; тамъ открываетъ имъ свои тайны; тамъ пріемлютъ они вдохновеніе его благодати. Блаженъ, кто можетъ внимать священнымъ наставленіямъ его! Онъ можетъ тогда презирать всѣ правила человѣковъ, и жалѣть о ихъ творцахъ.—Но при входѣ въ храмъ сей, видно божество неутолимое. Это критика. На строгомъ ея челѣ начертана справедливость и безпристрастіе; черты лица ея суровы, но правильны и постоянны; въ очахъ ея блещетъ огнь и проницательность. Одной рукой опершись на адамантовый столбъ, поставленный нѣкогда богомъ твердаго вкуса, въ другой держитъ она пламенникъ, ввѣренный ей издавна разумомъ. Симъ-то роковымъ пламенникомъ озаряетъ она всѣхъ вступающихъ въ храмъ и ихъ творенія; все слабое, все принужденное, все напыщенное из-

чезаетъ при сіяніи его, какъ слабый звѣздный свѣтъ стирается свѣтомъ солнца; часто изглаждаются цѣлыя творенія, и ихъ творцы отступаютъ съ негодованіемъ отъ храма. Врата его отверзаются только предъ тѣми, кои выдержали сей великой опытъ. Предъ храмомъ толпятся юные подвижники слова, сопровождаемые своими путеводителями. Сіи послѣдніе могутъ только пособить дарованіямъ ихъ, восходить на сію высокую и утесистую гору, гдѣ стоитъ храмъ; они могутъ только проложить имъ путь и издали указать его имъ: но они не могутъ имъ отворить врата его. Каждый долженъ отворить своимъ ключемъ; и сей ключъ есть ихъ собственное въ словѣ упражненіе. Несчастливы тѣ, кои преодолѣвъ толико препятствій, единаго сего не докончили! Не думайте Г. мои, чтобъ самъ я хотѣлъ доказывать необходимость упражненія въ сочиненіи. На что доказывать, что, не рисовавъ своею кистію, не можно составлять картинъ, хотя и можно знать силу ихъ, или быть умозрительнымъ знатокомъ? На что доказывать, что, не учась играть на инструментахъ, не можно быть музыкантомъ, хотя и можно знать ноты? Я хотѣлъ только показать связь сея необходимости съ нашею душею, и собрать главныя черты сея истины въ аллегорическое изображеніе. И такъ, подположивъ, что само по себѣ очевидно, и принявъ за основаніе естественный даръ оратора, первое правило будетъ сіе:

1. Напиши сто небольшихъ сочиненій, прочитай ихъ съ доброю критикою, брось ихъ потомъ въ огонь, и продолжай далѣе писать. Первое послѣдующее за ними твореніе положитъ эпоху твоего краснорѣчія, и ты можешь быть увѣренъ, что совершилъ первой къ нему шагъ.

Примѣчаніе. Я знаю, что сіе правило покажется строго. Въ самомъ дѣлѣ, разстаться съ столь прекрасными твореніями, каковы обыкновенно бываютъ наши, и, что всего хуже, бросить въ огонь, яко слабые и начальные опыты пера,—я вѣрю, что это ударъ для самолюбія. Но не надобно себя обманывать, говоритъ Лонгинъ. Неможно быть краснорѣчивымъ, какъ подходя близко къ Цицерону или Демосѳену. Я указую симъ точку совершенства. Она отстоитъ далеко, и едва бываетъ постижима обыкновеннымъ глазомъ. Счастливые умы могутъ къ ней приблизиться. Но самъ Цицеронъ признается, что ея не достигъ. Между тѣмъ, знать ея мѣсто—во всѣхъ наукахъ необходимо. Философы давно уже примѣтили, что наши заблужденія не столько происходятъ отъ нашего незнанія, сколько отъ того, что не зная мы почитаемъ себя совершенно свѣдущими, и предѣлъ нашихъ познаній поставляемъ предѣломъ самыхъ вещей.—Аристъ во всю свою жизнь сочинилъ только два разсужденія. Онъ выправляетъ или портитъ ихъ, сколько можно лучше, перечитываетъ ихъ своимъ друзьямъ; простодушная его улыбка при нѣкоторыхъ мѣстахъ его творенія вырываетъ улыбку и у нихъ. Для чего не сдѣлать человѣку удовольствія, когда оно имъ стоитъ мало? Сверхъ сего Аристъ, какъ человѣкъ учтивой, самъ много разъ зѣвая, удивлялся ихъ твореніямъ: для чего не быть къ нему признательнымъ, и для чего не сказать, что Аристъ пишетъ божественно? онъ за сіе заплатитъ тою же

монетою. И такъ вотъ вашъ Аристъ и ораторъ, т. е. такой человѣкъ, который нашелъ ключъ къ человѣческому сердцу, и обрѣлъ точку, съ которой всегда можно его потрясать, восхищать и давать ему всѣ движенія, какія только будетъ угодно. Съ довольнымъ видомъ, съ глупою усмѣшкою, Аристъ презираетъ весь свѣтъ; и весь свѣтъ презираетъ Ариста: впрочемъ, онъ имѣетъ дарованія; но для чего онъ пишетъ столь худо, спросите вы? понеже думаетъ, что пишетъ божественно.

2. Второе правило даетъ для сочиненія намъ Горацій въ сихъ стихахъ:

Scribendi recte, sapere est et principium et fons.
Rem tibi Socraticæ poterunt ostendere chartæ,
Verbaque provisam rem non invita sequentur.

И такъ сперва размысли о предметѣ; раздроби его понятіе; разсмотри, къ какому роду истинъ принадлежитъ онъ; взвѣсь, сколько онъ тяжелъ, и можешь ли ты его снесть?

Sumite materiem vestris, qui scribitis, æquam
Viribus, et versate diu, quid ferre recusent,
Quid valeant humeri. Cui lecta potenter erit res,
Nec facundia deseret hunc, nec lucidus ordo.

Ясно, что сія часть сочиненія собственно относится къ Нравственной Философіи, — къ сей наукѣ, толико у насъ пренебреженной и толико нужной человѣку и оратору. Я не разумѣю подъ Нравственною Философіею сего ученаго собранія бездѣлокъ, украшеннаго всею пышностію доказательствъ, которыя тономъ догматическимъ научаютъ насъ

тому, что мы давно уже знали, и открываютъ намъ тайны всему свѣту извѣстныя. Оставимъ безплоднымъ и сухимъ умамъ, симъ вѣчнымъ младенцамъ, съ важностію ребячиться и играть словами. Я называю Нравственною Философіею науку познавать человѣка. Отецъ ея — Сократъ, сей мудрецъ, отверзшій дверь къ человѣческому сердцу; Сократъ первый утвердилъ престолъ ея въ Греціи. Оттуда она простерла златой свой скипетръ къ народамъ. Она изучилась у Платона сему простому и величественному слогу, который, возвышая умъ, говоритъ нашему сердцу. Съ паденіемъ временъ и перемѣнами свѣта, ея сіяніе померкло, и въ вѣкъ ученаго невѣжества видны только были нѣкоторые слабые и потухающіе, такъ сказать, ея блески. Но когда просвѣщеніе въ другой разъ разверзло сильною своею десницею сіи мрачныя тучи, собравшіяся надъ нами; тогда и она облеклась въ прежній свой свѣтъ, и восприяла упадшій изъ рукъ ея скипетръ. Тогда явились сіи свѣтоносные умы, внесшіе сильною рукою пламенникъ испытанія въ самые сокровеннѣйшіе исходы сердца. Сама истина вводила ихъ въ святилище мудрости. Тамъ на престолѣ, поддерживаемомъ геніемъ разума и опыта, они видѣли лежащъ златый свитокъ. Никогда рука непросвѣщеннаго не дерзнула разгнуть сей священный свитокъ. Единая истина могла къ нему прикасаться. Она разгнула его и показала имъ

вѣрное изображеніе человѣка. О, сколь оно было просто и сколь величественно! Нося вездѣ съ собою кисти и краски, они тотчасъ сняли съ сего подлинника, сколько можно, вѣрные списки; и удивленный человѣкъ въ первой разъ увидѣлъ точное образа своего въ нихъ очертаніе. О, сколь оно было несходно съ тѣмъ, которое давали ему лжемудрые! Это правда, что въ сихъ изящныхъ изображеніяхъ были нѣкоторые недостатки. Множество тѣней предоставлено было сдѣлать кистію тончайшею, нежели каковую имѣли сіи наперсники мудрости. Одинъ Рихардсонъ могъ обрисовать совершеннѣе ихъ извѣстныя человѣка части. Онъ принялся за работу; и подъ дышущею его кистію родилось очертаніе человѣка, вѣрнѣйшее всѣхъ до него бывшихъ. Но никто еще доселѣ не могъ окончить сіи первые опыты изображенія; никто еще не могъ вразумительно отвѣчать на вопросъ: что такое есть человѣкъ? Между тѣмъ оратору необходимо нужно знать все, что по сей части наилучшаго открыто было. Онъ долженъ говорить человѣку, и по большой части о человѣкѣ. Но какимъ образомъ онъ будетъ говорить краснорѣчиво, не говоря истинно? Что такое онъ скажетъ о нашихъ должностяхъ, не зная ихъ истиннаго начала и происхожденія? Онъ будетъ только повторять мысли черни, и доказывать великолѣпнымъ слогомъ заблужденіе. Что такое скажетъ онъ о добродѣтели, не зная истиннаго ея корня, не зная эпо-

хи ея рожденія, не зная источника ея обязательствъ? Онъ только будетъ вводить признаки ея, и въ платоническомъ восторгѣ изображая добродѣтель, изобразитъ мечту, никогда несуществовавшую. Что такое скажетъ онъ о порокѣ, не зная, что такое есть порокъ, не зная перваго его очертанія въ душѣ, не зная, изъ какихъ стихій онъ слагается, какъ ростетъ, какъ усиливается, какъ вливаетъ ядъ свой въ сердце? Онъ начертаетъ порочнаго, и порочный въ семъ начертаніи себя не узнаетъ; онъ скажетъ, что таковъ есть порокъ; всѣ будутъ съ нимъ согласны—и никто не будетъ его разумѣть. Я знаю, что чернь философовъ даетъ легкія и по видимому очень простыя о всѣхъ сихъ предметахъ понятія. Но это потому, что они не заботятся о истинѣ, и лучше хотятъ отвѣчать пустыми и невразумительными словами, нежели признаться, что они не знаютъ; это потому, что они сплетаютъ басни, къ коимъ должно пріискивать истинный ихъ смыслъ; это, наконецъ, потому, что ихъ человѣкъ не есть человѣкъ, но только его идолъ, и ихъ философія не есть Философія, но замысловатая сказка. Первостепенные умы нигдѣ не находятъ столько непроходимыхъ мѣстъ, столько неизвѣстныхъ земель, столько неприступныхъ странъ, какъ въ нравственномъ мірѣ; и никакая часть Философіи не представляетъ имъ столько затрудненій, какъ часть нравственная. Это потому, что первые смотрѣли сквозь мраки предразсудковъ, и

видѣли только начальные слѣды, а вторые вошли въ самую ея средину, откуда проницательнымъ окомъ обозрѣли все ея пространство. Это потому, что во всѣхъ познаніяхъ умы посредственные видятъ все, а умы высокіе видятъ очень мало. Ибо первые, предѣлы своихъ познаній полагаютъ предѣлами самихъ вещей, и горизонтъ ихъ свѣденій кажется имъ концемъ вселенныя; а для вторыхъ карта человѣческихъ познаній есть безконечное пространство, на коемъ по мѣстамъ, и въ великомъ другъ отъ друга разстояніи, разсѣяно малое число истинъ, нѣсколько вѣроятностей, прочее все отмѣчено знакомъ неизвѣстности. И такъ, если ораторъ, коему толико нужно знать нравственность человѣка, не пробѣжитъ сіе обширное поле легкимъ шагомъ, не кинетъ на него одинъ только поверхностный взглядъ, но будетъ часто останавливаться, размышлять, и совѣтоваться съ лучшими въ семъ родѣ умами: сколько тогда онъ найдетъ въ сей, повидимому, легкой части упражненій своему уму и вмѣстѣ удовольствія сердцу! сколь успѣхи его будутъ медленны и вмѣстѣ вѣрны, и наконецъ сколь богатую онъ найдетъ здѣсь жилу для своего витійства! Посмотримъ еще на второе наше правило. Размышляй прежде о своемъ предметѣ, и чтобы сіе размышленіе было удобнѣе, раздѣли его на части и обдумай каждую часть особенно.

3. Потомъ положи главныя мыли на бумагу, и сообрази ихъ съ цѣлымъ. Примѣть, всѣ ли онѣ со-

гласны между собою; не подрываетъ ли одна другую; всѣ ли идутъ къ одной цѣли, т. е. имѣютъ ли единство, толико нужное въ словѣ.

4. Такимъ образомъ получишь ты первую основу твоей рѣчи, но это еще будутъ однѣ, такъ сказать, кости; надобно навесть на нихъ тѣло и дать имъ жизнь. Здѣсь воображеніе твое должно дѣйствовать: ибо разумъ уже окончилъ свою работу. Оно дастъ симъ сухимъ частямъ ихъ полноту и прольетъ на нихъ свой жаръ, и въ сіе мертвое тѣло вдохнетъ духъ жизни. Но какъ производится сіе чудесное одушевленіе слова, это есть таинство столькоже неизвѣстное намъ, какъ и созданіе человѣка. Творческая сила воображенія, подобно силѣ Божества, извѣстна только намъ по ея дѣйствіямъ, а не по самой себѣ.

Два примѣчанія можно сдѣлать на сіи два послѣднія правила.

1) Есть умы слишкомъ живые и бѣглые, которые не могутъ останавляться долго на одномъ предметѣ, которые мгновенно перелетаютъ отъ одной мысли къ другой, и ихъ понятія, родившись скоро, въ тужъ минуту изчезаютъ. Сей родъ умовъ не можетъ иначе размышлять, какъ остановляя быстрый полетъ своего воображенія и возвращая его часто на протекшія мысли; и для того сіи мысли во время сочиненія должны быть предъ ними присущи, чтобъ воззрѣніемъ на нихъ могли рождаться другія. Они должны, такъ сказать, ловить ихъ и тот-

часъ класть подъ перо; не въ силахъ будучи слѣдовать нити размышленія въ своей головѣ, они должны разсуждать на бумагѣ. Я примѣчу мимоходомъ, что творенія сихъ людей обыкновенно бываютъ живы, и имѣютъ много огня; но надобно, чтобъ они много писали, имѣли много соображенія въ умѣ и твердости во вкусѣ, чтобъ сочиненія ихъ были правильны, и имѣли свое единство. Положивъ сіе условіе, не можно родиться счастливѣе ихъ къ тому, чтобъ быть краснорѣчивымъ.

2) Кто писалъ много, и писалъ съ критикою, тотъ можетъ предаться въ сочиненіи жару своего пера. Пріобыкнувъ чрезъ упражненіе мыслить правильно и изображать вѣрно, ему ненужно идти ощупью и озираться непрестанно. Онъ можетъ дать свободу своему дару, бѣжать безъ узды и безъ правилъ, и не прежде наблюдать путь, котораго онъ въ семъ дѣлѣ держался, какъ уже совершивъ его.

И такъ, сей боязливой ходъ, или сіе осторожное поведеніе ума въ сочиненіи, должны имѣть мѣсто только въ первыхъ нашихъ начаткахъ, а не въ зрѣлыхъ произведеніяхъ. Въ сихъ послѣднихъ надобно имѣть благородную смѣлость, и даже падать съ гордостію. Кто боится вступить разъ отважною ногою, тотъ вѣчно будетъ ползать. Но съ другой стороны, тотъ никогда не будетъ ходить твердо, кто не ходилъ прежде опираясь и какъ бы колеблющимся шагомъ; словомъ, надобно прежде писать мед-

ленно и съ нѣкоторою холодностію, чтобъ послѣ не писать, но лить пламень изъ пера.—Клеанѳъ писалъ не много; но онъ имѣетъ плодовитый умъ. Ему надобно сочинить рѣчь. Онъ бросается къ столу, хватается за перо, пишетъ. Его мысли стекаютъ свободно; Клеанѳъ въ скорости оканчиваетъ свою работу; Клеанѳъ любуется быстротою своего ума, и дивится пылкости своего воображенія. Въ самомъ дѣлѣ, цѣлое сочиненіе поставить въ нѣсколько минутъ, это значитъ что нибудь. Наконецъ, что такое чудное произвелъ Клеанѳъ?—онъ написалъ два листа плодовитаго вздору, и

Humano capiti cervicem iungens equinam,

онъ сдѣлалъ изображеніе блистательное по мѣстамъ, но безобразное въ цѣломъ. Поставивъ въ необъемлемомъ разстояніи мысль отъ мысли, безъ переходовъ и безъ связи, онъ написалъ въ одномъ сочиненіи десять. Вотъ какъ умѣетъ плодить творенія свои Клеанѳъ! О удивительный человѣкъ! Но для чего онъ пишетъ такъ разсѣянно, спросите вы? Это потому, что онъ пишетъ, а не мыслитъ. Но Аристъ не тоже ли дѣлаетъ? Аристъ, кажется, не мыслитъ; у него такъ же подъ перомъ родятся мысли и выраженія: и между тѣмъ Аристъ пишетъ съ связью. Это потому, что Аристъ много писалъ, и привыкъ уже мыслить на бумагѣ.

Сочиненіе имѣетъ свои возрасты, такъ какъ и человѣкъ. Сіи возрасты очень нужно знать, дабы

ошибкою не прибавить себѣ лѣтъ, и не почесть себя мужемъ въ лѣтахъ юности или младенчества. Всегда нужно знать точку совершенства, и умѣть опредѣлить въ отношеніи къ ней свое мѣсто. Мы окончимъ изображеніемъ сихъ возрастовъ наши разсужденія о сочиненіи вообще, и поступимъ къ сочиненію въ его частяхъ.

О ВОЗРАСТАХЪ СОЧИНЕНІЯ.

Когда разкроются первыя способности нашего дара; когда умъ нашъ будетъ въ состояніи управлять нашимъ вниманіемъ; и когда память столько уже наполнена будетъ образами предметовъ, что въ силахъ будетъ доставлять ему для творенія потребные матеріалы: тогда мы покушаемся полагать мысли на бумагу,—и здѣсь начинается первая эпоха нашего сочиненія; это первый и, такъ сказать, младенческій его возрастъ. Въ семъ возрастѣ мы, не въ состояніи будучи мыслить тонко, довольствуемся мыслить правильно. Нашъ умъ, какъ слабый младенецъ, тогда покушается только говорить; онъ намекаетъ нѣкоторыя слова; но не можетъ еще совершенно ихъ выразить. Стройность рѣченій, простота мыслей, множество словъ, первыя очертанія страсти, обезображенныя или недоконченныя въ ихъ отдѣлкѣ, — вотъ отличительный характеръ сего возраста!

Счастливъ, кто упражненіемъ и силою ума можетъ сократить время сего возраста! ибо есть люди, кои никогда изъ него не выходятъ. Сіи вѣчные младенцы не смѣютъ подняться выше перваго ихъ круга; и все, что время можетъ сдѣлать съ ними, это есть пріучать ихъ идти скоро, но всегда путемъ общимъ, проложеннымъ еще за нѣсколько предъ ними вѣковъ, тысячію умовъ посредственныхъ. Сей путь гладокъ и удобенъ; но никогда не провождалъ онъ ко храму истиннаго витійства; никогда слѣды Цицерона и Демосѳена на немъ не были видны. И симъ-то путемъ шествовали нѣкогда совсею важностію наши тяжелоученые писатели. Въ ихъ единообразномъ и скучномъ краснорѣчіи вездѣ видна боязливая правильность, не потому, чтобъ умъ ихъ былъ слишкомъ осторожень, или разборчивъ; но понеже они не имѣютъ столько вкуса, чтобъ дѣлать смѣлыя уклоненія, и заблуждать съ пріятностію. Они никогда не падали; понеже всегда на землѣ пресмыкались. Съ теченіемъ лѣтъ и упражненія, умъ нашъ дѣлается тонѣе. Сіи красоты, которыя сильно занимали его сперва, дѣлаются для него со дня на день болѣе легкими, и наконецъ, по малости своей, предъ нимъ совершенно изчезаютъ. На мѣстѣ прекрасныхъ своихъ сочиненій, онъ видитъ многосложное сплетеніе истинъ слишкомъ простыхъ и слишкомъ извѣстныхъ. Онъ ищетъ красотъ, которыя бы уму его болѣе стоили, и болѣе бы его упражняли. Меж-

ду тѣмъ воображеніе его достигаетъ до извѣстной степени зрѣлости; страсти начинаютъ раскрываться и говорить ему голосомъ внятнымъ. Здѣсь начинается юношескій, такъ сказать, возрастъ сочиненія. Но разумъ еще не научился упразлять имъ. Его око озираетъ уже болѣе пространства, но не можетъ проникнуть въ глубину предмета. Онъ видитъ въ матеріи много мыслей; но не умѣетъ привесть ихъ въ единство, или найти точку ихъ слiянія. Отсюда происходитъ, что въ сочиненіяхъ сего втораго возраста болѣе бываетъ отступленій и забѣговъ, нежели мыслей, изъ самаго основанія матеріи извлеченныхъ. Камень претыканія въ семъ возрастѣ есть подражаніе. Когда вкусъ получилъ уже довольно утонченія къ тому, чтобъ требовать чего нибудь большаго, нежели что доселѣ удовлетворяло: онъ ищетъ въ твореніяхъ, кои соединяютъ въ пользу свою всѣ голоса знатоковъ истинныхъ, — онъ ищетъ въ нихъ основаній красоты, и сравнивъ ихъ съ своими, хочетъ узнать различіе между сочиненіемъ худымъ и сочиненіемъ краснорѣчивымъ, дабы оттуда произвесть общее правило и расположить по немъ свои произведенія. Но сіе различіе можетъ находиться или въ словахъ, или въ мысляхъ. Первое уловляетъ онъ съ одного взгляду; а второе отъ него укрывается. Онъ дѣлаетъ слѣдующее умствованіе: «Сіе сочиненіе, по отзыву всѣхъ, прекрасно: но почему оно прекрасно?

Понеже мысли въ немъ предложены новыми словами, или по крайней мѣрѣ вновь отъ прежнихъ произведенными. И вотъ все различіе между сочиненіемъ худымъ и сочиненіемъ краснорѣчивымъ, и истинный источникъ красотъ въ словѣ»! Такъ умствуетъ Клеанѳъ, читая пресловутыя сочиненія Ариста. Клеанѳъ поздравляетъ себя съ симъ открытіемъ, и радуется, что писать краснорѣчиво ему столь мало будетъ стоить. Ибо заготовивъ нѣсколько громкихъ и новыхъ словъ, онъ не сомнѣвается, что будетъ столько же хорошій ораторъ, какъ и Аристъ. Итакъ, нашъ Клеанѳъ дѣлаетъ себѣ правило: впредь не мыслить сочиняя, но соединять пышныя слова. Онъ полагаетъ съ памятію своею тайный договоръ, поставлять ему во время сочиненія по нѣскольку сихъ словъ, а уму своему повелѣваетъ непремѣнно ихъ связывать и вмѣщать въ сочиненіе, не смотря на все сопротивленіе мыслей. Тиранъ сихъ послѣднихъ, онъ повелѣваетъ дѣлать имъ всѣ насилія, нещадя ни истины ихъ, ни простоты. Онъ хочетъ того только, чтобъ любезныя его слова не потеряли чего нибудь, или бы не были опущены. Вотъ все его желаніе! Тщетно ему говорятъ, что изъ словъ, принуждающихъ мысль, можетъ выдти одинъ великолѣпный вздоръ, что сочиненія Ариста не потому превосходны, что въ нихъ стоятъ новыя слова, но что мысли его красивы, что слогъ его текучъ, что выраженія его тонки.

ОБЩІЯ СВОЙСТВА СЛОГА.

I. *Ясность.*

Первое свойство слога, разсуждаемаго вообще, есть *ясность*. Ничто не можетъ извинить сочинителя, когда онъ пишетъ *темно*. Ничто не можетъ дать ему права мучить насъ труднымъ сопряженіемъ понятій. Какимъ бы слогомъ онъ ни писалъ, богъ добраго вкуса налагаетъ на него непремѣняемый законъ быть *яснымъ*. Объемлетъ ли онъ взоромъ своимъ великую природу? дерзкимъ и сильнымъ полетомъ онъ можетъ парить подъ облаками, но никогда не долженъ онъ улетать изъ виду. Смотритъ ли онъ на самую внутренность сердца человѣческаго? онъ можетъ тамъ видѣть тончайшія сплетенія страстей, раздроблять наши чувствія, уловлять едва примѣтныя ихъ тѣни, но всегда въ глазахъ своихъ читателей; онъ долженъ ихъ всюду съ собой вести, все имъ показывать, и ничего не видѣть безъ нихъ. Онъ заключилъ съ ними сей родъ договора, какъ скоро принялъ въ руки перо; ибо принялъ его для нихъ. А по сему, хотѣть писать собственно для того, чтобъ насъ не понимали, есть нелѣпость, превосходящая всѣ мѣры нелѣпостей. Если вы сіе дѣлаете для того, чтобъ вамъ удивлялись, сойдите съ ума—вамъ еще болѣе будутъ удивляться.

Есть другой родъ *темноты*, происходящей отъ того, когда писатель обманываетъ самъ себя, пред-

ставляя, что онъ пишетъ ясно, между тѣмъ какъ пишетъ темно. Сей родъ темноты, конечно, простительнѣе перваго; не менѣе сего, однакожъ, не простителенъ. Мы жалѣемъ о писателѣ, что онъ не умѣлъ быть съ собою чистосердечнымъ; но въ то же время проклинаемъ его творенія. Сей порокъ происходитъ или отъ смѣшенія понятій, или отъ сильнаго и слишкомъ быстраго воображенія(*). Въ первомъ случаѣ, мы не довольно выразумѣли самихъ себя, не довольно обдумали свой предметъ, чтобъ раздробить его на части и представить каждую часть раздѣльно; во второмъ, мы не умѣли поставить себя на мѣсто читателей. Въ нашемъ воображеніи, конечно, все было ясно, все понятно, все имѣло свои связи. Но мы разсѣкли сіи связи, предположивъ, что онѣ должны существовать во всѣхъ головахъ, понеже существуютъ въ нашей. Мы разсѣкли ихъ, — и уединенныя, отдаленныя мысли потеряли свой свѣтъ; ибо онѣ занимали его другъ отъ друга; т. е. мы сказали слишкомъ мало, хотя думали довольно. Есть еще третій родъ темноты, происходящей отъ того, когда мы хотимъ сказать слишкомъ много, когда говоримъ все, что ни думаемъ, когда хватаемся за всѣ побочныя понятія, встрѣчающіяся при главномъ, когда утруждаемъ и развлекаемъ симъ образомъ вниманіе читателя, и силясь все изъяснить,

---

(*) Все надобно приготовлять, чтобъ мысли развивались одна изъ другой Это есть знакъ непрерывности.

не изъясняемъ ничего. Отсюда происходитъ слогъ разсѣянный, напыщенный, слишкомъ обильный.

Сей родъ темноты есть несноснѣйшій изъ всѣхъ. Онъ держитъ душу въ бездѣйствіи, не даетъ мѣста собственнымъ ея мыслямъ, похищаетъ у нее честь изобрѣтенія, и научая ее всему, обижаетъ ея самолюбіе,—обида, коей мы никогда не прощаемъ.

А по сему весь разсудокъ сочинителя потребенъ къ тому, чтобъ сказать ни менѣе, ни болѣе, какъ сколько должно. Онъ напередъ долженъ узнать мѣру умовъ, кои будутъ его читать; онъ долженъ предвидѣть, сколько могутъ они дополнить и сколько должно имъ представить, чтобъ прочее они увидѣли сами; онъ не долженъ давать намъ своихъ мыслей; онъ долженъ заводить только наши. Я знаю, что не всѣ умы могутъ быть заведены съ одинакою легкостію, и не всѣ могутъ равно идти. Но умы лѣнивые и грубые довольны будутъ, если ихъ только сдвинуть съ мѣста, между тѣмъ какъ тотъ же ударъ сообщитъ другимъ сильное движеніе. Такимъ образомъ всѣ будутъ довольны.

Познавъ причины темноты, намъ не трудно будетъ вывесть малое число правилъ, необходимыхъ къ тому, чтобъ слогъ былъ ясенъ.

1) Не надобно стараться быть темнымъ. Должно разъ навсегда отказаться отъ удивленія глупыхъ, или рѣшиться быть презираему просвѣщенными.

2) Надобно стараться разумѣть самаго себя, потребовать у себя отчета въ собственныхъ своихъ

мысляхъ, и взявъ въ руки перо, спросить себя: разумѣю ли я себя, что пишу?

3) Надобно умѣть поставить себя на мѣстѣ читателей, удалиться и смотрѣть на самаго себя въ нѣкоторомъ разстояніи, не подполагать въ другихъ той же связи понятій, той же быстроты воображенія, какую находимъ въ себѣ; но должно пользоваться тѣмъ, что они имѣютъ, и говорить на основаніи ихъ понятій, а не на собственныхъ своихъ.

4) Надобно сказать ни слишкомъ мало, ни слишкомъ много, занимать вниманіе и не приводить его въ усталость; надобно почитать умъ читателя, но не принуждать его насъ угадывать.

II. Разнообразіе.

Второе свойство слогу общее есть—*разнообразіе*. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ сей родъ монотоніи въ слогѣ, когда всѣ побочныя понятія, входящія въ него, всегда берутся съ одной стороны, когда всѣ выраженія въ оборотѣ своемъ одинаковы; словомъ, когда мы, въ продолженіи сочиненія, предпочтительно привязываемся къ одному какому нибудь образу выраженія или формѣ.—Аристъ мнѣ читалъ свое сочиненіе. Это не сочиненіе, но собраніе примѣровъ на антитезисъ: все у него противоположено, все сражается между собою. Я сказалъ ему, что надобно быть болѣе разнообразну въ словѣ и не все выливать въ одну форму. Онъ исправился, и на другой

день принесъ мнѣ другое писаніе: противоположенія въ немъ не было; но вмѣсто того все превращено въ метафору, все изображено въ другомъ и, что всего хуже, подобіе непрестанно берется отъ одного и того же предмета. Sie in vitium ducit culpæ fuga, si caret arte.

III. Единство слога.

Не должно однако разумѣть подъ именемъ *разнообразія* сей развязанности слога, когда всѣ выраженія дѣлаютъ столько различныхъ кусковъ, оторванныхъ отъ различныхъ матерій и связанныхъ вмѣстѣ. Это было бы противно *единству* слога, третьему свойству его, столько же существенному.

Надобно, чтобы части были разнообразны, а цѣлое едино; надобно, чтобы въ сочиненіи царствовалъ одинъ какой нибудь главной тонъ, который бы покрывалъ, такъ сказать, собой всѣ прочіе. Такъ въ музыкѣ всѣ голоса различны, но всѣ подчинены главному тону, которой идетъ въ продолженіи всей піесы. Сей-то родъ гармоніи, разнообразной въ частяхъ и единой въ цѣломъ, необходимо нуженъ въ слогѣ. Отрывы и паденія изъ слога высокаго въ слогъ низкой, изъ красиваго въ посредственной, не могутъ ничего другаго произвесть, какъ разногласіе и дикость. Но понеже высокое имѣетъ подчиненные виды; понеже красивое и посредственное можетъ происходить отъ тысячи различныхъ мыс-

лей и сопряженій: оттуда происходитъ, что сочиненіе можетъ быть вмѣстѣ и едино въ главномъ видѣ слога, и разнообразно въ частяхъ своихъ.

И такъ, прежде нежели мы начнемъ писать, напередъ должны опредѣлить главной тонъ сочиненія, или дать задачу. Сей тонъ опредѣляется изъ свойства самой матеріи: и отсюда происходитъ четвертое свойство слога или

IV. Равность слога съ матеріею.

Слогъ долженъ быть равенъ своему предмету, т. е. всѣ побочныя понятія должны быть соразмѣрны своимъ главнымъ. Если главныя мысли возвышенны, всѣ зависящія отъ нихъ должны быть сильны и благородны; если первыя просты, послѣднія должны быть легки и естественны. Сіе вообще столько справедливо, и столько существенно, что возвышеннѣйшія матеріи, предложенныя слогомъ низкимъ, равно какъ и низкія, предложенныя слогомъ высокимъ, дѣлаются смѣшными, и дѣлаютъ начало всѣмъ симъ сочиненіямъ наизнанку, кои забавны только потому, что къ главнымъ понятіямъ великимъ приплетены низкія, или къ низкимъ высокія. Такъ Россійскій Скарронъ, переодѣвъ Энея и боговъ, сдѣлалъ смѣшными; такъ Боало изъ налоя сдѣлалъ поэму, Попе—изъ локона волосъ; описавъ Гомеровымъ перомъ сіи низкіе, или мелкіе предметы, они заставили насъ смѣяться. Столько-то необхо-

димо, чтобъ слогъ былъ равенъ или однозвученъ съ своею матеріею.

На первой взглядъ, нѣтъ ничего легче, какъ сіе. Между тѣмъ, однакожъ, быть ни выше, ни ниже своего предмета, есть очень рѣдкое достоинство въ писателѣ. Къ сему надобно, чтобъ онъ зналъ совершенно степень силы и напряженія, какой можетъ принять его предметъ, и къ сему степени приспособить свой слогъ; знаніе, сколько необходимое, столько и трудное.

Литература

СОЧИНЕНИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО

Рукописное наследие

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Каталог фонда М. М. Сперанского. № 731. Л., 1962.

Опись бумаг М. М. Сперанского 1812 года, изданная под редакцией князя Н. В. Голицына. Пг., 1916.

Научные труды

Сперанский М. М. О военных поселениях. СПб., 1825.

Сперанский М. М. Правила высшего красноречия. СПб., 1844.

Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. СПб., 1845.

Eine Denkschrift Speranskijs zur Reform des russischen Reiches aus dem Jahre 1811 «Observations sur la Finlande avec quelques parallèls sur les principes de l'administration intérieure» / Hrsg. P. Scheibert. B., 1859.

Физика, выбранная из лучших авторов, расположенная и дополненная Невской семинарии философии и физики учителем Михаилом Сперанским, 1797 года в Санкт-Петербурге. М., 1872.

Сперанский М. М. Обозрение исторических сведений о своде законов. 2-е изд. СПб., 1837; Одесса, 1889.

Сперанский М. М. Проект уложения государственных законов. СПб., 1893.

Записка графа Сперанского о монетном обращении с замечаниями графа Канкрина. СПб., 1895.

Записка М. М. Сперанского об устройстве судебных и правительственных учреждений в России 1803 г. [СПб., 1901].

План государственного преобразования М. М. Сперанского. М., 1905.

Попов Н. Рукописи Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Вып. 1. М., 1905; Вып. 2. СПб., 1907. В конце текста автор — М. Сперанский.

Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., 1961.

Письма

Дружеские письма графа М. М. Сперанского к П. Г. Масальскому, писанные с 1798 по 1819 год, с историческими пояснениями, составленными К. Масальским, и некоторые сочинения первой молодости графа М. М. Сперанского. СПб., 1862.

Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). М., 1869.

Письма графа М. М. Сперанского к Х. И. Лазареву. СПб., 1864.

ЖИЗНЕОПИСАНИЯ М. М. СПЕРАНСКОГО

Бычков И. А. Дополнительные заметки и материалы к «Жизни графа Сперанского» // Рус. старина. 1903. Сент. С. 497—518.
Бычков И. А. К биографии графа М. М. Сперанского // Там же. 1902. Т. 102, февр. С. 283—306.
Бычков И. А. Пребывание Сперанского в Нижнем Новгороде и Перми // Там же. 1902. Т. 110, май. С. 231—249.
Бычков И. А. Сперанский в Великополе и Пензе // Там же. 1902. Т. 110, июнь. С. 467—486; Т. 111, июль. С. 45—59.
Бычков И. А. Сперанский в 1808—1811 гг.: (Дополнительные заметки к «Жизни графа Сперанского» М. А. Корфа) // Там же. 1903. Т. 114, апр. С. 29—40.
Бычков И. А. М. М. Сперанский генерал-губернатором в Сибири и возвращение его в Петербург // Там же. 1902. Т. 92, окт. С. 35—36.
В память графа Михаила Михайловича Сперанского, 1772—1872. СПб., 1872.
Дмитриев Ф. М. Сперанский. М., 1862.
Корф М. А. Жизнь графа Сперанского. Т. 1—2. СПб., 1861.
Корф М. А. Деятели и участники в падении Сперанского: Неизданная глава из «Жизни графа Сперанского» // Рус. старина. 1902. Т. 109, март. С. 469—508.
Малицкий И. В. Граф М. М. Сперанский во Владимирской духовной семинарии. Владимир, 1900.
Мещерский И. И. Граф М. М. Сперанский: Краткий очерк его жизни и государственной деятельности. СПб., 1811.
Новаковский В. М. Биографические очерки. 2-е испр. изд. СПб., 1863.
Попов Е. М. М. Сперанский в Перми и Сибири. Пермь, 1879.
Середонин С. М. Граф М. М. Сперанский. СПб., 1909.
Сеславин Д. Н. М. М. Сперанский. Киев; Харьков, 1899.
Фатеев А. Н. М. М. Сперанский (1809—1909): Библиогр. очерк. Харьков, 1910.
Фатеев А. Н. М. М. Сперанский: Влияние среды на составителя Свода законов в первый период его жизни. М., 1915.
Фатеев А. Н. Сперанский — генерал-губернатор Сибири. Прага, 1942.
Юшаков С. Н. М. М. Сперанский: Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892.
Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia, 1772—1839. 2nd rev. ed. The Hague, 1969.

СОВРЕМЕННИКИ О М. М. СПЕРАНСКОМ

Памфлет Г. П. Ермолова на графа М. М. Сперанского. М., 1895.
Никитенко А. В. Воспоминание о М. М. Сперанском. СПб., 1872.

ЛИТЕРАТУРА О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ М. М. СПЕРАНСКОГО

Березкин С. Ф. Сперанский как кодификатор. Одесса, 1889.
Винавер М. М. К вопросу об источниках X тома Свода законов: (Записка Сперанского). СПб., 1897.
Дмитриев Ф. М. О заслугах графа Сперанского русскому законоведению. Б. м., [1852].

Довнар-Запольский М. В. Политические идеалы М. М. Сперанского. М., 1905.
Завитневич В. З. Сперанский и Карамзин как представители двух течений в царствование императора Александра I. Киев, 1907.
Калягин В. А. Политические взгляды М. М. Сперанского. Саратов, 1973.
Карамзин и Сперанский. Париж, 1858.
Катетов И. В. Граф М. М. Сперанский как религиозный мыслитель. Казань, 1889.
Кочубинский А. А. Граф Сперанский и Университетский устав 1835 года // Вестн. Европы. 1894. Т. 2, апр. С. 656—683; 1894. Т. 3, май. С. 6—43.
Лонгинов М. Н. Несколько дополнительных слов о графе Сперанском. М., 1860.
Нефедьев Е. А. Причины и цели издания полного собрания и свода законов с точки зрения Сперанского. Казань, 1889.
Романович-Славатинский А. В. Государственная деятельность графа М. М. Сперанского. Киев, 1873.
Основные положения преобразования судебной части в России, высочайше утвержденные в 29 день сентября 1862 г. С присовокуплением краткого обзора исторического хода судопроизводства от начала Руси до настоящего времени и биографии политической жизни графа М. М. Сперанского. М., 1863.
Уманец Ф. М. Александр I и Сперанский. СПб., 1910.
Филиппов А. Н. Император Николай I и Сперанский. Юрьев, 1897.
Якушкин В. Е. Сперанский и Аракчеев. СПб., 1905.

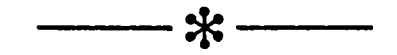
Оглавление

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЕ ИЗДАНИЕ

ЧИБИРЯЕВ
Станислав Архипович

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ
РЕФОРМАТОР

Жизнь,
деятельность,
политические взгляды
М. М. СПЕРАНСКОГО

Редактор
З. Г. Демидова
Художник
А. М. Драговой
Художественный редактор
М. Л. Храмцов
Технические редакторы
З. Б. Павлюк, Т. С. Жарикова
Корректоры
В. А. Бобров, Ф. Г. Сурова

ИБ № 39156

Сдано в набор 13.01.89.
Подписано к печати 17.05.89.
А-07003. Формат 84×108 1/32
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 11,4. Уч. кр. отт. 12,04. Уч.-изд. л. 11,6.
Тираж 10000 экз. Тип. зак. 1204
Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485. Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

С. А. Чибиряев

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ РЕФОРМАТОР

Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. СПЕРАНСКОГО

* Наука *

1 руб.

